

История Общество Политика 2021 №2(18)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(18)
2021

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2021. №2 (18)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.07.2021

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАО, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2021
© Коллектив авторов, 2021

HISTORY SOCIETY POLICY

N 2 (18)
2021

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2021. №2 (18)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 01.07.2021

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of general history and, international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after academic I. Petrovskii, 2021

© Authors, 2021

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Устинова Ю.Н.</i> Проблема парламентаризма в Германской империи: 70-е годы XIX века	7
<i>Петросова Т.Г.</i> Противостояние Великобритании и России на фоне восстания ихэтуаней в Китае в конце XIX века	15
<i>Лямцев М.Д.</i> Деятельность папских легатов в ходе Альбигойского крестового похода	20
<i>Рылов В.Ю.</i> Тоталитаризм, фашизм, сталинизм, либерализм, консерватизм, русофобия: истоки современных идейных споров	22
<i>Теплостанская А.В.</i> Продовольственные поставки по ленд-лизу и их роль в победе антигитлеровской коалиции	32

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Карпунин А.А.</i> Эволюция советского политического плаката первой половины XX века	39
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Лазаренко Е.И.</i> Деятельность Брянского губернского объединения артелей инвалидов войны	65
--	----

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Горащук И.В., Рослякова Н.В.</i> «Стригальные полочки» из поселений позднего бронзового века Урало-Поволжья	74
--	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Чурсин Д.И.</i> «Еголдаева тьма» и её волости по данным исторических источников	96
<i>Yakunina V.</i> Confiscation of goods by the Order's authorities of Narva on the livonian-russian border in the 15th century: the analysis of the legal and executive practice	120
<i>Ушаков А.В.</i> «Новгородские гости» Любека в XV–первой половине XVI века: краткий анализ источников	124
<i>Shinakov E.</i> “Pages” of Transilvanian history of the end of mediocrity and the beginning of the new times (15th and 17th centuries) according to the russian sources	130

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Чубур А.А.</i> В погоне за призраком палеолита: ученый хоровод вокруг Гамковских носорогов	140
<i>Устинова Ю.Н.</i> Немецкая историография национал-либеральной партии Германии (1871 г.)	170

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

<i>Леонов С.В.</i> Святые воины Брянской земли: князь Роман Михайлович	180
<i>Дрожжин Р.А.</i> Ледовое побоище 1242 г.: образ и интерпретация в современной отечественной историографии	184

РЕЦЕНЗИИ

<i>Артамошин С.В.</i> Великая война германских генералов (Размышления о книге: Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914-1921 гг. – СПб.: Евразия, 2016. – 528 с.).	187
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	192

Политическая история

УДК 943.082

Ю.Н. Устинова

ПРОБЛЕМА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: 70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация: в статье изложена национал-либеральная концепция развития парламентаризма в Германской империи. Представлен механизм взаимодействия партии и канцлера Бисмарка по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: национал-либеральная партия, Германская империя, парламентаризм, принцип разделения и независимости ветвей власти

Ustinova Y.N. The problem of parliamentarism in the German Empire: the 70s of the XIX century

Abstract: the article describes the national-liberal concept of parliamentarianism development in The German Empire. The mechanism of interaction between the party and Chancellor Bismarck on the issue under consideration is presented

Keywords: the national-liberal party, The German Empire, parliamentarianism, the principle of separation and independence of branches of power

В германской империи уже после революции 1848-1849 гг. стали появляться силы, понимающие необходимость реформирования политических отношений в государстве. В новой империи национал-либералы, как ведущая политическая сила в парламенте, желали утверждения конституционных начал путём создания парламентской системы с реальным влиянием рейхстага на политику. Создание правового государства являлось первостепенной задачей партии. Главная цель правового государства – исключить монополизацию власти, что подразумевало независимость законодательных, исполнительных и судебных структур. Ведущим признаком правового государства считается наличие сильного парламента. Залогом успеха политической модернизации признавалось взаимовыгодное сотрудничество с верным закону правительством. Доктрина национал-либералов была нацелена на коренную ломку устоявшихся монархических традиций полуабсолютистской Германии, что составляло главное препятствие в достижении цели [10, С. 19-22.].

Общеизвестный факт, что важным показателем развития парламентаризма является степень участия, заинтересованности населения в политической жизни страны. «Политическое красноречие ещё не выработалось в Германии окончательно как в Англии, Франции, США, и парламентские речи очень часто имеют слог и характер административных бумаг... Германские депутаты слушают ораторов внимательнее, чем французские, и потому нет необходимости прибегать к прикрасам или особой рельефности выражений для привлечения внимания. Но зато большинство в германском парламенте имеет дурную привычку беспрерывно смеяться» [1, С. 396]. Заседания в рейхстаге были публичны, но даже для самого терпеливого немца казались утомительными и скучными. В Германии второй половины XIX в. отмечался индифферентизм, равнодушие народа к происходящему в высших кругах власти. Читателям было решительно всё равно, прочтут они сегодня или послезавтра газетные отчёты о прениях в народной палате. Принимая во внимание такие черты национального менталитета немцев как практицизм и трезвый расчёт, простых обывателей более интересовали вопросы материального характера, чем политико-конституционные проблемы.

В Германской империи рейхстаг являлся государственным органом, непосредственно выражавшим мнение населения, его избравшего. Действуя в качестве противовеса прусскому министерству или союзному совету, парламент выполнял ту же роль, что и ландтаги в союз-

ных государствах. Народной палате принадлежало право законодательной инициативы, выраженное в утверждении бюджета и осуществлении контролирующих функций. Однако её фактическая власть была сравнительно небольшой. В случаях, когда рейхстаг отклонял внесённый правительством законопроект, последний слегка редактировали и пропускали через верхнюю палату в качестве указа. Одновременно быть членом двух палат запрещалось. В качестве обязательного условия успешной парламентаризации депутаты рассматривали равноправие министерств.

Самым влиятельным человеком в империи был канцлер, полномочия которого ограничивались двумя институтами: рейхстагом, куда союзный совет направлял законопроекты для утверждения, и императором, который мог снять его с должности. В его отношениях с парламентом обе стороны считались формально независимыми, однако, как председатель союзного совета, как канцлер, как делегат кайзера Бисмарк имел все рычаги давления на данное учреждение. Кроме того он был единственным министром, ответственным перед союзным советом и рейхстагом за все действия исполнительной власти. Следовательно, формирование правового государства подразумевало непосредственное ограничение полномочий канцлера в сторону усиления парламента. Чтобы ослабить продвижение парламентаризма, чего опасались в союзном совете, Бисмарку следовало «как прирученной кобре выломать все ядовитые зубы» рейхстагу [12, S. 228]. Но сами национал-либералы либерализацию властных структур считали вопросом времени, и были полны оптимизма, что общество развивается в соответствии с их представлениями.

Ещё одним существенным недостатком действовавшей политической системы являлось то, что партия парламентского большинства не образовывала правительство. С момента объединения Германии национал-либералы не входили в министерство и не были связаны с государственной элитой, что Ласкер – один из лидеров Национал-либеральной партии – считал главной ошибкой либеральной эры [7, S. 101]. Министерские портфели принадлежали преимущественно консервативным деятелям, что замедляло темпы либерализации.

Развернувшуюся дискуссию Бисмарк считал абсолютно бесполезной, уподобив её поиску пятого колеса у телеги [7, S. 401]. Появление проблемы он трактовал как недовольство парламентариев текущим положением: недавними военными успехами и работой канцлера, что расценивалось им как личное недоверие. Первые шаги к функциональному усилению народной палаты оказались неудачными. В северогерманском рейхстаге данный вопрос не получил достойного развития. В единой Германии проблема первоначально даже не ставилась. Принимая во внимание имевшийся печальный опыт, национал-либералы её решение отложили на будущее.

Выборы в первый общегерманский рейхстаг состоялись 10 января 1871 г. Национал-либералы получили 119 мандатов, что составило абсолютное большинство палаты. Из 382 депутатов 202 образовали либеральный лагерь. В начале каждого законодательного срока парламент избирал из своего состава президента, вице-президента и секретаря. С 1871 по 1877 гг. президиум был представлен членами национал-либеральной партии. Участие в парламентских дебатах партия придавала огромное политическое значение, так как рассматривала рейхстаг как «последний приют общественного мнения» [5, S. 7], собравший «весь цвет нации, её трезвый ум, являющийся мотором развития страны» [10, S. 22]. Её победа означала начало модернизации общественных отношений и институтов власти в духе либерализма.

Уже в первом рейхстаге национал-либералам удалось достичь некоторых успехов в деле парламентаризации. Отсутствие вознаграждений влекло за собой частую непосещаемость депутатами заседаний рейхстага, что сказывалось на результативности работы палаты. Со-

гласно парламентской статистике за первый законодательный срок, на сессиях отсутствовали 75 % членов фракции поляков, 50 % партии Центр, почти 50 % прогрессистов, 33% консерваторов, 25 % представителей либерального лагеря [14, S. 908]. Исход значительной части текущих дел зависел от решения группы политиков из 60-80 человек. Чтобы одобрить или отклонить законопроект, партия вынуждена была вступать в коалицию с другими фракциями. Чаще всего её союзниками выступали прогрессисты или консерваторы.

Такое необязательное отношение политиков к заседаниям обуславливалось содержанием 32-ой статьи конституции, направленной против парламентской оппозиции, не имевшей средств на участие в заседаниях [8, S. 95]. Депутаты не получали никакого жалования или вознаграждения на время сессии, которая продолжалась до четырёх месяцев. Единственной их привилегией было право бесплатного проезда по железной дороге. Поэтому «приезжим» избранникам народа приходилось самостоятельно заботиться о проживании, проезде, питании, что требовало значительных средств. Около 150 депутатов принадлежали к урожденной аристократии, немногим более 190 – имели незначительный уровень доходов. Власть видела решение вопроса в сокращении сессии и ускоренном принятии решений. Последнее означало беспредельное нарушение принципов парламентской процедуры, что имело место уже в 1871 г. Тогда все три чтения законопроекта о военном бюджете были проведены за три дня и депутаты разошлись на рождественские каникулы, практически безоговорочно выполнив волю правительства. Это наблюдалось и при обсуждении закона против иезуитов 1872 г.

Летом 1871 г. либеральное большинство подняло вопрос о повышении эффективности работы палаты, под чем подразумевалась отмена 32-ой статьи. Прогрессист Шульце предложил отныне выдавать депутатам суточные и оплачивать транспортные расходы [13, S. 104-105]. Парламентарии не могли трудиться на голом энтузиазме. Отсутствие жалования нарушало принцип выборности, а существование всеобщего избирательного права приобретало формальный характер. Одобрение проекта увеличило бы представительство от партий среднего класса. В противном случае – повлекло бы за собой значительное сокращение некоторых политических сил в рейхстаге, что докладчик трактовал как проявление социальной несправедливости. Было неизвестно, как изменение отразится на следующих выборах.

Поправка к закону затрагивала также проблему сменяемости членов парламента. Постоянное обновление состава могло негативно отразиться на продуктивности заседаний, что объяснялось низкой политической культурой «новоиспечённых» депутатов [13, S. 302].

Национал-либералы единогласно поддержали инициативу прогрессистов. Представитель партии от Вюртемберга О. Эльбен настоял, что целесообразно ввести закон в действие уже со следующего законодательного периода [13, S. 155]. Рассматриваемая мера позволяла партии расширить представительство своей парламентской ячейки и привлекала электорат. Закон должен способствовать спокойной плодотворной работе народной палаты, ограждая парламентариев от решения насущных проблем и концентрируя их внимание на широком спектре политических задач.

Канцлер сводил законодательную функцию рейхстага лишь к одобрению проектов союзного совета, являвшегося «источником глубокой политической мудрости» [13, S. 302]. Бисмарку был выгоден непродолжительный, «короткий» парламент, поскольку принятие самых важных документов практиковалось им в обход парламентской процедуры. При наличии жалования не имело смысла отменять заседания или ускорять принятие решений.

В положительный исход прений мало кто верил. Вероятность успеха казалась невысокой. Однако закон был одобрен в 1873 г.

Развитие парламентской системы в Германии во многом осложнялось властью военных, юнкерства и бюрократии, устройством немецкой партийной системы и нормами импер-

ской конституции, страхом буржуазии перед массовыми выступлениями. Однако главное препятствие заключалось в промонархических настроениях членов союзного совета. Национал-либералы считали, что именно реформа верхней палаты должна выступить предпосылкой демократических преобразований в высших кругах.

В рассматриваемый период работу парламента осложняли три момента. Во-первых, в действовавшем кабинете министров преобладали умеренно-консервативные настроения. Во-вторых, большинство имперских чиновников были преимущественно прусского происхождения, что дополняло их консерватизм. В-третьих, верхняя палата, представленная в своём большинстве дворянством, ограничивала деятельность рейхстага путём «материального замедления» и «нравственного давления». Это был своеобразный местный продукт империи, обеспечивавший надёжную поддержку короне.

Проблема реформирования союзного совета становилась предметом многочисленных внутрипартийных споров, дискуссий. Но открыто она никогда не ставилась, ибо означала серьёзное выступление против действовавшей власти, коренную ломку привычного строя, что неизбежно спровоцировало бы административные и социальные изменения.

Историк Трейчке усматривал существование верхней палаты как угрозу либеральному законодательству, поскольку та «будит консервативные взгляды нации..., наносит вред интересам истинной, жизнеспособной аристократии..., наконец, она мешает вере в будущее двухпартийной системы» [18, S. 391]. В своих трактатах он описал содержание предлагаемой реформы, уделив пристальное внимание социальному составу учреждения. По мнению национал-либерала, в верхней палате должны быть представлены все сословия, но степень их участия в политике предполагалась различная. Мелкая земельная аристократия составила бы её центральную силу; истинные «господа», носители рангов, богатства и прежней славы могущественных родов образовывали бы только 1/5 палаты; графы и католические служители, члены магистрата и профессора являлись бы самой бессильной и бесполезной частью совета, которая никоим образом не влияла на его работоспособность. Участие в политике последних было минимальным [17, S. 360].

Отмечалось, что оба органа должны быть равновластны. Но в течение текущего столетия народная палата должна «подвинуть» верхнюю. Согласно мнению Трейчке, на вершине политической иерархии находилась корона, второе место отводилось народной палате, за которой следовала верхняя. Но национал-либерал оговаривал, что серьёзные преобразования должны быть обязательно подготовлены и найти живой отклик общественности. Но в начале 70-х гг. XIX в. в умах граждан укоренилось мнение о существовании однопалатной системы, что, по его мнению, являлось в корне ошибочным. Это заблуждение и образовало главное препятствие на пути демократических перемен [17, S. 406]. Идеи остались только на бумаге.

Национал-либералы не решались произвести революцию в системе управления, что объяснялось желанием сохранить доверие Бисмарка и умеренностью, осторожностью партии в отношениях с властью. Существенным препятствием модернизации было то, что депутаты не образовывали министерство. Но пока они сами спокойно взирали на это обстоятельство, объясняя, что их время ещё не пришло. Поэтому любые внутрипартийные разногласия легко и быстро сглаживались и «так будет до тех пор, пока в общественном мнении не совершится переворот, от которого и распадется национал-либеральная партия» [1, S. 836]. Если в начале 1870-х гг. это была популярная политическая сила, то к концу 1876 г. стало проявляться недовольство населения либеральным законодательством последних лет.

Накануне выборов 1877 г. произошли серьёзные административные перемещения. В апреле 1876 г. был уволен начальник имперской канцелярии Р. Дельбрюк, симпатизировавший идеям партии. Согласно официальным источникам, политик ушёл в отставку по при-

чине плохого самочувствия. 1 июня его пост занял уроженец Гессена Карл Гоффман, придерживавшийся консервативных позиций. Среди населения появлялись предположения о возможных будущих смещениях. Маховик слухов и домыслов касался намечавшейся добровольной отставки министра финансов О. Кампгаузена.

Наращение социальной напряжённости и снижение экономических темпов роста подталкивали власть к корректировке внутривнутриполитического курса, инициатором которой выступил Бисмарк. Чтобы коренным образом изменить положение, канцлеру нужен был партнёр, надёжный союзник. Желая обеспечить своей политике уверенную поддержку и увеличить работоспособность рейхстага, он предложил летом 1877 г. лидеру партии Р. Беннигсену возглавить министерство внутренних дел, став его заместителем [16, S. 103-104].

Несомненно, национал-либералы желали получения министерских портфелей. Сами они полагали, что уже давно назрела необходимость модернизации политической системы, поэтому рассчитывали максимально использовать представившуюся возможность. К тому же в предвыборной программе особым пунктом значилось завершение административной реорганизации с введением должности хотя бы одного ответственного министра. Мотив предложения канцлера партия видела в постоянно увеличивавшемся объёме дел правительства [9, S. 167]. Депутаты надеялись вернуть популярность у избирателей, сохранить уважение и почет в парламенте. Вхождение в министерство обеспечило бы национал-либералам уверенную поддержку их инициатив в рейхстаге, что значительно ускорило бы продвижение либеральных идей в империи.

Стимулом к непосредственным действиям стало обращение Бисмарка в народной палате в апреле 1877 г. с просьбой о выделении длительного отпуска по причине плохого самочувствия. На время его отсутствия внутренняя политика передавалась в ведение начальника имперской канцелярии. Решение вопросов внешней политики было возложено на государственного секретаря фон Бюлова [14, S. 314]. Событие подтолкнуло парламентариев к выработке закона о должности заместителя канцлера с целью ограничения его полномочий. Этим шагом они надеялись приблизиться к созданию коллегиального имперского министерства, где вместо единственного ответственного канцлера решения выносили бы самостоятельные ведомства коллегиальным голосованием. Поскольку прежде этот вопрос всякий раз встречал жёсткое сопротивление со стороны депутатов и правительства, было решено добиваться введения юридической ответственности для отдельно взятого ведомства. Выбор пал на министерство финансов.

Предвидя неготовность национал-либералов уступить, Бисмарк предпринял хитрый обходной манёвр: сделал достоянием общественности приглашение Беннигсена в министерство. Поэтому очередной визит депутата в Варцин в январе 1878 г. был заранее доведен до публики. Канцлер действовал на опережение. Длительные переговоры не дали результата. Каждый остался при своём мнении.

Общая черта национал-либералов заключалась в том, что предлагаемые ими мероприятия, как правило, имели теоретическую направленность и являлись трудно применимыми. Однако на этот раз иную позицию занял Ласкер. Он упрекал авторов проекта в бессистемности, создании закона под влиянием политической ситуации, чего следует избегать. Накануне начала прений, под впечатлением от итога недавних экономических дебатов главы ряда министерств подали прошение об отставке. В начале февраля в связи со смертью папы римского, наметился поворот к завершению «культурной» политики и министр Фальк был уволен. Господствовала министерская анархия, а главный министр находился в длительном отпуске. Национал-либерал отстаивал позицию создания универсальных законов без поправки на текущее положение дел.

Политическая ценность проекта для Ласкера заключалась в построении на его основе будущей парламентской системы. Согласно документу нужно ввести должность самостоятельного ответственного заместителя, действовавшего исходя из реальной ситуации, а не в рамках формальных предписаний конституции. «Это закон о широком всеилии канцлера и кайзера» [15, S. 417], где основной круг полномочий приходился на первого. Канцлер не может нести ответственность за то, чего не совершал.

По мнению Ласкера, третий параграф, по сути отменявший предыдущие два, заключал главный замысел закона, заключающийся в «тайной сделке между канцлером, кайзером и министром финансов» [15, S. 391], поскольку при создании проекта Бисмарк подразумевал именно область полномочий последнего. Политик высказал мысль о создании двух самостоятельных ведомств: министерства иностранных дел и министерства для управления Эльзас-Лотарингией.

В целом в партии требовали пересмотра закона, надеясь на сокращение полномочий канцлера. За исключением сторонников Трейчке, национал-либералы противились созданию союза Пруссии и империи. Беннигсен занял нейтральную позицию и ждал решения партийного большинства. Ласкер воспринял проект в штыки, ибо документ лишь закреплял полномочия канцлера под внешне демократической оболочкой закона.

Радикализм позиций Ласкера подметили и его коллеги, и депутаты других фракций. Единомышленник по партии Л. Бамбергер отмечал, что из-за взрывной натуры Ласкеру часто приходилось сдерживать эмоции, но за кулисами он не стеснялся в выражениях. Данный проект политик считал созданным для определённого человека – для Бисмарка. За решительность, смелость и верность принципам, не редко граничившими с доктринёрством, Бамбергер прозвал коллегу ригористом [15, S. 418].

Бисмарк успокаивал национал-либералов: его функции по закону совершенно незначительны и не заслуживают столь тщательного пересмотра. То, что Бисмарк предлагал национал-либералам, было для них слишком мало; а то, чего он требовал от них, было для последних слишком много. Депутатам предоставлялась видимость участия в политике [3, S. 241]. Мнения в партии разделились. Большинство политиков приняло позицию Бисмарка в продвижении мнимой политической либерализации. Партийное меньшинство не отступало от принципов, изыскивая возможность как можно шире их применить. Определились два крыла: левое боролось за подотчётность министров рейхстагу и избегало компромиссов; правое опасалось потери парламентского влияния и искало выход в сотрудничестве с властью. Линию расхождения позиций лидеров двух направлений ясно обозначил Г. Онкен. Идеал Ласкера он видел в построении правового государства, идеал Беннигсена – в создании национального государства [11, S. 251]. Они представляли разные стороны прежнего двойного идеала: единства и свободы нации, ставших основой национал-либерализма в 70-х гг. XIX в.

Канцлер не оставил без внимания резкую критику Ласкера: выступление свелось к выражению личной вражды и неприязни к депутату. Именно наличие левого крыла рассматривалось Бисмарком как помеха для продолжения сотрудничества с фракцией.

Несмотря на плюрализм мнений и усиливавшиеся разногласия национал-либералы поддержали закон в его первоначальном варианте. Документ приняли 17 марта 1878 г. Закон расширил полномочия Бисмарка и подтвердил негласное усиление прусского влияния в империи. Смена министерских портфелей была произведена в пользу консерваторов.

В это же время Р. Беннигсен ответил решительным отказом на предложение возглавить правительство, означавшим охлаждение взаимоотношений партии с властью и практически завершение их сотрудничества. Предшествовавшие события и исход голосования показали, что либеральная идеология постепенно переставала быть опорной системой взглядов в поли-

тических кругах и в обществе. Отсутствие согласия в рядах самой партии, а также расхождение позиций с Бисмарком по вопросам государственного строительства препятствовали дальнейшей продуктивной работе рейхстага. Для депутатов такое решение приобретало значение катастрофы. Если отказ от экономической политики правительства спровоцировал раскол между канцлером и национал-либералами, то закон о заместительстве усилил его. Внутрифракционные противоречия накапливались. Ласкер переживал о главном: опасался замораживания парламентаризации Германии. Беннигсен желал видеть лишь то, что на поверхности: он согласился с правительственной формой либерализации в виде закона о заместительстве, содержание которого не отвечало ожиданиям национал-либералов. Приглашение в правительство Беннигсена было лишь попыткой избавиться от «ласкерщины». Бисмарк видел, что партия неоднородна и своим предложением подталкивал её к расколу, желая продолжить сотрудничество с правым крылом.

В отечественной литературе периода царской России есть забавный анекдот, отразивший динамику отношений национал-либералов и канцлера и развитие либеральной мысли в Германии. В 1848 г. будущий национал-либерал предстает в виде красной обезьяны в черной демократической шляпе с широкими полями. Животное взобралось на живот спящего представителя власти, приняв по отношению к нему самую неучтивую позу. К 1877 г. эта обезьяна побурела, через плечо у неё лента германских национальных цветов. Она уже преклоняется перед украшенным лавровым венком бюстом Бисмарка [4, S. 131]. Таким образом, изначально решительно настроенным национал-либералам не удалось сколько-нибудь «приручить», ослабить единоличную власть канцлера и короны в пользу народного представительства. В стремлении к парламентаризму, то были скорее «люди, затаившие свои принципы в случае надобности в кармане» [4, S. 131], чем инициаторы спора. Для сохранения позиций они внешне пополнили лагерь сторонников политики Бисмарка, а внутренне оказались расколотыми. Своими действиями национал-либералы, являвшиеся ведущей либеральной силой в государстве, не способствовали продвижению свобод в Германии.

Что касается успехов парламентаризации в империи, то среди исследователей истории Германии 70-90-х гг. XIX в. сложилось единое мнение о бледных, неискренних попытках национал-либералов модернизировать политические отношения в духе либерализма. Приводятся различные названия данного процесса, содержащие оценочную характеристику. В советской литературе первой половины XX в. можно встретить термин «мнимый конституционализм» либо «псевдопарламентаризм» [2, S. 18]. В немецких исследованиях 90-х годов прошлого века речь шла о «тихой парламентаризации» империи [6, S. 40].

Национал-либералы были непоследовательны в реализации партийной программы. Они оказались орудием в руках правительства, поэтому им не удалось не только приобрести новых прав для народа, но даже не сумели сообщить министрам парламентское воспитание. Партия тешила себя мыслью о своём политическом влиянии, народной популярности, что являлось оптическим обманом. Её достижения и авторитет опирались на прошлые успехи правительства. Национал-либералы не были самостоятельной силой. Их старания и усилия в реализации политической доктрины останавливала неуступчивая натура железного канцлера.

Библиографический список

- 1 Вестник Европы. 1875. Кн. 2.
- 2 Знаменский В.В. Германия в 70-90-х годах XIX века. – Л., 1936.
- 3 Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. – М., 1923.
- 4 Новгородцев Л.В. Германия и её политическая жизнь. – СПб., 1904.
- 5 Bamberger L. Die sozialistische Gefahr. – В., 1886.

- 6 *Boldt H.* Der Föderalismus im deutschen Kaiserreich als Verfassungsproblem // Rumppler H. Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung in Österreich und Deutschland: 1867-71 bis 1914. – Wien/München, 1991.
- 7 Der Reichstag. Aufsätze, Protokolle und Darstellungen zur Geschichte der parlamentarischen Vertretung des deutschen Volkes. 1871-1933. – Frankfurt-am-Main/Bonn, 1963.
- 8 Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. 1849-1934. Urkunden und Aktenstücke zur inneren und äußeren Politik des Deutschen Reiches in 4 Bänden. Bd. I. 1849-1906. – B., 1934.
- 9 Im Neuen Reich 1871-1890: Eine politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Bd. II. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. – Osnabrück, 1970.
- 10 Nationalliberale Parlamentarier 1867-1917 des Reichstages und der Einzellandtage. Beiträge zur Parteigeschichte. – B., 1917.
- 11 Oncken H. Rudolf von Bennigsen. Ein deutscher liberaler Politiker. Nach seinen Briefen und hinterlassenen Papieren. Bd. II. 1867-1902. - Stuttgart/Leipzig, 1910.
- 12 *Sell F.G.* Die Tragödie des deutschen Liberalismus. - Stuttgart, 1953
- 13 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 23. – B., 1871.
- 14 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 50. – B., 1877.
- 15 Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 51. – B., 1878.
- 16 *Stürmer M.* Bismarck und preußisch-deutsche Politik 1871-1890. - München, 1970.
- 17 *Treitschke H.* Heinrich von Treitschkes Briefe. Bd. III. – Leipzig, 1920.
- 18 *Treitschke H.* Zehn Jahre deutscher Kämpfe 1865-1874. Schriften zur Tagespolitik. – B., 1874.

Сведения об авторе:

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия); E-mail: juli-ja0404@rambler.ru

УДК 94(510).08

Т. Г. Петросова

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ НА ФОНЕ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется обострение противоречий между Великобританией и Россией на Дальнем Востоке в ходе восстания ихэтуаней в Китае. Анализируются особенности британской политики на Дальнем Востоке в конце XIX в., столкновение британско-российских интересов в регионе.

Ключевые слова: Дальний Восток, внешняя политика Великобритании, восстание ихэтуаней.

Petrosova T.G. The confrontation between Great Britain and Russia against the background of the Yihetuan uprising in China at the end of the XIX century.

Annotation: The article examines the exacerbation of contradictions between Great Britain and Russia in the Far East during the uprising of the Ichuan in China. The features of British policy in the Far East at the end of the 19th century, the clash of British-Russian interests in the region are analyzed.

Key words: the Far East, British foreign policy, the ichuan uprising.

Проблема вмешательства европейских держав во внутренние дела стран Дальнего Востока и попытка их полного подчинения своим интересам особенно актуальна во второй половине XIX века. Государства Дальнего Востока, в частности, Китай, пытались отстоять свое право на принятие независимых решений от европейских держав. Ярким примером может послужить боксерское восстание (восстание ихэтуаней), произошедшее в 1898 – 1901 гг, в котором приняло участие множество других государств, включая Россию. В рамках этого восстания мы видим обострившееся противостояние между Великобританией и Россией.

При рассмотрении событий восстания ихэтуаней автор исходит из того, что именно во второй половине XIX века начинается «Большая игра» между европейскими державами за расширение сфер влияния на государства Востока, в которой используется различные методы борьбы, включая попытки регулирования внутренней политики в этих государствах.

Тема развития стран Востока в рамках борьбы за влияние на этой территории европейских держав и России в XIX веке привлекает ученых. Можно выделить работы таких исследователей, как Д. Позднеева, А. З. Мышлаевского, В. И. Покровского, Ю. А. Романова, П. И. Острикова, И. М. Попова и Е. Ю. Сергеева. Однако, специалисты не рассматривают отдельно британо-русские противоречия на Дальнем Востоке.

В связи с этим возникает теоретическая необходимость рассмотрения проблемы британо-русских противоречий на Дальнем Востоке. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение этого вопроса на фоне восстания ихэтуаней в Китае.

Научная значимость проблемы состоит в том, что ее решение поможет расширить круг подходов к изучению международных отношений в XIX веке, исследовать причины противоречий между Великобританией и Россией, показать направления анализа современной геополитической ситуации.

Полученные знания и выводы могут найти применение в области изучения истории международных отношений, а также для понимания современной политической ситуации в мире.

В отечественной историографии британо-русские противоречия в Китае в к. XIX – н. XX вв. освещены мало. Отдельные аспекты по данной теме рассматриваются в исследованиях, посвященных отношениям Китая и России в XIX – XX вв., политике европейских держав в отношении Китая, началу «Большой игры» в дальневосточном регионе. В дореволюционном этапе исследования можно выделить работы Д. Позднеева, А. З. Мышлаевского, В.

И. Покровского, которые уделяли большое внимание вопросам экономического характера, торговле России с соседними государствами на Дальнем Востоке.

Активизация исследовательского интереса к проблеме противоречий между Россией и странами Запада в дальневосточном регионе после 1917 года. Это связано с тем, что историки получили широкий доступ к царским архивам. В первой половине XX века работы историков, изучавших британо-русское противостояние на Дальнем Востоке в к. XIX – н. XX вв., приобрели идейно-политический, а местами и негативистский характер. Примером служит работа «Русско-японская война 1904-1905 гг.», подготовленная военно-исторической комиссией для описания русско-японской войны.

Во второй половине XX века работы историков в этом направлении стали носить более объективный характер. Так, Ю.А. Романов в работе «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907 гг.)» описал более полную картину, раскрывающую многовариантность взглядов русских политиков по вопросу об отношениях с Китаем и Японией, и о закулисных маневрах Англии, используя в своей работе большой объем архивных и мемуарных материалов.

Интересный взгляд по данной теме представлен в работе И. М. Попова «Россия и Китай: 300 лет на грани войны». Автор рассматривает взаимоотношения России и Китая с позиции неизбежного взаимодействия. Каждая из стран пытается находить и сопоставлять слабые и сильные стороны, как свои, так и соседа, и на этой основе строить свою внешнеполитическую стратегию. [15, с. 4]. Этот труд позволяет по-новому взглянуть на отношения Китая и России с XVII века по 1917г и прогнозировать их развитие в будущем. Но с некоторыми выводами Попова можно не согласиться. В частности, он утверждает, что основной причиной освоения Дальнего Востока Россией и ее стремление к налаживанию отношений с Китаем было недопущение усиления европейских государств на этой территории. Анализируя положение России на мировой арене в первой половине XIX века, можно сделать следующие выводы. У России не было выходов к Черному морю. Поражение в Крымской войне ослабило ее перед европейскими державами. Дальний Восток представлял собой неосвоенную и перспективную территорию в плане развития торгово-экономических и дипломатических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно перспективность региона играла главную роль в освоении Россией Дальнего Востока.

Британо-русские противоречия в Китае Попов И. М. рассматривает с позиции общего ослабления Китая в к. XIX – н. XX вв. Китай являлся в этот период объектом ожесточенной колониальной политики западных держав. Политическая слабость, разложение правящих элит, экономическая отсталость, культурно-духовная деградация происходили на фоне активного внедрения Запада в древнюю страну.[15, с. 177].

А.А.Дейнеко рассматривает восстание ихэтуаней как один из аспектов идеологической борьбы между державами за влияние в Китае. Макаров В. А. анализирует восстание ихэтуаней с точки зрения проблемы взаимоотношений «Запада» и «неевропейского мира» [10].

Дж. Лензен отмечал, что «Корень проблемы следует искать не в намеренной фальсификации исторических событий, а в том, что большинство специалистов по истории международных отношений не читало по-русски, а те немногие, кто владел языком, не имели доступа к советским внешнеполитическим архивам». Он вводил в оборот англоязычных исследователей не только русские, но и японские, китайские источники. Он в своей работе отметил межведомственные и личностные противоречия, мешавшие выработке единого курса, не считал русско-японскую войну неизбежной, не возлагал вину за её развязывание на «воинственность» русского императора и части его окружения. [8]

В период второй половины XIX в. – н. XX в. Китай являлся сферой противоречий между Западными державами и Россией. Каждое из государств стремилось закрепиться на этой территории любыми средствами. Активное проникновение Западных держав в Китай происходило на фоне ослабления династии Цинь и углубления социально-экономических кризисных явлений в стране.

В середине 1890-х гг. англо-русское соперничество обострилось в Китае. Англичане рассматривали как область своих интересов, прежде всего, центральные провинции Средней империи. Британия также придерживалась принципа «свободной торговли», равных прав и неограниченной конкуренции по всему Китаю. Вскоре английские и русские интересы начали приходить в столкновение в Южной Маньчжурии и столичной провинции Чжили. Не лучшее в тот момент международное положение Англии, её отказ от политики «блестящей изоляции» и плохо удававшееся стремление уладить отношения с Францией и Германией, толкали Лондон вновь и вновь к попыткам договориться с Петербургом, в том числе и по делам Дальнего Востока. [9, с. 329]

В Китае зрело недовольство крестьян, усиленное наводнением 1898 года, когда Желтая река вышла из берегов, затопив сотни деревень, а также разразившейся в следующем году засухой. Поползли слухи, что причины этих стихийных бедствий стали иностранцы, проповедовавшие свою религию и тем самым оскорбившие духов; кроме того, строительство железных дорог и добыча полезных ископаемых в горах нарушили гармонию человека и природы. [7, с. 421]

Ситуация в Китае подогревалась и действиями самих иностранцев.

В августе 1897 года полковник Воронов получил конкретную задачу: организация обучения китайской кавалерии и ведение военно-политической работы по линии российского дипломатического представительства. Российская сторона неизменно подчеркивала особый статус своего военного советника в китайских войсках. [15, с. 190].

Западные державы, в первую очередь, Великобритания, применили более эффективный прием в общении с Китаем: с одной стороны могли применить военную силу, с другой стороны, следуя китайскому этикету, могли проявить мнимую покорность.

Ненависть к иностранцам стали использовать приверженцы нового тайного культа, распространившегося на севере Китая в 1890-е годы, именовавшееся «Кулак во имя справедливости и согласия», а поскольку в название общества входило слово «кулак», европейцы называли его членов «боксерами».

Попустительство губернатора провинции Шаньдун деятельности ихэтуаней способствовало её расширению, запугиванию иностранных миссионеров и новообращённых из местных жителей. [13, с. 188]. Таким образом, процесс усиления народного гнева против иностранцев было уже не остановить.

Понимая, что реакция западных держав на действия ихэтуаней будет незамедлительна, китайские власти начали подготовку к отражению военной агрессии, проводя агитацию среди населения против иностранцев, активизируя недовольство внешней экспансией.

Одновременно усиливались на территории Китая и антироссийские настроения. Так в телеграмме Реунова Дубасову (Талиеван, 29 марта/10 апреля 1898 г.) описываются следующие события: «В Талиеване собрались переодетые в крестьян солдаты из киньчаусских войск, почему оцеплено селение и посторонние будут удалены. Китайцы становятся крайне дерзки. Если не будут удалены немедленно [китайские] войска из Кинчау, думаю, что может быть нападение на Талиеван. Надо думать, численность их войск около трех тысяч. Не имею приказаний на мои предшествующие телеграммы. Необходимо немедленно принять энергические меры» [5].

26 января 1899 года генерал Субботич телеграфировал, что из-за сбора податей произошло столкновение между русским пикетом и китайскими отрядами что 20 человек китайцев убиты. [1]

В начале 1900 г. ихэтуани приблизились к Пекину и Тяньцзиню, а общее количество восставших достигло 100 тысяч человек. Солдаты переходили на сторону восставших.

28 мая на совещании посланники Австро-Венгрии, Британии, Италии, России, США, Франции и Японии решили вызвать в Пекин дополнительные вооружённые отряды с иностранных военных кораблей, находившихся в Чилийском заливе. 30 мая эти корабли высадили в Дагу десант, часть которого поездами направилась в Пекин. Началась военная интервенция, в которой наряду с семью перечисленными странами участвовала Германия. Официальной её целью державы объявили освобождение иностранных дипломатов, а фактически стремились к полному разделу Китая. [3, с. 423]

Именно в 1900 году противоречия между Россией и Великобританией в Китае максимально обострились. С одной стороны, обе державы стремились подавить восстание ихэтуаней, с другой стороны закрепить свои позиции на территории Китая. Как вспоминал участник событий В.В. Корсаков, 18 и 19 мая в столицу Китая прибыли военные отряды иностранцев (79 англичан, 75 французов, 63 американца, 50 немцев, 28 итальянцев) и русский контингент — 72 матроса при двух офицерах. [6, с. 94, 95]. Таким образом, военное присутствие в Китае англичан и русских было наибольшим, по сравнению с контингентом других государств.

Союзники заняли Пекин, а императорский двор во главе с правительницей Цыси бежал. Так закончилось восстание ихэтуаней. Теперь политика западных держав и России была направлена на умиротворение Китая и недопущение подобных восстаний в будущем.

Особенно остро проблема выбора политического пути в отношении Китая стояла перед Великобританией, которая имела наибольшие экономические интересы на этой территории при незначительных силах, способных стать на их защиту.

Россия проводила особую политику в Китае: с одной стороны, стремилась укрепить союзнические отношения с Китаем, с другой стороны, усилить свое военное присутствие на Дальнем Востоке с целью ослабления позиций Великобритании и Японии.

В этой связи, Министерство финансов приняло на себя излишние против обыкновенных расходы по содержанию войск на Квантунском полуострове и по охране последнего, а равно и предстоявшие расходы по увеличению квартирных окладов. <...>. В распоряжение Военного министерства были ассигнованы еще из общих ресурсов Государственного казначейства сверхсметные кредиты всего на сумму 93.790.941 руб., из которых: 10.250.000 руб. на расходы в 1898г., вызванные командированием войск для оккупации Квантунского полуострова, 75.674.300 руб. на расходы, вызванные осложнениями на Дальнем Востоке, и 7.866.641 руб. на некоторые другие расходы второстепенного свойства. [2]

Таким образом, позиции России и Великобритании по отношению к Китаю были принципиально разными в ходе восстания ихэтуаней, еще раз подчеркнувшие противоречия держав на Дальневосточном направлении. Если политика России была миролюбивой, нацеленной на развитие отношений с Китаем, с сохранением военного контингента для поддержания своих интересов на Дальнем Востоке, то политика Великобритании была направлена на подчинение Китая силой.

Восстание ихэтуаней в Китае еще раз подчеркнуло ряд неразрешенных противоречий на Дальнем Востоке между Великобританией и Россией. Боксерское восстание подтвердило положение Китая в качестве полуколонии европейских держав.

Ни Англия, ни Россия в конце XIX века не хотели уступать друг другу в Китае, движимые экономическими интересами. Именно восстание ихэтуаней сподвигло обе стороны начать переговоры по решению накопившихся проблем на Дальнем Востоке.

Таким образом, восстание, с одной стороны, привело Великобританию и Россию к дипломатическому решению проблем на Дальнем Востоке, с другой стороны, еще больше обострило ситуацию между западными державами и Россией в рамках отстаивания экономических и политических интересов.

Библиографический список

1. Донесение Позднеева Витте, Пекин, 29 января/10 февраля 1899 г. №171, РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 133. Л. 214 – 217 об. Автограф Позднеева.
2. Из всеподданнейшего отчета Куропаткина о мероприятиях Военного министерства за 1898 – 1902 гг., декабрь 1902 г., секретно. РГВИА. Ф.165. Оп. 1. Д. 812. Л. 4 – 5 об., 7-8 об., 13-14, 16-17, 19-19 об., 21, 24 об. – 25 об., 39 об., 42, 43 об., 46 об., 47, 54 об., 56, 67-68, 71. Печатный экземпляр
3. Порт-Артур и Дальний, 1894-1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов; Центр гуманитарных инициатив, М.- СПб, 2018.
4. РГА ВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 213. Л. 343. Машинописная копия.
5. *Корсаков В.В.* Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май-август 1900 года. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901.
6. *Крюгер Р.* Китай. Полная история Поднебесной [пер. с англ. Д. Воронина, Ю. Гольдберга]. – М.: Эксмо, 2006.
7. *Лензен Дж.* Баланс интриг: международное соперничество в Корее и Маньчжурии, 1884-1899. М., 1982.
8. *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в к. XIX – н. XX вв., СПб: Нестор-история, 2008.
9. *Макаров В.А.* Итоги восстания ихэтуаней в представлении британской образованной публики и проекты новой политики в Китае. 1900-1901 гг. (По материалам периодической печати Великобритании) // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. Т.4. – История. 2011. № 1. С. 119-127
10. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. – М., 1996.
11. *Нарочницкий А. Л., Губер А. А., Сладковский М. И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке, Т.1. С конца XVI в. до 1917 г. / отв. ред. Е. М. Жуков - М., 1973
12. *Нилус Е. Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги и Товарищества «Озо», 1923
13. *Остриков П. И.* Империалистическая политика Англии в Китае в 1900–1914 гг., М., 1978.
14. *Попов И. М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. - М.: Астрель, 2004.
15. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856-1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
16. *Фарберова О. Е., Зайцев В. А., Баранов Д. А.* Ихэтуаньское восстание: позиция России / Из истории военно-политических отношений// Военно-исторический журнал, №5, 2018. С.33-40.

Сведения об авторе:

Петророва Татьяна Геннадьевна, аспирант Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, tatyanka1204@rambler.ru

УДК 94(44).023

М. Д. Лямцев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАПСКИХ ЛЕГАТОВ В ХОДЕ АЛЬБИГОВСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Аннотация: Одними из первых, кто встал на борьбу против альбигойской ереси, стали легаты Иннокентия III. Они же принимали активное участие в последующем крестовом походе, а некоторые из них были стали предводителями воинства. В статье рассматривается деятельность легатов на территории Прованса в начале XIII в., а также их личные цели и ожидания от результатов крестового похода.

Ключевые слова: легат, Иннокентий III, Арнольд Амори, альбигойцы, религия, личные цели.

Lyamtsev M.D. Activity of papal legates during the Albigoian Cross Traffic

Abstract: The legates of Innocent III were among the first to fight against the Albigensian heresy. They also took an active part in the subsequent crusade, and some of them became the leaders of the army. This article examines the activities of the legates in the territory of Provence at the beginning of the 13th century, as well as their personal goals and expectations from the results of the crusade.

Keywords: legates, Innocent III, Arnold Amory, Albigensians, religion, personal goals.

Изначально в основе крестового похода против альбигойской ереси (1209-1229) на Юге Франции лежало религиозное рвение тех, кто принял на себя крест, но впоследствии характер военных действий трансформировался в феодальный, а главной целью похода явилось подчинение Прованса королевской власти Капетингов [3, с. 166]. В ходе войны проявились противоречия между действующими легатами папы Римского и самим понтификом, так как каждая из сторон имела свои взгляды на разворачивающиеся события.

В начале XIII века альбигойское вероучение широко распространилось по Югу и охватило все слои населения, как простолюдинов, так и представителей светской власти [3, с. 111]. Из-за того, что Прованс был богатым регионом, местное духовенство подверглось процессу обмирщения, а это повлекло за собой то, что большинство священников не исполняло своих обязанностей и потеряло связь с папством [1, с. 10].

К этому времени Римский престол святого Петра занял Иннокентий III, решительный понтифик, который стремился установить главенство духовной власти в Западной Европе. Несомненно, что его волновала ситуация в Провансе, но он не стремился решить этот вопрос силой, поэтому, сперва, отправил на Юг своих агентов. их первоочерёдной целью стала необходимость указать местным священникам на их духовную миссию, а также самим вернуть местное население в лоно католической церкви.

Одними из тех, кто был послан в Прованс, оказались два цистерцианских монаха Пётр де Кастельно и Арнольд Амори. С назначения второго начинается литературный памятник XIII в. «Песнь об Альбигойском крестовом походе». Автор первой части произведения Гильом Тудельский называет Арнольда человеком «святым и добрым» [5, с. 10], но монах, тем самым, сохранял корпоративную солидарность, поэтому никогда бы не стал писать плохо о человеке своего сословия.

Другие современники отмечали, что Арнольд был твёрдым и гибким, а также умел контролировать свои эмоции, в отличие от Петра де Кастельно. Но обоим был присущ порок обмирщения и любовь к деньгам, поэтому папские легаты ничем не отличались от провансальского клира, которых нужно было вернуть к исполнению обязанностей [4, с. 213].

Одним из таких священников был епископ Нарбонны Беренгарий. Он старался действовать самостоятельно и не исполнял тех предписаний, на которые ему указывал папа. Это ясно следует из того, как в 1200-м году архиепископ отказался выполнять поручение Инно-

кентия, связанное с оказанием помощи «восточной земле». Но ни письма, ни увещевания легатов не смогли сдвинуть с мёртвой точки дело Беренгария. В течение трёх лет легаты жаловались на архиепископа, а он, в свою очередь, жаловался на легатов [1, с. 14].

Спустя время, после продолжительной словесной борьбы, Иннокентий III подтвердил указание Петра де Кастельно, чтобы архиепископ оставил Нарбонну. Так же были лишены своих должностей архиепископы тулузский и безьерский. Но все предпринимаемые действия были тщетны, так как местное население продолжало исповедовать альбигойское вероучение. Когда папские легаты опустили руки, на сцене разворачивающихся событий появляются два церковных служителя из Кастилии – каноник Доминик де Гусман и архиепископ Осмы дон Диего.

Главной особенностью, из-за которой мы уделяем внимание Доминику и Диего, является то, что они единственные среди духовенства того времени, кто понял главные причины неудач клира в охваченном ересью Провансе. Это оказался процесс обмирщения местного клира и несоответствие церковных деятелей евангельским образам [4, с. 213]. Необходимо было бороться против роскоши и мирских наслаждений, когда как папские легаты наказывали лишь за бездействие и посредничество еретикам [2, с. 62].

Первым предложением Домика и Диего стало отказаться от роскоши, которой окружили себя разъезжавшие повсюду цистерцианцы: богатые экипажи, большой штат слуг, роскошные одеяние и снаряжение. Одним словом, нужно было избавиться от всего того, что раздражало еретиков [2, с. 63]. Диего не остановился лишь на одних словах, он решил воздействовать личным примером, разослал всех своих слуг и оставил при себе лишь Доминика. Легатам был дан совет поступить так же и отказаться от иных способов борьбы и действовать по примеру апостолов: ходить пешком и без денег, уповать лишь на милостыню. Но никто из посланников папы не решился на такой шаг, и миссия претерпела неудачу.

Помимо всего прочего, Арнольд Амори и Пётр де Кастельно боролись против графа Тулузы Раймонада VI, известного своей открытой симпатией к еретикам. Раймонд не стеснялся во время мелких феодальных распрей грабить монастыри и разрушать их до основания, что в последствии будет ставиться ему в вину. Некоторые утверждали, что в своём дворце он проводил собрания совершенных и получал от них благословение, и затем именно им граф собирался отдать на воспитание своего сына [4, с. 210].

В 1207 году Петру де Кастельно удалось встретиться с графом, в результате чего ему была вручена папская булла. На земли Раймонда накладывался интердикт, а также впервые делался упор на возможность использования силы светских властей против еретиков и их сообщников, в том числе право феодалов забрать земли графа в своё пользование, «которые они в состоянии будут овладеть» [1, с. 16].

15 января 1209 году на переправе через Рону был убит Пётр. Этому преступлению предшествовала ссора между Раймондом и папским легатом, поэтому все подозрения в причастности стали падать на графа Тулузы. Убийство явилось поводом к тому, чтобы начать крестовый поход и решить проблему распространения ереси не словом, а оружием. В этом случае Иннокентий III продолжал действовать в рамках церковных догм и в своём решении о начале войны руководствовался текстами святого Августина, который на рубеже IV и V вв. расписал правила ведения святых войн [6, р. 107].

Раймонд VI прошёл через унижительную процедуру покаяния в Сен-Жиле, где дал клятву новому легату Милону примкнуть к крестоносцам и помогать им во всём. Номинальной главой воинства стал Иннокентий III, но он не мог покинуть Рим, поэтому фактически предводителями крестоносной армии явились легаты, и в первую очередь Арнольд Амори. Он же был против того, что Иннокентий даровал прощение Раймонду.

Первым феодалом, который ощутил на себе удар крестоносцев, стал виконт Безье и Каркассона Роже Тракавель. В первом городе случилась страшная бойня, в ходе которой погибла большая часть жителей. Вся вина за случившееся легла на рутьеров (наёмников) [1, с. 25], но они избежали жестокого наказания, так как, по словам легатов, в случившемся виноваты еретики, которые своим грехом навлекли на город несчастье.

Каркассон избежал той же участи, но Роже Транкавель был схвачен и заточён в темнице, где и скончался. Многие стали говорить, что он был убит новым предводителем крестоносцев Симоном де Монфором, забравший в своё владение земли виконта. Главным соратником де Монформа стал легат Арнольд. Они оба были настроены против Раймонда VI, поэтому их главной целью стала Тулуза с её богатствами.

Конфликт обострился до того, что вернувшегося в лоно церкви графа легаты снова отлучили от церкви вместе с его городом Тулузой. Случилось это после того, как де Монфор отправил в город комиссию, которая потребовала принесение оправданий перед Симоном и легатами от тех лиц, которые подозревались в ереси. Скорее всего, это было поводом для того, чтобы сделать из Тулузы однозначного врага, так как с горожан уже были сняты все обвинения в 1209 году.

Раймонд VI отправился в Рим и тогда папским легатам пришлось оправдываться. Они написали Иннокентию III два письма, в котором выразили своё предвзятое отношение к графу Тулузы, а так же снова стали указывать на различные прегрешения Раймонда, в которых он уже покаялся. Папа занимал сторону гонимого графа, но в то же время он не мог не доверять своим легатам. Окончательно судьбу графа должен был решить собор, который созывался по указанию Иннокентия III, но председателями на нём явились те же легаты, поэтому их решение предугадывалось заранее [4, с. 255].

Поставив перед Раймондом VI невыполнимые требования, Арнольд и остальные посланники Римского престола сообщили папе, что граф Тулузы не смог оправдаться. Иннокентий III поверил своим агентам и наложил на Раймонда VI очередной интердикт.

Эти события стали началом трансформации крестового похода из религиозного конфликта в чисто феодальный. Папа не видел этого, продолжая считать, что его люди занимаются святым делом, искореняя альбигойское вероучение. Легаты понимали и пользовались ширмой борьбы против еретиков, дабы воплотить свои цели: получение новых должностей и титулов на захваченных территориях.

К 1213 году Симон де Монфор несколько раз пытался захватить Тулузу, но каждый раз штурм или осада оканчивались неудачно. К этому времени на захваченных территориях, с помощью Арнольда Амори, он установил новые порядки, регулирующие повседневную жизнь [4, с. 317]. Эти законы получили название Памьерских Статутов.

К этому времени за Раймонда VI заступился король Арагона Педро II, который являлся ревностным католиком и лично приносил вассальную присягу Иннокентию III. Даже папа стал говорить о том, что крестовый поход уже исполнил свою цель и истребил альбигойское вероучение, и все свои силы Симон де Монфор должен был направить на борьбу против мусульман Испании. Та самая ширма религиозной борьбы почти исчезла, но легаты вновь смогли переманить на свою сторону папу, на этот раз обвинив и Педро II в заступничестве перед еретиками.

Полное торжество Арнольда Амори и его соратников было в 1215 году на IV Латеранском соборе. Помимо многих вопросов, которые волновали светскую и духовную власть в Западной Европе, на этом собрании решался вопрос Раймонда VI. Папа продолжал верить в невиновность графа Тулузы, но влияние легатов, которые прибыли из Прованса, на всю Римскую курию оказалось очень сильным. По итогу Раймонд лишился всех своих земель и дол-

жен был отправиться в изгнание с назначенным жалованием, которое должны были выплачивать ему раз в год.

В 1216 году папа Иннокентий III умирает и на его место приходит Гонорий III, а папские легаты уже не играли видной роли в войне на Юге. Арнольд Амори, ставший к тому времени архиепископом и герцогом Нарбонны, после гибели Симона де Монфора в 1218 году не смог поддержать его сына и ушёл на покой. Конфликт на Юге стал исключительно феодалным, и это была борьба северофранцузской знати против провансальской.

Как мы видим, альбигойский крестовый поход действительно событие не имеющее однозначной оценки. Легаты папы Римского, помимо истребления еретиков, преследовали свои собственные цели. Ошибками Иннокентия III стали не верный выбор агентов и чрезмерное доверие к ним. Совместные действия Арнольда Амори и Симона де Монфора стали одними из причин того, что крестовый поход против альбигойской ереси достаточно быстро стал грабительским предприятием, где религиозная идея была прикрытием различных желаний его участников.

Библиографический список

1. Герье В.И. Расцвет западной теократии. М., 1916. – 354 с.
2. Карантини Р. Катары. – М.: Эксмо, 2010. – 400 с.
3. Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия 2000. – 320 с.
4. Осокин Н.И. История альбигойцев и их времени. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 896 с. – (Классика исторической мысли)
5. Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Подгот. И.О.Белавин, Е.В. Морозова. – М.: Ладомир: Наука, 2011. – 440 с., ил. (Литературные памятники)
6. Barber M. The Cathars. Dualist Heretics in Languedoc in the High Middle Ages. Abingdon, 2000. – 282 p.

Сведения об авторе:

Лямцев Максим Денисович, студент V курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, Брянск, e-mail: lyamtsev2017@yandex.ru

УДК 321.64 (47+57)

В. Ю. Рылов

ТОТАЛИТАРИЗМ, ФАШИЗМ, СТАЛИНИЗМ, ЛИБЕРАЛИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ, РУСОФОБИЯ: ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ ИДЕЙНЫХ СПОРОВ

Аннотация: статья посвящена вопросам изучения некоторых аспектов политической истории России, идеологий XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: XX век, тоталитаризм, фашизм, сталинизм, либерализм, консерватизм, русофобия

Abstract: This article focuses on the study of some aspects of the political history of Russia, ideologies in the XX century and the beginning of the XXI century

Keywords: XX century, Totalitarianism, Fascism, Stalinism, liberalism, Conservatism, Russophobia

В сентябре 2019 г. В.Б. Колмаков опубликовал критическую рецензию [1;2] на книгу Д.С. Дьякова «На свою голову» о вступлении Воронежской области во Вторую мировую войну [3]. Рецензия Колмакова сопровождалась политическими выпадами с позиций оправдания сталинизма и направлением политических доносов на книгу Дьякова в различные инстанции, обвиняя последнего в «либерализме», «русофобии» и «непатриотизме». В роли «эксперта» с отзывом на статьи Колмакова и работу Дьякова выступил А.Г. Сарычев.

Не отрицая права Колмакова, Сарычева и других свободно высказывать свою точку зрения на любой вопрос, тем более что Конституция Российской Федерации гарантирует эти неотъемлемые права граждан, запрещает устанавливать цензуру и обязательную идеологию, я оставляю и за собой право высказаться об их измышлениях, прямо назвав их политической провокацией, некомпетентностью и непрофессионализмом. Тем более, Сарычев давно отошел от изучения истории Второй мировой войны, последняя публикация на эту тему вышла у него в 2010 г., а у Колмакова их, по сути, вообще нет. Тем не менее, авторы выступают как бы с научных позиций, пытаясь свои просталинские симпатии выдать за объективное научное знание. Д.С. Дьяков дал блестящий ответ В.Б. Колмакову, показав всю несостоятельность его взглядов[4].

Нежелание знать источники и современную литературу по истории Второй мировой войны приводит к самым печальным последствиям – объективное научное знание замещается сумасбродными теориями «жидомасонского заговора», конспирологическим бредням о «мировой закулисе», развязавшей Вторую мировую войну и т.п. В основе воззрений Колмакова лежат не только просталинские взгляды, как отметил Дьяков, но и под маской якобы критики фашизма, проявляются симпатии «сторонника сближения сталинского СССР и гитлеровской Германии»[4]. Не знаешь, смеяться над глупостью, или негодовать по поводу невежества преподавателей вуза (!), читая опусы Колмакова и Сарычева: вместо содержательного, аргументированного спора по вопросам Второй мировой войны, коих осталось еще немало, можно видеть истерики и политические доносы.

К ответу Дьякова Колмакову можно лишь добавить две цитаты В.И. Ленина: «Засорить головы сплетней, дразгой, личностями и таким образом сбежать от необходимости объяснить свою точку зрения - такова цель автора и поместившей его произведение газеты. Но если бы было это просто сплетня - с полбеды. Это сплетня обозленного ренегата - вот в чем дело» [5; Т.23, С.115.]; «Политическая невоспитанность россиян сказывается, между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц» [6; Т.23, С.306].

Книга Дьякова обладает несомненной научной новизной, является **первой** в воронежской историографии работой о вступлении Воронежского края во Вторую мировую войну (до появления работ В.Ю. Рылова [7] и А.В. Кукатова [8]). Труд Дьякова открыл новое направление в воронежской историографии, - рассмотрение подготовки к войне в 1939-1941 гг. в Воронежской области в военно-политическом и социально-экономическом аспектах, чего раньше не было. Однако стоит отметить, что экономическая, отчасти политическая история Воронежской области 1937-1941 гг. рассматривалась еще в 2004 г. в кандидатской диссертации Б.А. Артемова [9]. Но и в этой работе, несмотря на существенные успехи в рассмотрении вопросов перестройки экономики на военный лад, должного освещения вопрос о вступлении области во Вторую мировую войну не получил.

Поэтому, к числу заслуг Дьякова следует отнести привлечение архивного материала и свободное владение современной литературой. Эти моменты позволяют высоко оценить указанную работу. Вывод, который с очевидностью следует из книги, чрезвычайно простой – война была жителям области совершенно ненужной. Ничего, кроме как гигантских трудностей народ «на свою голову» не получил. Надлежащей оценки факт сговора и совместного развязывания войны Гитлером и Сталиным в общественном сознании россиян также не получил, несмотря на осуждение как преступлений Сталина, так и самого пакта еще в советские времена.

Напомню, что XX, XXII, XXVIII съезды КПСС, ряд пленумов ЦК партии однозначно осудили культ личности Сталина, разоблачили некоторых соучастников его преступлений, - В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и др. Видные организаторы и исполнители сталинских преступлений – Л.П. Берия, М.Д. Рюмин, В.С. Абакумов и др. были расстреляны за свои чудовищные деяния и т.д. Кстати, трудящиеся Воронежа в 1953 г. выносили жесткие резолюции, требуя расстрелять и даже повестить преступника Берия и его поделщиков [10]. Никому бы не пришло тогда в голову оправдывать или одобрять их деятельность, называть преступников и палачей «эффективными менеджерами», как это делают нынешние сталинисты.

Советский строй в научной литературе не характеризуют иначе как тоталитарный, в той же мере это относится и к строю нацистской Германии. И это не мнение Дьякова, некоего «либерального пакета», как выразился Колмаков [1], а всем известный, понятный, принятый научным сообществом **факт**, который является общим местом и в учебной литературе. Тоталитарный характер советского строя признавался даже коммунистами: на XXVIII съезде КПСС говорилось, что «...в обществе и партии начались и набирают силы процессы демократизации, разрушения **тоталитарно**-государственных структур, переход к реальной системе представительной демократии, как первому реальному шагу к народовластию»; «Мы все скоро согласимся в том, что у нас сложилась **тоталитарно**-бюрократическая система, которая цементом насилия скрепила самые разнородные пласты - элементы социализма, госкапитализма и даже полуфеодалных отношений» [11; Т. 1. С. 396, 491] и т.д.

Далее, в постановлении Конституционного Суда РФ 30 ноября 1992 г. по «делу КПСС» отмечалось: «Общеизвестные факты, многочисленные документальные данные, показания свидетелей и экспертов говорят о том, что КПСС, узурпировав власть в октябре 1917 года путем вооруженного переворота, ликвидировала насильственным образом все другие оппозиционные партии и движения, подавила все демократические институты, опираясь на сформированные в партийном порядке, подконтрольные и подчиненные ей через партийную номенклатуру и уставные отношения государственные властные структуры, явилась главным связующим стержнем **тоталитарного** государства» [12].

Президент России В.В. Путин, выступая на открытии памятника А.И. Солженицыну в Москве 11 декабря 2018 г. отмечал, что последний «четко разделял подлинную, настоящую, народную Россию и особенности **тоталитарной** системы, которая принесла страдания и тя-

желые испытания для миллионов людей»[13]. Стоит лишь добавить, что открытие памятника было приурочено к празднованию 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына, указ о праздновании которого подписал В.В. Путин в 2014 г. [14].

Пакт Молотова-Риббентропа 1939 г., вкуче с секретными протоколами означал передел Европы между Гитлером и Сталиным, что позволило Гитлеру развязать Вторую мировую войну. Аморальность соглашений с Гитлером была признана уже в советское время II Съездом народных депутатов СССР. Секретные протоколы, о которых стало известно уже в 1945-1946 гг. за рубежом, отрицались в СССР вплоть до 1989 г., что лишний раз подтверждает не только их аморальность и преступных характер. Осудили сговор с Гитлером Госдума России в 2008 г. и В.В. Путин: «Без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова-Риббентропа»; «На мой взгляд, нравственный аспект проводимой политики особенно важен. И в этой связи напомним, что в нашей стране аморальный характер пакта Молотова-Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку»; «сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения и не имела никаких перспектив с точки зрения практической реализации» [15].

Факты *дружбы СССР с фашизмом* хорошо известны: кроме пакта, а также договора о *Дружбе* и границах 28 сентября 1939 г., был аналогичный договор о *Дружбе* с фашистской Италией 2 сентября 1933 г. подписанный В.П. Потемкиным и Б. Муссолини; осенью 1940 г. Сталин торговался с Гитлером на предмет вступление СССР в число стран «Оси» для дальнейшего предела мира и т.д. Даже после 22 июня 1941 г. Сталин не оставлял попыток заключения сепаратного мира Бреста-2 с Германией по ленинскому образцу. Но такой мир не был заключен из-за нежелания Германии, что неоднократно упоминалось очевидцами и участниками событий [16; С. 487-490.]. Как учил Ленин: «"Ненависть к немцу – бей немца" – таков был и остался лозунг обычного, т.е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: "Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму" и вместе с тем: "Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецким рабочим. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* к нам на помощь"» [17; Т. 36. С. 82.]. Получается, что прислуживать немецкому империализму – фирменный стиль коммунистов!

Не национал-социализм как таковой вызывает неприятие у сталинистов, а сорвавшаяся по вине Гитлера дружба с ним на почве ненависти к демократиям. Это также свидетельствует о том, что у тоталитарных режимов, несмотря на противоречия, было много общего: антилиберализм, антикапитализм, ненависть к «буржуазной демократии», ставка на силу в политике, разделение общества на «своих» и «чужих» по классовому или этническому принципам и т.п.

Между тем, соглашения с Гитлером противоречили декларированными «ленинскими принципами внешней политики», осуждавшими аннексии и секретную дипломатию; подогревали антисемитизм в СССР; признание коллаборационистского режима Виши в 1940 г. затормозило движение Сопротивления во Франции и других странах, ибо лишь местные компартии обладали мощнейшей разведывательно-диверсионной сетью; имели место многочисленные вопиющие факты преследований антифашистов органами госбезопасности и т.д. Наконец, пронемецкая пропаганда в сталинском СССР дезориентировала советских людей накануне войны; СССР снабжал Германию необходимыми ресурсами в условиях международной изоляции, что позволило ей долгое время вести войну. Но главное, пакт сделал возможным внезапное нападение Германии. Вследствие этого все территориальные приобретения СССР 1939-1940 гг. были захвачены в первые же дни войны, РККА потеряла несколько миллионов человек личного состава и тысячи единиц военной техники. Ничего кроме вреда дружба с Германией не принесла.

Поэтому попытки оправдания пакта выглядят нелепо и неуклюже. А.Г. Сарычев в уже упомянутом отзыве на имя ректора пытается опереться на авторитет У. Черчилля, приводит искромсанную, вырванную из контекста цитату из его выступления 1 октября 1939 г., искажая смысл высказывания, по сути, фальсифицирует документ: «откровенный враг Советского государства Уинстон Черчилль заявил: *“Россия проводит холодную политику собственных интересов... Я не могу предсказать каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России...”*. По его мнению, для защиты России от нацистской угрозы необходимо было, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях (на 1 октября 1939 г.)». Как глубокомысленно замечает Сарычев в своем отзыве «маленькая ложь рождает большое недоверие». Действительно, фальсифицированная цитата, приведенная в качестве неоспоримого доказательства – прямое свидетельство некомпетентности и непрофессионализма того, кто ее приводит.

Вот как высказывание выглядит на самом деле: **«Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна и что Польша снова появится, как утес, который временно оказался захлестнутым сильной волной, но все же остается утесом.**

Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и сотрудники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...

Я не могу предсказать, чего нам ждать от России. Россия — это загадка, завернутая в загадку, помещенную внутрь загадки, и все же ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России» [18; Кн.1. Т.1. С. 205]. Гитлер «посмел напасть» на СССР, - история показала ошибку Черчилля. Но он оказался прав в главном – совместное нападение Германии и СССР на Польшу неизбежно привело к столкновению экспансионистских интересов, что и вызвало войну между ними.

Вызывает также недоумение «обвинения» Д.С. Дьякова в «либерализме». Полагаю, что критики Дьякова не совсем понимают, что это такое. Напомню, что либерализм это такая политическая философия, которая подразумевает безусловный приоритет личностного начала, прав и свобод человека, представительную форму правления, частную собственность. Ограничения на свободу личности накладывают только конституция и законы, принятые народными представителями. Либерализм также подразумевает разделение властей, контроль граждан над закономерностью действий правительства, независимый суд, свободу слова, религии, печати, собраний, неприкосновенность личности и частной собственности.

В этих ценностях свободного общества нет ничего плохого, к тому же, как раз либеральные ценности свободы слова и самовыражения позволяют, в том числе и сталинистам, высказывать свою точку зрения. Именно либерально-демократические ценности закреплены в современной российской Конституции 1993 г.: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» (Ст.2). Либерализм вовсе не отрицает общественных институтов -

государства, законов, религии, семьи и т.п., а лишь провозглашает приоритет личности над ними. В этом заключается главное отличие либерализма от консерватизма, который отдает приоритет традиционным общественным ценностям, а вовсе не отрицает свободы, как, видимо, представляет себе Колмаков.

Либерализм верит в человека, видя, прежде всего, в нем сознательного гражданина. Консерватизм сомневается в человеке, видя в первую очередь в нем не гражданина, а греховного и слабого, подверженного страстям и порокам человека. Вопрос о том, чей взгляд «правильный», решен никогда не будет.

В действительности стабильность общества достигается благодаря единству либерально-консервативного политического центра. Например, для выдающегося российского мыслителя Б.Н. Чичерина идеальным было «общественно-политическое устройство, когда устойчивый, мощный центр представляет собой разумный баланс либеральных и консервативных сил. При этом «крайности» как слева в виде революционных и социалистических партий, так и справа в виде крайне правых и реакционных партий отсекались. Когда общество нуждается в реформах, наперед выходят либеральные силы, когда реформы следует притормозить, чтобы стабилизировать ситуацию, - консервативные. Вместе и те и другие представляют собой стабильный центр, гарантирующий политической системе устойчивое функционирование. Собственно политический идеал Чичерина в какой-то мере реализовал П.А. Столыпин в годы т.н. «реакции» - «на легком тормозе вперед!»» [19; С. 7-8]. Так что никаких онтологических противоречий между либерализмом и консерватизмом не существует, либерально-консервативные установки, уже были реализованы в России на практике, дав положительные результаты в период «думской монархии».

Что касается «антипатриотизма» по отношению к Российской Федерации, то мне также непонятна позиция Колмакова и Сарычева, являющихся патриотами СССР. Современная Россия возродилась «из-под глыб» СССР, является, по сути, антисоветским государством, где запрещена КПСС и распущены советы. При этом большевистский режим, захвативший власть в России, по существу разрушал ее, создал СССР, который являлся самым антиросийским и русофобским государством.

Как писал Ленин: «Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, - не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» [20; Т.36. С. 341]; «мы именно на Брестском мире пожертвовали второстепенными, с точки зрения социализма, интересами России, как они понимаются в патриотическом смысле; мы приносили гигантские жертвы, но все же это были жертвы второстепенные» [21; Т. 42. С. 58.]. Ленин также говорил, что предназначение России – стать «настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции» [22; Т.37. С.148.]: «пока еще в других странах оставалось капиталистическое буржуазное господство, - ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать на усиливающийся пожар социалистической революции» [23; Т.37. С.9]. Даже лозунг «защиты отечества» звучал у Ленина весьма специфически: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма» [24; Т.36. С.82].

Как показала история, на химерической основе «мировой революции» невозможно было построить сколько-нибудь прочного государства. И как бы ни сокрушались сторонники СССР по поводу его распада, необходимо признать, что удивителен не сам распад «великого и могучего», а то, что это химерическое образование ухитрилось просуществовать почти 70 лет: «Я думаю, что как раз деятели Октября семнадцатого года заложили мину замедленного

действия под это здание, здание унитарного государства, которое называлось Россией. Ведь что они сделали? Они разбили наше отечество на отдельные княжества, которые раньше на карте земного шара и не фигурировали вообще. Наделили эти княжества правительствами и парламентами. С другой стороны, они уничтожили то, что стягивает, сплачивает народы цивилизованных стран, - а именно рыночные отношения. Уничтожили рынок как таковой, зарождающийся капитализм. Единственное, что они сделали и чем держали страну в составе общих границ, - это колючая проволока. Как только эта проволока была убрана - распалась и страна. Я думаю, эти люди такого не хотели, но объективно сыграли такую роль» - заявил В.В. Путин [25]. О том, что Ленин заложил «мину под российскую государственность» Путин не раз повторял, в том числе и 10 декабря 2019 г. на встрече с общественностью [26].

Деятельность большевиков всегда была антироссийской: они выступали за расчленение России, не гнушались связей с криминалом, были замешаны в терроре и заказных убийствах, являлись по существу наймитами японского, а затем и австро-германского империализма [27; С. 24, 29, 30, 53 и др.]. Как сказал В.В. Путин о врагах России – большевиках на открытии памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе: «Россия выполнила свой союзнический долг. Россия смогла сдержать этот натиск, а затем перейти в наступление. Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» [28].

Для насаждения своего преступного режима прибегали к бесчеловечным, незаконным средствам: террору, заложничеству, массовым казням, организации концлагерей, применению химического оружия против мирного населения, конфискации имущества и организации голода. Сам Ленин откровенно называл установление власти большевиков «завоеванием», а в делопроизводстве различных большевистских органов вещи называли своими именами: «Рядом общих директив и приказов Командования войск Тамбгуб и постановлениями Полномочной комиссии ВЦИК определен порядок этой **оккупации** и все мероприятия с ними связанные. Последовательность **оккупации** складывается из: 1/занятия прочными гарнизонами наиболее бандитских центров, питающих и снабжающих как кочевые, так и местные бандитские формирования... 2/Совет пропаганды, изъятие заложников, а где нужно конфискация имущества... 3/Организация Ревкомов как первых ячеек местной Советской власти, насаждением милиции...» [29; Л.66-66 об]. Все это позволяет охарактеризовать власть коммунистов над Россией как оккупационную.

Партийно-советская система, воплощением которой был СССР, являлась антироссийской. «Красивая и вредная сказка» марксизма-ленинизма нанесла России «огромный ущерб» [26], как сказал В.В. Путин, с чем можно полностью и безоговорочно согласиться. Народы России служили для большевиков расходным материалом для планов по насаждению остальному человечеству концлагерных людоедских режимов, поддержке террористических и подрывных групп. При этом русский народ, россияне оказывались самым бедным народом в СССР, за счет которого и существовали все остальные республики. Достаточно было посетить любую из республик в советские времена, чтоб убедиться в этом. РСФСР, единственная из республик, не имела даже некоторых атрибутов национальной государственности: гимн РСФСР появился (без текста) лишь в 1990 г. (!); отсутствовала даже собственная компартия в 1925-1990 гг.; академия наук в 1925-1991 гг.; не было республиканских МВД и КГБ и т.д. При этом они имелись даже в таких государствах как, например, Таджикская ССР! Коммунистические власти в республиках вели антирусскую пропаганду, заявляя о том, что «Россия – тюрьма народов», эксплуатировавшая, угнетавшая народы окраин. Стоит ли после этого сторонникам Сталина удивляться национализму, а также русофобии и антисемитизму в бывших республиках СССР? Если не рассматривать всерьез шаманские заклинания больше-

виков о «дружбе народов» и якобы «решенном» национальном вопросе в СССР, можно с уверенностью констатировать, что в стране Советов процветали все возможные виды национализма, ксенофобии, расовой и религиозной нетерпимости, имели место межэтнические столкновения и погромы.

Подводя итог рассмотрению взглядов Колмакова и Сарычева на указанные вопросы, не понятно, чего тут больше – глупости и невежества в нелепых попытках оправдания сталинизма, или почти явной антигосударственной, антироссийской деятельности. Россия навсегда распрощалась с тоталитаризмом, произошел демонтаж партийно-советской системы, осуждена деятельность КПСС, распущены советы. Либерально-демократические ценности России закреплены в Конституции 1993 г. Эти ценности идут вразрез с тем, что пытаются оправдывать нынешние сталинисты: социальную рознь, проповедь агрессивной войны, репрессии, геноцид, этнические депортации. Они желают затащить Россию обратно в болото тоталитаризма, из которого наша страна выбралась, заплатив огромную цену.

Незнание, отрицание, оправдание преступлений и ошибок Сталина просто недопустимо для историков. Это дискредитирует объективное научное знание, вызывает к нему недоверие. Непонятно почему современные сталинисты не выступали против публикаций секретных протоколов и разоблачения преступлений Сталина тридцать лет назад, а их «прорвало» только сейчас? Они также ничего не сделали, когда распадался СССР, была запрещена компартия, распущены советы, а вместо советской, возникла новая российская государственность. На баррикадах, фигурально выражаясь, эти ренегаты замечены не были, они спокойно сложили свои партбилеты, пошли на службу «ельцинскому режиму», занимаясь при этом политическим саботажем.

Наконец, в завершении хотелось бы обратить внимание на еще один вопрос: позиция фанатика-сталиниста А.Г. Сарычева, хотя и она научно несостоятельна, но последовательна, обладает внутренней логикой, то как сочетается православный монархизм и попытки оправдания сталинского коммунизма у В.Б. Колмакова? Последний в 2000-х гг. перешел на позиции русского православного консерватизма, написав монографию о своем родственнике-черносотенце Д.В. Скрынченко [30]. Этого понять уже невозможно, не прибегая к психологии, если не психиатрии.

Библиографический список:

1. Смердяков на свою голову. Воронежский философ Вадим Колмаков о книге оригинального публициста Дмитрия Дьякова // http://4pera.com/news/history/smerdyakov_na_svoyu_golovu_voronezhskiy_filosof_vadim_kolmakov_o_knige_originalnogo_publitsista_dmit/
2. Смердяков на свою голову - 2. Воронежский философ Вадим Колмаков о книге оригинального публициста Дмитрия Дьякова // http://4pera.com/news/history/smerdyakov_na_svoyu_golovu_2_voronezhskiy_filosof_vadim_kolmakov_o_knige_originalnogo_publitsista_dm/
3. Дьяков Д.С. На свою голову. Воронеж и 1939 год: документальное повествование. Воронеж, 2016.
4. Дьяков Д.С. Ответ воронежского публициста Дьякова философу Колмакову: «Я исхожу из того, что СССР и Германия вместе развязали Вторую мировую»//http://4pera.com/news/history/otvet_voronezhskogo_publitsista_dyakova_filosofu_kolmakovu_ya_iskhozhu_iz_togo_chto_sssr_i_germaniya/
5. Ленин В.И. Вниманию читателей «Луча» и «Правды» // ПСС. М., 1973.
6. Ленин В.И. Заметки публициста // ПСС. М., 1973.
7. Рылов В.Ю. За и против: Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941). Воронеж, 2018.
8. Кукатов А. Орловский военный округ. 1938-1941. В 2 т., Брянск, 2019.

9. *Артемов Б.А.* Укрепление экономики Воронежской области в предвоенные годы: 1937-июнь 1941 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2004.
10. Государственный архив общественно- политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) Ф.19 (Горком КПСС). Оп. 2. Д. 3292.
11. XXVIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 2-13 июля 1990 года. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1991.
12. Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР // https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Конституционного_Суда_РФ_от_30.11.1992_№_9-П
13. Владимир Путин принял участие в открытии памятника Александру Солженицыну. – Россия 24. Официальный YouTube канал ВГТРК // <https://www.youtube.com/watch?v=igTWtfsPmRc>
14. Указ о праздновании 100-летия со дня рождения Александра Солженицына // <http://www.kremlin.ru/acts/news/46089>
15. «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?». Статья В.В.Путина в «Газета Выборча» (Польша). // <http://archive.government.ru/docs/4814/print/>
16. Док. № 651. Из объяснительной записки П.А. Судоплатова в Совет министров СССР, 7 августа 1953 // 1941 год. В 2-х кн. Сост. Л.Е. Решин, Л.А. Безыменский и др. М., 1998. Кн. 2. С. 487-490.
17. *Ленин В.И.* Главная задача наших дней // ПСС. М., 1974.
18. *Черчилль У.* Вторая мировая война. (В 3-х книгах). - М., 1991.
19. *Рылов В.Ю.* Б.Н. Чичерин - либерал или консерватор? Из истории российской политической мысли // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. – Вып. 6. – Воронеж, 2019.
20. *Ленин В.И.* Доклад о внешней политике // ПСС. М., 1974.
21. *Ленин В.И.* Собрание актива Московской организации РКП (б) // ПСС. М., 1974.
22. *Ленин В.И.* VI Всероссийский чрезвычайный съезд советов // ПСС. М., 1969.
23. *Ленин В.И.* Речь на объединенном заседании ВЦИК 29 июня 1918 г. // ПСС. М., 1969.
24. *Ленин В.И.* Главная задача наших дней // ПСС. М., 1974.
25. Документальный фильм Игоря Шадхана «Владимир Путин. Вечерний разговор», 1991, 2002 гг. // https://www.youtube.com/watch?v=7SNClUee_BI
26. Путин считает, что Ленин "заложил мину" под государственность России // <https://tass.ru/politika/7314227>
27. *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 - ноябрь 1918. М., 1992.
28. Путин: Россия накануне Первой мировой старалась решить конфликт миром // <https://ria.ru/20140801/1018447001.html>
29. Государственный архив Воронежской области (ГАВО) Ф. 2382 (Штаб Командующего вооруженными силами Тамбовской губернии). Оп.1. Д.146.
30. *Колмаков В.Б.* С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни / под ред. А.Ю. Минакова. – Воронеж, 2012.

Сведения об авторе:

Рылов Владимир Юрьевич, к.и.н, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Исторического факультета Воронежского государственного университета; e-mail vyurylov@ya.ru

УДК 94"1941/45"

А.В. Теплостанская

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОСТАВКИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ И ИХ РОЛЬ В ПОБЕДЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Аннотация: Анализируется объем и роль продовольственных поставок в СССР по ленд-лизу и значимость этих поставок для победы антигитлеровской коалиции. Доказывается несостоятельность расхожего мнения, что продовольственные поставки по ленд-лизу составляли не более 4% от необходимого для СССР. Признается неопределимое значение продовольственной помощи СССР со стороны стран коалиции и, в первую очередь, США в 1941-1945 гг.

Ключевые слова: ленд-лиз, продовольственные поставки, снабжение армии, снабжение тыла, калорийность

Teplostanskaya A.V. Food Supplies on Land Liz and their role in the victory of the Antihytlar Coalition

Annotation: The scope and role of food supplies in the USSR on the Land Lise and the importance of these deliveries to the victory of the antihytlar coalition is analyzed. The inconsistency of the problem is proved that food supplies on Land Lisa constituted not more than 4% of the necessary for the USSR. The invaluable importance of the USSR food assistance from the Coalition countries and, first of all, the United States in 1941-1945.

Keywords: lend-liz, food supplies, army supply, rear supply, calorie

Сотрудничество союзных государств в годы войны определяется многогранностью их участия в войне. Союзные обязательства в этом глобальном конфликте были многочисленными и формировали сложную сеть конфликтных приоритетов, поэтому рассмотрение одного из них - экономического сотрудничества Великобритании, США и СССР является неотъемлемой частью исследовательского процесса.

Народное хозяйство СССР в период Второй мировой войны понесло колоссальные убытки. Стоит отметить и тот факт, что в результате коллективизации продовольственная система СССР была не достаточно сильна в организационном и производственном вопросах. Следующим фактором, оказавшим серьезное влияние на производительность сельского хозяйства стала оккупация территории страны нацистами. Так, под их властью находилась территория СССР, где до войны проживало 40% населения страны, производилось 84% сахара, 38% зерна, 60% свинины [1, С.42]. Также в руках оккупантов оказалась большая часть продовольственных запасов страны: за четыре месяца войны на территории Украины, известной как житница СССР, нацистами было захвачена одна треть запасов зерна и более половины подлежащих эвакуации тракторов. Немалая часть продовольствия, десятки тысяч тонн, были уничтожены самой советской армией, которая, отступая, не успевала вывезти такие продовольственные объемы [5, С.273].

Однако острая нехватка продуктов стала сказываться позднее, не в первые месяцы войны. Данное обстоятельство объяснялось тем, что война помимо продовольственных потерь несла и потребительский спад: на оккупированных территориях оказалось 60 миллионов советских граждан [4, С.46]. Уже в сентябре 1941 г. в советских городах было введено карточное снабжение. В стране наблюдался дефицит следующих видов продовольственной продукции: сахара, хлеба, товаров традиционного импорта. С продвижением Вермахта на восток угроза голода нарастала. Более того, голод стал угрожать и Красной армии. Мобилизация внутренних ресурсов не была в состоянии решить возникших вопросов. Закономерно, что было решено обратиться за помощью к союзникам.

Впервые запрос о продовольственной помощи по ленд-лизу был озвучен советской стороной на Московской трехсторонней конференции, проходившей с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Тогда СССР запросил об отправке в его порты 200 000 т. пшеницы, 70 000 сахара, 1 500 какао – ежемесячно. Общий объем запрашиваемого продовольствия предполагал

обеспечение 10-миллионной армии [3, С.126]. Помимо указанного продовольствия также осуществлялись значительные поставки высококалорийных, обезвоженных и консервированных продуктов.

Продовольственные потоки в начале войны шли через Архангельск и Иран. Истории спасения жизней на данном этапе поставок локальны. Так, даже с учетом поступления 10 000 тонн канадской пшеницы, за первую военную зиму в Архангельске от голода и болезней умерло 20 000 человек [4, С.47]. Впрочем эти смерти нельзя напрямую связывать с недостаточностью поставок, проблема скорее в их распределении советским правительством: население Архангельска могло просто не получить почти ничего из поступившего через его порт продовольствия. Тем не менее, в начале войны общая доля продовольственных поставок по ленд-лизу составляла лишь немногим более сотой части от необходимого стране. Но ситуация быстро менялась.

Планируя заказ новой помощи по ленд-лизу в 1942 г. советское правительство приоритетным считало военное обеспечение (оружие, боеприпасы, сырье для производства первого и второго), продовольственное же обеспечение предполагалось решить за счет внутренних ресурсов, а именно: увеличения посевных площадей, разведения мелкого рогатого скота и птицы, развития местных промыслов, нормирования продуктов [4, С.47]. Однако к лету 1942 г. продовольственное положение СССР на фронте и в тылу резко ухудшилось. Связано это было с грандиозным наступлением германских войск на юге, в результате которого к осени 1942 г. СССР утратил самые плодородные после Украины районы страны. Также в это время примерно половина всех хозяйств СССР находились в разоренном состоянии [6, С.317]. Помимо этого происходило систематическое сокращение рабочих рук, горючего и запчастей, износ механизмов в тылу, в результате чего вдвое сократилась производительность труда в колхозах и совхозах СССР. В результате осенью 1942 года И. В. Сталин в разговоре с посланником президента США У. Уиллки «заявил об ухудшении продовольственной ситуации к зиме и о необходимости скорейшей помощи со стороны союзников» [9, р.219].

Второй (Вашингтонский) Протокол был подписан задним числом 6 октября. Протокол фиксировал прежние объемы запросов СССР и устанавливал новые, более увеличенные за счет поставок мяса, масла и суповых концентратов. В заявке Советского Союза отмечалось, что импортируемое продовольствие должно составить десятую часть основных видов продовольствия. При этом в документе оговаривалась возможность снижения объема продовольственных поставок. Позже так и произойдет. В соглашении же с Великобританией, которая сама находилась в чрезвычайной зависимости от импорта, указывалось, что она будет направлять продовольствие в Россию, лишь в случае, если для него будет место среди перевозимых танков и самолетов [13, р.30]. Значительную часть поставок Британии взяла на себя Канада, подписавшая с СССР 8 сентября 1942 г. соглашение о кредите (известное, как «пшеничное соглашение»). Вскоре одновременно с северным маршрутом поставок в полную меру заработали трансиранский и тихоокеанский маршруты. Через некоторое время тихоокеанский маршрут стал основным для перевозок продовольствия, поскольку Япония, которая к тому времени находилась в состоянии войны с Соединенными Штатами, допускала перевозки исключительно «невоенных» грузов.

Новые маршруты поставок открыли больше возможностей для увеличения ввоза в СССР продовольствия. Изменились не только объемы поставок, но и их номенклатура. Добавились маргарин, соевая мука и крупа, сыр и специально приготовленные питательные и легкие концентраты. Помнят бойцы Ленинградского фронта, как, уходя в разведку, они получали толстые плитки горького американского шоколада, банки галет. Помнят они и вкус

шоколада с говядиной, мясо индейки или курицы в шоколаде. А знаменитую «тушенку», без которой, по воспоминаниям Н.С. Хрущева, было бы невозможно накормить армию (не случайно на фронтовом жаргоне советские бойцы её называли «второй фронт»), или борщ в пакетах американцы стали производить специально для России по русским рецептам. Уже в первом квартале 1943 г. союзнические поставки обеспечили свыше 17% энергетической ценности продовольствия, потребляемого Красной Армией, а в дальнейшем они только возрастали. За год действия Второго Протокола продуктовые поставки почти втрое превысили поставки предыдущего протокольного периода. К июлю 1943 года в Советский Союз из США и Великобритании поступило дополнительно 885 000 тонн продовольствия. Еще 182 000 тонн зерна было доставлено по «пшеничному соглашению» из Канады. В общем объеме грузов, ввезенных в Россию, продовольственные поставки заняли третью часть.

Самым тяжелым годом для сельского хозяйства СССР стал 1943 год. Советская армия перешла в наступление и начала освобождать территории, на которых проживали миллионы людей. Эти люди нуждались в продовольствии, а хозяйство этих земель было разорено, требовалось время на его восстановление. Положение осложнила засуха в районах Сибири, Поволжья и Северного Кавказа. В стране разразился острый продовольственный кризис [6, С.324-325]. В ноябре и без того скудные нормы выдачи продуктов были негласно сокращены почти на треть. Вот почему в заявке к Третьему (Лондонскому) Протоколу пищевые поставки с июля 1943 по июль 1944 года потеснили металлы и даже отдельные виды вооружений. Предпочтение при этом было отдано продуктам, содержащим большее количество белков и жиров. По этим видам продукции американцы предложили даже более, чем запрашивали представители Наркомвнешторга [13, р.75]. В СССР было направлено 25% всей производимой в США свинины. На американскую армию оставалось лишь 14%. Кроме того, СССР был единственным страной среди более сорока других, получавших помощь по ленд-лизу, куда США согласились ввезти животное масло, что привело к резкому удорожанию его на американском рынке [8, р.447, 454; 9, р.285]. Масло это предназначалось для выздоравливающих в госпиталях советских солдат. Туда же поставлялись фруктовые соки, консервированные, сухие и свежие фрукты, овощи, орехи и многие другие, не обозначенные в заявке, продукты. Высоковитаминизированная американская пища стала для многих солдат спасением от цинги – «бича» армии.

В целом поставки к середине 1944 г. значительно превысили даже суммарные поставки продовольствия за период действия Первого и Второго Протоколов. Чистый вес ввезенных в СССР по Лондонскому Протоколу сельскохозяйственных товаров составил 1,8 млн тонн. При этом одновременно нарастали и поставки вооружения, оборудования, материалов.

Советское правительство старалось не предавать публичности сведения откуда и каким образом поступают импортные товары в СССР. На одной из пресс-конференций американский посол в Москве У. Стэндли выразил по этому поводу озабоченность. Заявление Стэндли было принято во внимание, и уже через неделю в центральных газетах появилась краткая информация о количестве поставок по ленд-лизу, однако вскоре У. Стэндли был заменен на А. Гарримана. Советский Союз умалчивал и о размерах союзнической помощи, что тоже стало предметом его критики. Американские и британские дипломаты пытались проследить использование предоставленных грузов по ленд-лизу насколько это позволяли советский закрытый тоталитарный режим. Соединенные Штаты Америки отслеживали все свои грузы по ленд-лизу в тех странах, куда их направляли. Ленд-лизовские грузы по американским законам предоставлялись только для нужд армии, но могли быть использованы также и для гражданских целей по согласованию со страной поставщиком. Представители посольств США замечали появление импортных товаров в «закрытых» магазинах и ресторанах

Куйбышева и его пригородах зимой 1942-1943 годов. Также американские товары в мае 1943 года появились на «чёрном рынке». А вскоре «тушёнку» стали выдавать по установленным нормам всему гражданскому населению [11, р.502].

США старались не реагировать на подобные сообщения, доходившие до них. Госдепартамент США советовал своим консулам не придавать особого значения нарушению Советским Союзом взаимных соглашений по поставкам продовольствия. Хотя Советский Союз был замечен в распродаже ленд-лизингового продовольствия в Иране, Польше и Финляндии [11, р.504]. Эти факты вызвали настороженность и грозили перерасти в недоверие союзников к Советскому Союзу. Все же эти события не повлияли в значительной мере на количество поставляемого продовольствия по последующему Протоколу. «Помощь СССР по-прежнему являлась жизненно важной, как это было записано в преамбуле к закону о ленд-лизе, для обеспечения обороны США».

«Четвёртый (Оттавский) Протокол (на период с 1 июля 1944 года по 30 июня 1945 года), как и предыдущие, был официально подписан много позже вступления его в силу – 17 апреля 1945 года. Он лишь формально закрепил запросы Советского Союза, когда они уже были в значительной степени удовлетворены. СССР в течение последнего года войны с Германией получил от союзников свыше 1,4 миллиона тонн продовольствия – несколько меньше, чем за предыдущий период по тоннажу, но значительно больше в стоимостном выражении». Возросло количество поставок, а также их стоимость с увеличением завоза более дорогих мясных продуктов, семян и витаминов. Витамины Советский Союз стал получать по Четвёртому Протоколу. Одновременно с поставками по Протоколу, в СССР стали поступать с 17 октября 1944 г. материалы и продовольствие по специальной программе для Дальнего Востока (программа «Майлпоуст»). Проект соглашения и советская заявка были переданы Сталиным (Джугашвили) послу А. Гарриману во время их приватной встречи в дни пребывания У. Черчилля в Москве. Одновременно с увеличением поставок продовольствия по ленд-лизу значительно улучшилось снабжение армии и населения продовольствием в СССР за счёт собственных усилий. «Валовая продукция сельского хозяйства СССР в 1944 году достигла 54% довоенного уровня, а заготовка зерна вдвое превысила уровень 1943 года» [6, С.128]. Продукция, которая приходила по ленд-лизе, семена, трактора и автомобили, тоже способствовали повышению производительности сельского хозяйства.

После окончания войны с Германией поставки продовольствия и других материалов были прекращены союзниками 12 мая, пока не решился вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. «По словам нового президента Г. Трумэна, он подписал это распоряжение со слов советников, не прочитав его» [12, р.227]. Такие действия Трумэна вызвали недовольство руководства СССР, после чего США были вынуждены послать Г. Гопкинса для улаживания проблемы. Груз через двое суток вновь был отправлен США по отлаженному уже маршруту. В результате беседы Г. Гопкинса и И. Сталина, первый получил не только утвердительный ответ на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке, но дату её начала. В свою очередь Сталин получил от США заверения в том, что они выполняют все свои союзнические обязательства по всем заявкам СССР. «Правда, с этого времени большая часть грузов будет направляться в порты Дальнего Востока и по программе «Майлпоуст», заменившей программы по Протоколам» [9, р.185]. «28 мая В.М. Молотов и сопровождавший его нарком внешней торговли А.И. Микоян вручили послу США А.Гарриману памятную записку с заявкой на новые поставки на период с 1 июля по 31 декабря 1945 года. Одновременно с заявленными грузами США обязывались в полном объеме завести все, что не было отгружено по Четвертому Протоколу и специальной программе от 17 октября 1944 года». Большую часть поставляемого занимало продовольствие. «Кроме того, 1,4 миллиона тонн продовольствен-

ных грузов, завезенных союзниками по Четвертому Протоколу на 12 мая, США до 2 сентября поставили в СССР дополнительно около 270 тысяч тонн по программе Майлпоуст» [9, р.275]. Продукты, которые поступали от союзников были очень важны для нас, так как помогали нашим солдатам вступившим в августе 1945 года на землю Маньчжурии.

Война на Дальнем Востоке с Японией закончилась быстро. Уже в начале августа обстановка на фронте сложилась в пользу СССР и ее союзников, а в сентябре Япония подписала акт капитуляции. На Дальнем Востоке завершилась Вторая мировая война, самая кровопролитная война в истории человечества. Вместе с войной завершились и поставки союзников СССР по ленд-лизу.

Со дня подписания капитуляции Японией, 2 сентября, прекратились поставки по ленд-лизу. Президент США Г. Трумэн еще 21 августа объявил о его свертывании. Всем странам необходимо было провести инвентаризацию ленд-лизовских грузов, поступивших после 14 августа. Чтобы избежать инцидентов президент предоставил время до 20 сентября для завоза товаров, застрявших в портах. Продовольственные «крохи» ленд-лиза при «прочистке трубы» потянули еще на целых 10 000 тонн [9, р.276].

Поставки по ленд-лизу были очень важны для Советского Союза, поэтому он обратился к США с просьбой о продолжении сотрудничества. Сотрудничество было продолжено, но уже на основе долгосрочного кредита. Такое соглашение о кредите было подписано 15 октября 1945 г. сроком на 30 лет. Это соглашение вошло в историю как «трубопроводное соглашение» («pipeline agreement») и действовало до середины 1947 г., пока не было остановлено начавшейся «холодной войной» [4, С.51].

С началом «холодной войны» произошли коренные изменения между бывшими союзниками, которые породили острые политические дискуссии по вопросам взаимных платежей в военные годы. Эти разговоры стали поводом для обсуждения ленд-лиза и его роли в победе и продолжают до сих пор. Эти дискуссии и стали основой историографии истории ленд-лиза и его продовольственной стороны. В газете «Правда» был опубликован отчет по ленд-лизу, в котором сообщалось, что объем продовольственных поставок союзников, якобы, составил лишь 3,5% от общих продовольственных запасов СССР в годы войны [7]. С тех пор эта цифра без должного анализа и даже комментариев продолжает приводиться даже в, казалось бы, самых солидных работах [1] и широко используется официальными пропагандистами, по сути дела, тем самым сознательно фальсифицирующими военную историю. Цифра эта, не имеющая под собой реальной основы, регулярно озвучивается на политических ток-шоу государственных телеканалов.

Исследователи на Западе, а также некоторые российские исследователи, более тщательно, в отличие от российских историков, изучили историю ленд-лиза в целом [2; 4, С.52]. Несмотря на это, в западной литературе тема ленд-лиза тоже не всегда достаточно освещена. Авторы часто просто приводят номенклатуру продовольственных поставок. Так делают видные исследователи ленд-лиза Р. Джоунс, А. Саттен, Х. ванн Туилл [9, р.284]. Но в этих работах данные приведены в сокращенном виде, поэтому это затрудняет сопоставление фактов. Даже с специальным исследованием У. Москоффа, посвященном продовольственной проблеме в Советском Союзе в годы войны, номенклатура поставленного продовольствия приведена в крайне сжатом виде [4, С.52].

Авторы исследований обычно ограничивались тем, что описывали суммарные данные продовольственной помощи. Причем эти цифры значительно отличаются друг от друга, колеблясь от 3,9 до 5,5 миллионов тонн продовольствия, поставленного в СССР в годы войны [10, р.121].

В некоторых исследованиях авторы пытались подсчитать весовую долю продовольствия, а, следовательно, значение продовольственных поставок в «котелке» советских воинов. В день, по подсчетам этих авторов, получалось около 300 граммов [10, p.158]. Но такой подход к подсчетам ошибочен. Как можно сопоставлять продовольственную помощь союзников, пишет Р. Мантинг, валом, по весу, если то, что поступало в СССР в целях экономии тоннажа, было максимально концентрировано, обезвожено, высушено с потерей объема и веса приблизительно в семь раз [11 p.503]. Поставляемые продукты были высококалорийные и высоко витаминизированные. Д. Миллар исследуя документы, приходит к выводу о том, что эту помощь на сумму в 1,7 млрд. долларов в валюте нельзя сравнивать с курсом рубля, так как они в те годы были несопоставимы. Да и стоимость продовольствия в США были относительно дешевле, чем в СССР [11, p.503].

К моменту поражения Германии Великобритания практически закончила свои поставки по Протоколу, США также легко достигли поставленной цели по отправке 5 700 000 коротких тонн грузов.

Можно подсчитать подробно количество протеинов, жиров, углеводов и других ценных веществ, содержащихся в продовольствии, но вряд ли эта информация будет кому то интересной. Можно еще подсчитать нормы энергоемкости продуктов и сравнить их военными нормами, так как именно по этим нормам во время войны в СССР проводилось распределение продовольствия. Возможно, такие расчеты ошибочны, но их результаты наиболее точно отражают роль продовольственного ленд-лиза в победе союзников. Исходя из этих данных, можно сказать, что всего США, Великобританией и Канадой отгружено в СССР с 22 июня 1941 года по 20 сентября 1945 год 4 915 818 нетто-тонн продовольствия, суммарная калорийность которого составила около 67 502 474,4 миллион ккал.

Если считать средним рационом для бойца действующей армии 4000 килокалорий в сутки, то несложно подсчитать в течение какого времени союзники могли обеспечить продовольственное снабжение Красной Армии [11, p.116]. Поставляемого продовольствия по ленд-лизу в СССР хватило бы для того чтобы прокормить армию в 10 миллионов человек в течение 1688 суток, то есть на протяжении практически всей войны. Поставляемое в СССР по ленд-лизу продовольствие было очень калорийным. Его хватило бы не только на всю Красную Армию в течение всей войны, но даже на часть гражданского населения, для которого эти поставки были особенно важны.

Потери Советский Союз нес не только на фронте, но и в тылу - особенно от голода, поэтому поставки продовольствия по ленд-лизу позволили избежать серьезных потерь среди гражданского населения. Союзническая помощь в этом отношении не подлежит никакому исчислению – она неоценима.

Анализ внешнеполитических отношений союзников в ходе войны позволяет сделать вывод о том, что экономическое сотрудничество явилось определяющим фактором для политики и стратегии союзных государств и оказало решающее влияние на итоги мировой войны. Общая генеральная стратегия коалиции предусматривала создание в ходе войны экономической модели сплочения наций, воюющих против нацизма, и разработку механизма быстрого и эффективного применения военно-экономического потенциала коалиции. Ленд-лиз был призван стать концепцией экономического сплочения коалиции.

Таким образом, Военное экономическое сотрудничество СССР, Великобритании и США до этого времени не имело прецедента в истории отношений этих государств, оно стало связующим звеном коалиции, имело исключительное значение для военных усилий и, в конечном итоге, окончательной победы над нацизмом. Это была уникальная система международных отношений, адаптированная для условий глобальной войны. Ленд-лиз заложил ос-

нову развития новых принципов международной торговли и нового мирового экономического порядка, центральное место в котором заняли США.

Библиографический список

1. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1948. 191 с.
2. *Гурина М.В.* Продовольственный ленд-лиз США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 52-59.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы: в 2 т. / Мин-во иностр. дел СССР; Под ред. Г.А. Арбатова и др. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. 1941 - 1943 гг. 510 с. Т. 2. 1944 - 1945 гг. 575 с.
4. *Супрун М. Н.* Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 46-54.
5. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941-1945 гг. Т.1. Киев, 1975.
6. *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1985.
7. Правда. 1944. 1 марта.
8. *Halton M.S.* Discredancies in the Lend-Lease Programm // Southern Quarterly. 1966. № 4.
9. *Jones R. H.* The Roads to Russia. United States lend-lease to the Soviet Union. Norman: Oklahoma Univ. Press, 1969. 326 p.
10. *Moscoff W.* The Bread of Affliction: the Food Supply in the USSR During World War 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 400 p.
11. *Munting R.* Lend-Lease and the Soviet War Effort // Journal of Contemporary History. Vol. 19. 1984.
12. *Truman H.S.* Years of Decisions. Vol. 1. N. Y. 1950
13. Soviet Supply Protocols. Washington, 1947.

Сведения об авторе:

Теплостанская Алина Васильевна. Брянский государственный технический университет, E-mail ateplostandskaya@yandex.ru

Культурная история

УДК 94(47).084.1-8

А. А. Карпухин

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация: Данная работа ставит своей целью кратко изложить эволюцию советского политического плаката как исторического источника в период с 1918 по 1953 гг., кратко проследить основные тенденции развития и политической направленности плакатного искусства. Большое внимание при рассмотрении темы исследования уделено вниманию теоретическим понятиям, связанным с плакатной пропагандой, раскрываются предпосылки актуальности и значения плаката в историческом контексте заявленного периода.

Ключевые слова: Плакат, Пропаганда, Изобразительное искусство, Культ личности, Образ врага

A. A. Karpukhin. Evolution of the Soviet political poster of the first half of the twentieth century

Abstract: This work is reviewed and aims to briefly present the evolution of the Soviet political poster as a historical source from 1918 to 1953, briefly follow the main trends in the development and political orientation of poster art. Patients When considering the topic of study, attention was paid to theoretical concepts associated with poster propaganda, the prerequisites of the relevance and the values of the poster in the historical context of the claimed period are disclosed. **Keywords:** poster, propaganda, visual art, personality cult, enemy image

С первых дней существования советской власти пропаганда играла важнейшую роль и отражала взгляды и ценности, которые вожди партии большевиков желали видеть в обществе. Особое место в системе пропаганды в одном ряду с литературой, театром, периодической печатью занимали политические плакаты. По своей специфике они имели ряд преимуществ перед другими видами агитации. Краткость, доходчивость, яркие образы и тексты несли сильный эмоциональный заряд, который и через поколения оставался в народной памяти. Каждый с детских лет знает плакаты И.М. Тоидзе «Родина – мать зовёт!», Д.С. Моора «Ты записался добровольцем?», а в последние годы советское массовое искусство стало особенно востребованным.

Влияние плаката на формирование массового сознания советского общества трудно недооценить, однако это влияние нуждается в осмыслении. Каковы были тенденции этого влияния? На разных этапах развития страны плакаты несли в себе разные смыслы, отвечая потребностям политической пропаганды и идеологии. Изучение данной темы представляется актуальным, поскольку советский плакат является уникальным инструментом, сочетавшим в себе художественную и идеологическую функции. Влияние плакатов на формирование глубинных представлений советского общества было настолько сильным, что его последствия ощущаются даже сегодня.

Феномен советского плаката был важным направлением исследований искусствоведов и историков, и изучен достаточно хорошо. В советские годы издано немало монографий, альбомов о творчестве отдельных крупных художников-плакатистов (например, серия альбомов «Мастера советского плаката»), а также обзорных работ [7, С.29]. Одной из наиболее известных и содержательных монографий является работа Б.С. Бутник-Сиверского [2]. С начала 1970-х гг. историей российского плаката занимается искусствовед Н.И.Бабурина. Являясь сотрудником РГБ им. Ленина, в фондах которой собрана большая коллекция русского и советского плаката, Н.И.Бабурина стала организатором многих выставок плакатного искусства в СССР и за рубежом; под её редакцией выходили каталоги к выставкам и альбомы. Её наиболее крупный проект проводился в соавторстве с профессором из Германии К. Вашиком, ставя сво-

ей задачей сбор наиболее полной базы данных по истории российского плаката с конца XIX в. до наших дней. В описании историко-культурного контекста преобладают традиционные политологические ориентиры. Плакат является, по мнению исследователей, частью глобального идеологического проекта по «рекламированию утопии».

Цель нашей работы – проследить и проанализировать эволюцию советского политического плаката в период с 1918 по начало 1950-х гг. Предметом исследования нашей работы является эволюция идеологии большевиков после прихода к власти в отражении политического плаката как средства пропаганды. В наиболее широком смысле пропаганда – это распространение в обществе каких-либо идей с целью привлечения сторонников. Политическую пропаганду можно рассматривать как систематическое воздействие на сознание для достижения определённого результата в виде политического действия.

Плакат (*нем. Plakat, от фр. Placard – объявление, афиша, от plaquer – наклеить, приклеивать*) – это лаконичное и броское изображение с кратким текстом, различного формата. Основоположителем плакатного искусства принято считать француза Ж. Шере, открывшего в 1866 г. в Париже небольшую литографию. Им были сформулированы основные принципы современного плаката – броскость (в первую очередь, за счёт контрастных и ярких цветов), возможность восприятия изображения и текста «на ходу», лаконичность и концентрацию внимания на одной главной фигуре [19, С.158-159]. Плакат особо востребован в критических ситуациях общественно-политической жизни, в военное, революционное время, в моменты предвыборных кампаний.

1. Советский политический плакат в годы Гражданской войны.

В последней четверти XIX в. плакат постепенно проникает в Россию, где в условиях неграмотности значительной части населения и недостатка передовых средств коммуникации (радио, телефона и телеграфа) становится важным средством распространения информации. Изначально плакат использовался в виде театральной афиши либо как средство рекламы [1, С. 8-9]. Впервые в истории России агитационный плакат был востребован в годину Русско-Японской войны, но особо широкое распространение получил со вступлением страны в Первую мировую войну. Плакаты, созданные в годы войны отечественными художниками, ещё не несли яркой идеологической окраски, являясь лишь средством патриотической пропаганды и создания негативного образа врага. Так уже на начальном этапе Первой мировой войны группа художников-авангардистов, включая В.В. Маяковского, К.С. Малевича и А.В. Лентулова, создала объединение «Сегодняшний лубок», выпускавшее сатирические антигерманские и антиавстрийские плакаты и открытки в поддержку военных действий России.

Агитационный плакат стал новой формой художественного искусства, вызванной к жизни насущными потребностями. Плакаты военного времени являлись оригинальными художественными произведениями, созвучными мыслям и чувствам людей. Плакаты Первой мировой войны можно разделить на несколько больших групп – связанные с темами патриотизма, прославлением военного прошлого России, призывом в армию, сбором средств на ведение войны, и демонстрацией стране и миру образа врага – Германии, Австро-Венгрии и Турции. В большинстве воюющих стран эти плакаты были похожи по своему содержанию и предназначению.

Востребованность лаконичной и мобильной пропаганды стала нарастать после февраля 1917 г., когда история стала делаться революционными массами на улицах. Первой массовой пропагандистской акцией Временного правительства, в которой применялись плакаты, стала кампания заём «5½%», необходимый для продолжения войны. В Петрограде и Москве весной 1917 г. появились плакаты, призывавшие покупать облигации «займа Свободы». В плакатах белого движения Гражданской войны ещё долгое время сохранялась стилистика именно этих работ 1917 г. с абстрактными ценностями: свобода, защита родины. Последний всплеск демо-

кратического плакатного искусства до Гражданской войны был связан с подготовкой к выборам в Учредительное собрание.

После прихода к власти в октябре 1917 г. правительство большевиков остро нуждалось в пропаганде и агитации своих политических идей и целей. Начиная уже с первых месяцев советской власти, плакатная агитация стала одним из главных направлений пропаганды. В процесс создания массовых форм агитационного искусства вовлекались молодые «левые» художники, которые видели в революционном плакате осуществление своего заветного проекта «пролетарской культуры». Содержание и символика массового политического плаката стали приобретать всё более выраженный идеологический смысл.

Большинство художников, уже имевших опыт создания плакатов и карикатур до революции стали сотрудничать с советской властью. Это А.П. Апсит (Петров), Д.С. Моор (Орлов), В.Н. Дени (В.П. Денисов), М.М. Черемных, В.В. Маяковский, И. Малютин, А.А. Радаков, Н.М. Кочергин, Н.Н. Когоут, В.В. Спасский, Б.В. Зворыкин, И.В. Симаков. Особую роль в становлении и развитии советского плаката сыграл В.В. Маяковский. В 1919 г. он способствовал организации так называемых «Окон РОСТА» (Российского телеграфного агентства), в которых важную роль играли М.М. Черемных и Д.С. Моор. Плакаты выставлялись телеграфным агентством в окнах 1-го этажа, откуда и пошло название.

Для плакатных произведений первых революционных лет были характерны авангардные графические и стилистические приёмы. Это использование в изображении фотомонтажа, дополняемое шрифтовыми композициями и рисованными элементами фона; диагональные композиции, составленные из графической иллюстрации, букв, стрелок, восклицательных знаков. В социальных плакатах использовались доминантные фигуры в необычных ракурсах и позах, усиливающих призывность и эмоциональность плаката. Авангардные эксперименты художников-конструктивистов (А.М.Родченко, В.В.Маяковский, Л.Лисицкий, братья В.А. и Г.А. Стенберги, Д.А.Буланов, Г.Г.Клуцис, С.Я.Сенькин и другие) в плакатном жанре обогатили мировую плакатную графику самобытными средствами художественной выразительности [18, С.52].

Начавшаяся Гражданская война ввела в арсенал плакатистов военно-политические темы, которые уже доминировали в 1919-1920 гг. Рождение военно-политического красного плаката можно отсчитывать с осени 1918 г., когда первые плакаты с сюжетами классовой войны вышли в издательстве Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В тех условиях плакаты заменяли собой недостаток газет. Плакат был нагляден, доступен для понимания даже малограмотному человеку. Язык художника звучал наравне с речью политического оратора. Можно сказать, что речь далеко не всякого оратора обладала такой яркостью и мобилизующей силой, какая была свойственна плакатам Гражданской войны. Как писал Д.С. Моор, «Плакат – это разящий удар, направленный на голову классового врага, это возбудитель активности масс, и ему должно быть оказано надлежащее внимание».

Новый плакат вобрал в себя традиции дореволюционной сатирической графики, использовал выразительные средства русского народного лубка, журнальной иллюстрации, карикатуры. Плакаты 1918 г. часто перегружены символикой и цветом, узнаваемые образы ещё редки, а тематика тяготеет к общим призывам. Постепенно были выработаны основные жанры политического плаката: сатирический и героический. Сатирический разоблачал «старый строй» и тех, кто, по мнению советского руководства его поддерживал – капиталистов, интервентов, белогвардейцев, кулаков, соглашательские партии и церковь. Героический плакат с революционным пафосом призывал к борьбе с врагами советской власти, возвеличивал «новых героев» – рабочего и крестьянина. Вскоре в плакат входит и третье главное действующее лицо – красноармеец. Его атрибутами были военная форма с обязательной будёновкой, красный флаг и винтовка.

Среди ранних плакатов выделяется художественной перегруженностью юбилейный плакат работы А.П. Апсита «Год пролетарской диктатуры» 1918 г. Мифология античности переплеталась в нём с символикой мировой революции при обилии красных и багровых тонов. Множество изображений – колосья, цепи, знамёна, земной шар, мускулистый рабочий, «гений Свободы», восходящее солнце – предвосхищали советскую военно-политическую атрибутику.

Постепенно в советском плакатном искусстве происходил переход от первоначальной, сложной стилистики плакатов, к плакату нового типа – намного более минималистичному, с первого взгляда концентрирующему внимание зрителя на основной идее и образе.

*«Год пролетарской диктатуры»
А.П. Апсит, 1918.*

Плакатное оружие было настолько действенным, что, несмотря на нехватку оборудования, материалов и кадров в издательствах и типографиях, плакаты печатались в первую очередь. О том, какое значение большевики придавали плакатной агитации, говорит тот факт, что транспортировку политических агитационных плакатов приравнивали к доставке срочных военных грузов. Агитплакаты, разосланные на фронты Гражданской войны, аллегорично сравнивались с боеприпасами, они становились мощным психологическим оружием воздействия. Плакаты клеили на стены зданий, домов в городах, находящихся на линии фронта. Яркими, убедительными плакатами были украшены агитационные поезда и знаменитый агитпароход «Красная звезда». Порча и уничтожение таких плакатов причислялись к контрреволюционным действиям.

Образ врага. Исследуя символическое пространство советского плаката, можно заметить, что традиционные национальные стереотипы использовались сравнительно редко. Более значимыми критериями противопоставления являлись классовый, территориальный, и собственно социальный критерии. Охватившая всё общество классовая борьба определила жестокую бескомпромиссность в борьбе с разрушаемым старым миром и в полной мере отразилась в плакатном искусстве 1917–1920 гг.

Плакат, создававшийся в соответствии с основным политическим заказом, формировал в обществе настроения непримиримости, решительного отказа от всего, что было связано с прежней властью и образом жизни, его ценностями. Символы царской России: имперский герб, корона, скипетр и держава постоянно присутствовали в политических плакатах этого периода. Дореволюционная символика олицетворяла отвергнутый теперь образ России прошлого, её прежнюю политическую историю и рухнувшее государственное устройство. Фигуры «генерала», «чиновника», «попа», «капиталиста», «кулака» становились характерными знаками несправедливого социального устройства старого общества. Под кистью художников-плакатистов они приобрели устойчивые черты, стали каноническими символами врагов. Впервые эти фигуры появились в 1919 г. на листе Д.С. Моора «Кто против Советов». Впоследствии художники лишь усиливали карикатурные черты этих персонажей: «буржуй» стал непомерно толстым, белый генерал обрёл «зверское» выражение лица, «поп» демонстрировал тупую сытость, кулак – хитрую враждебность.

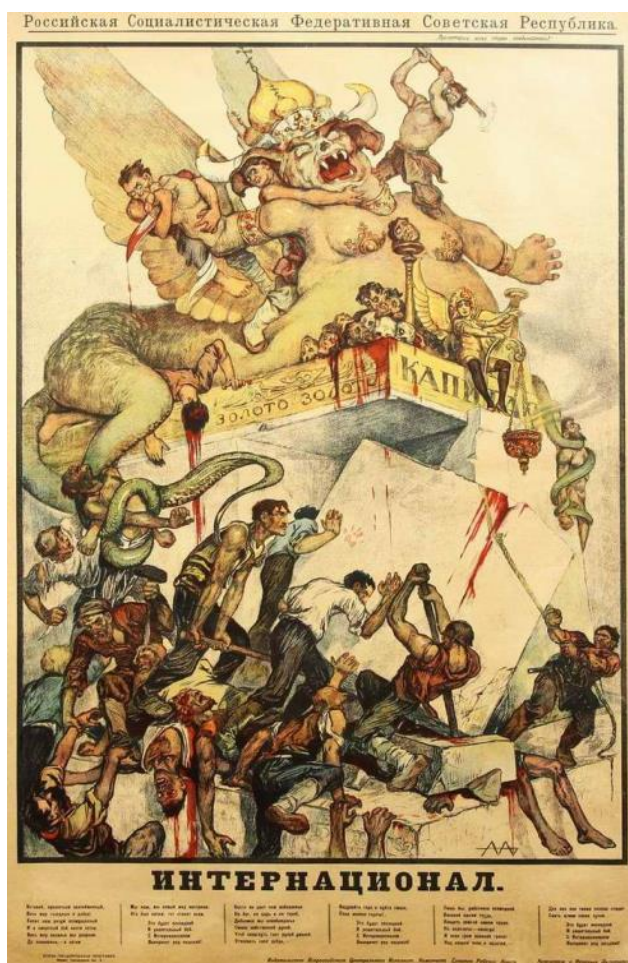
Надписи «рабство», «капитал» и т. п. выражали нравственные пороки старого общества, искоренявшиеся путём отказа от частной собственности и утверждения коллективистских начал в новой идеологической оболочке [13, с.80-92].

«Кто против советов», Д.С. Моор, 1919

В ранних советских плакатах, как символических, так и карикатурных, враг часто помещается в центр плакатной композиции. Положительный персонаж либо отсутствует вовсе (как на многих плакатах В.Н. Дени), либо показан в уменьшенном масштабе по сравнению с вражеским образом. Примерами могут служить известные плакаты «Интернационал» А.П. Апсита 1918/19 г. и «Смерть мировому империализму» Д.С. Моора 1919 г.

Вместе с тем плакат выступал инструментом утверждения новых символов державности, величия, красоты и мощи государства как носителя истинно народной воли.

«Интернационал» А.П. Апсит, 1918/19. «Смерть мировому империализму» Д.С. Моор, 1919.

Уже во время Февральской революции красный флаг широко использовался как символ свободы, разумного государственного устройства и обновления жизни. На стадии становления советского государства, его идеологии и новой незнакомой системы ценностей красный флаг неизменно обозначал воплощение идеи создания государства рабочих и крестьян. Смысловая нагруженность флага в плакате огромна, так, в работе А.П. Апсита «Год пролетарской диктатуры, 1918 г.» он предстаёт как главный символ свободы и завоеваний революции, а у Д.С. Моора на плакате «Торжественное обещание» 1919 г. указывается на преданность делу и непримиримую классовую борьбу против эксплуататоров.

Самоопределение нового человека начинает отталкиваться от образа врага. Условный «другой» уже не нейтрален, а откровенно враждебен. Плакатный образ визуализировал врага, конкретизируя его. Враг начинает получать лицо и имя, а название врага снимало страх перед ним, помогало с ним справиться. Можно утверждать, что политический образ врага создавался в массовом сознании именно посредством распространения его изображений.

2. Политический плакат в 1920-1930-х гг.

Идеи мировой пролетарской революции и интернационализма. В первое время после прихода большевиков к власти, и особенно в годы гражданской войны, идея мировой пролетарской революции всецело владела сознанием членов партии. Деятельность Советского правительства на международной арене была также полностью подчинена задаче мировой революции. Оно с самого начала исходило из того, что не является правопреемником царской России и Временного правительства. Целью его внешней политики было максимальное расшатывание системы международных отношений, что могло бы облегчить мировую революцию [12. С.205]. «Победа социализма во всех странах», т.е. мировая революция, была целью Российской республики, что и было объявлено в её конституции 1918 г. О ставке на мировую революцию говорила и программа партии, принятая на VIII съезде весной 1919 г. [9. С.29-32].

«1 мая» А.П. Апсит, 1919. «Тов. Ленин очищает землю от нечисти», В.Н.Дени, М.М.Черемных, 1920.

Ярким проявлением идеи будущей мировой пролетарской революции в плакатном искусстве раннего советского периода может служить плакат А. П. Апсита «1 мая» 1919 г., в котором автор изобразил массу людей разных национальностей. Помещённый на плакат лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в данном случае означал торжество идеи мировой революции, и как бы устанавливал канон нового искусства. Можно отметить неустойчивость символики: наряду с реалистическими фигурами рабочих изображён белый конь с крыльями, сияющая в небе звезда, небесный всадник. Ещё одной иллюстрацией данной темы является

известный плакат В.Н. Дени и М.М. Черемных «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти», на котором изображён В.И. Ленин, выметающий метлой с земного шара царей, генералов и капиталистов; они в панике разбегаются или кубарем летят с планеты. Сочетая в одном рисунке реальное и условное, Дени использует смех как острейшее оружие и добивается при этом доходчивости и убедительности.

Наступление на польском фронте весной и летом 1920 г. представлялось революционным прорывом в западную Европу и развитием «мирового октября». Однако в тот период мировой революции не произошло. Красная Армия потерпела поражение в Польше, наступила остановка, пауза в революционном процессе. Таким образом, уже в ходе гражданской войны идея мировой революции стала переживать эрозию [9, С.30-32].

После смерти Ленина, с 1925 г., сталинско-бухаринское большинство в руководстве партии взяло на вооружение доктрину «социализма в одной стране», в противоположность интернационализму. Фактически, этот политический курс подразумевал отход от идеи мировой революции, сосредоточение на внутренних задачах, на удовлетворении национально-государственных интересов. В 1928 г. в результате внутрипартийной борьбы Н.И. Бухарин был отстранён от руководства Коминтерном. Идея мировой революции потеряла своего влиятельного теоретика. Одними из поздних политических плакатов, посвящённых мировой революции, выполненных на рубеже 1920-1930-х гг. стали работы В. Н. Дени «Да здравствует Первое мая! Под ленинским знаменем Коминтерна – вперёд!» 1929 г. и «Дорогу мировому октябрю!» 1931 г. Центральное место на обоих плакатах занимает аллегорическая фигура рабочего, символизирующая изменение старого мирового порядка, представленного в виде разорванных цепей и гротескно уменьшенных капиталистов.

«Да здравствует Первое мая. Под ленинским знаменем Коминтерна – вперёд!» В.Н. Дени, 1929

«Дорогу мировому октябрю!», В. Н. Дени, 1931

Вожди партии и рядовые её члены, население страны со всё большим скептицизмом относились к идее мировой революции, не видя воочию её успехов. Тем не менее, анализ воззрений И.В. Джугашвили (Сталина) не даёт оснований чтобы уверенно утверждать, что он отказался от этой идеи. Экспансия в соседние с СССР территории должна была обеспечить и национально-государственные интересы советского государства, и дальнейшее продолжение меж-

дународной революции. Главной ударной силой будущей революции Сталин представлял не восставших пролетариев, а Красную Армию. Таким образом, курс на «социализм в одной стране» сопровождался крайней централизацией международного коммунистического движения, в котором была установлена полная гегемония партии большевиков. Отношение к СССР стало критерием лояльности для каждого коммуниста. Идея мировой революции получила новое обличие и отошла в тень. Лозунг мировой революции не был нужен в политической практике партийно-государственного руководства в конце 1920-1930-е гг. Гораздо более необходимым было представление о постоянной военной угрозе со стороны капиталистического окружения, которое могло служить мобилизующей идеологической силой в процессе строительства социализма [9. С.7-39]. С идеей мировой революции была теснейшим образом связана идея пролетарского интернационализма. Осуществление этой революции предполагало проявление взаимной поддержки пролетариев разных стран как необходимого условия. Именно эта солидарность должна была обеспечить мировой или, по крайней мере, всеевропейский масштаб наступления социализма. Однако, как показала практика первого советского правительства, и эта идея уже с момента прихода к власти большевистской партии не могла быть применена без компромиссов и уступок [9. С.40].

«Прежде: один с сошкой – семеро с ложкой; теперь: кто не работает – тот не ест» Д. С. Моор, 1920

перь», содержит изображение обедающего крестьянина, из-за плеча которого виднеется морда его жующей лошади. Реальное положение крестьянства в 1920 г. в разорённой и голодной стране не могло служить опровержением описываемой плакатом реальности. Каждый из рисунков-частей плаката заключён в отдельную рамку, что подчёркивает непроницаемость границы между прошлым и настоящим-будущим.

Эволюция образ врага в политическом плакате 1920-30-х гг. В послереволюционной риторике 1920-х гг. господствовал призыв не к изменению культуры и быта человека, а к слову старой культуры и созданию принципиально новой [2. С.14]. То, что этого «нового» человека, равно как и нового быта, в 1920-е гг. ещё не существовало, не подрывало оптимистической веры в неизбежность «светлого будущего». Плакаты периода Гражданской войны уверенно изображали новый мир, противопоставляя его старому, подлежащему исчезновению.

В качестве примера можно привести плакат Д. С. Моора «Прежде: один с сошкой – семеро с ложкой; теперь: кто не работает – тот не ест». Композиционно плакат состоит из двух симметричных рисунков, разделённых горизонтальной границей. На верхнем рисунке рядом с крестьянином мы видим противопоставленных ему бывших угнетателей, представленных в лице духовенства, буржуазии, царских военных. Таким образом, происходит персонафикация врага. Нижний рисунок, представляющий справедливое «те-

Совершенно уничижительным в 1920-е гг. был эпитет «бывший» («бывшие хозяева», «бывшие господствующие классы»). На первый план выдвигается вопрос о происхождении и занятиях до революции. Заслуги перед новым режимом и деятельность в послереволюционный период значили меньше, чем компрометирующие обстоятельства прошлого, отправлявшие в категорию «бывших людей». Утвердившаяся со времен Гражданской войны категория врагов, обозначаемая как «помещики и капиталисты» и воплощаемая в стереотипном карикатурном образе, переходила из плаката в плакат. Иконография «классового» врага в большинстве советских плакатов 1920-х гг. почти не претерпевала изменений. Такая трактовка противника казалась естественной как создателям, так и зрителям политических плакатов 1920-х гг.; ведь сам этот враг – «бывший», он принадлежит другой эпохе, другой системе координат.

«Враги пятилетки», В. Н. Дени, 1929 г.

«помещик» остаётся символическим внутренним врагом пятилетки, хотя говорить о наличии крупных землевладельцев в советской действительности периода перехода к плановому хозяйству не приходится.

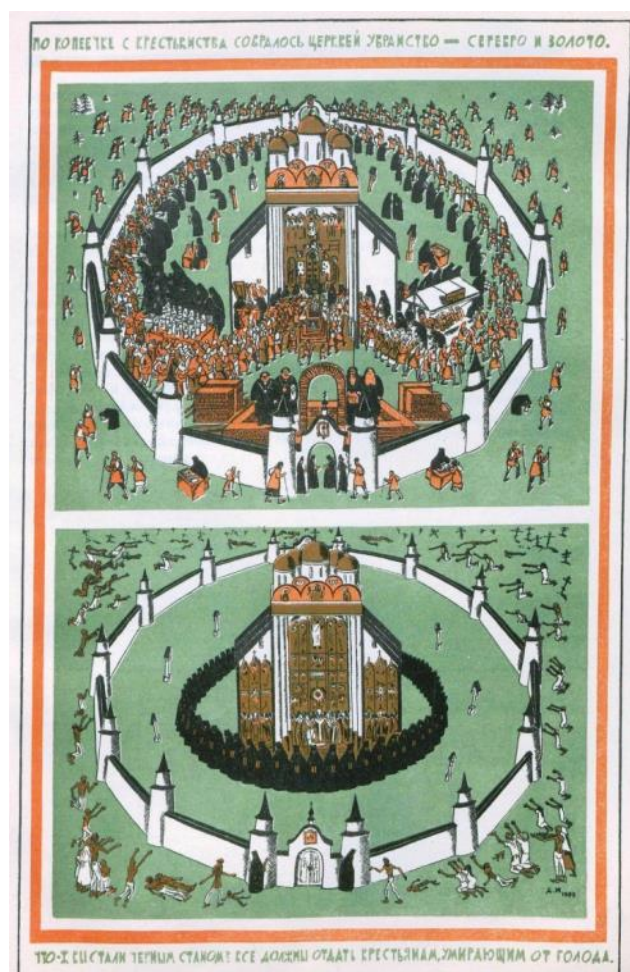
Образ врага в ранних советских плакатах трактовался через проблему социальной, а не территориальной границы. Пространственные границы должны быть уничтожены. Интересный пример визуального текста, где отношение к границе выражено косвенно, через композицию, представляет антирелигиозный плакат К. Мельникова «По копейке с крестьянства собралось церковью убранство, серебро и золото, Что ж вы встали чёрным станом? Все должны отдать крестьянам, умирающим от голода». Центр композиции плаката занимает церковный «чёрный стан» в виде окруженного сплошным забором замка, за пределами которого мы видим истощенные фигурки крестьян. Значение символической границы, разделяющей «богатства церкви» и «умирающих крестьян», имеет однозначно негативный характер. Эта граница, как и прочие, должна быть разрушена [15, с.260].

Совершенно иное значение идея границы приобретает для культуры 1930-х гг. Плакаты этого периода часто визуализируют линию границы и пограничный столб как символы, обеспечивающие суверенность «своего» пространства. Неприкосновенность границы становится

Так, в плакате В.Н. Дени «Враги пятилетки» 1929 г. мы встречаемся с такими персонажами, как «помещик», «меньшевичок», «вояка белый». И если двое последних даны в ряду зарубежных врагов, таких как «капиталист» и «продажный журналист», что является очевидным намеком на эмиграцию бывших белогвардейцев и политических оппозиционеров, то

триумфом победы над врагом. Лозунги плакатов середины – конца 1930-х гг. на все лады воспевают государственную границу и война, охраняющего ее: «Красная армия – зоркий часовой советских границ» В.Н. Дени, 1934 г., «Те, которые попытаются напасть на нашу страну, получают сокрушительный отпор» Н. Эллис, 1935 г., «Любой агрессор разобьет свой медный лоб о советский пограничный столб» В.Н. Дени, 1939 г. Тема борьбы с религией, занимавшая важное место в идеологии конца 1920-х - первой половины 1930-х гг., к середине нового десятилетия постепенно исчезает из работ художников-плакатистов.

В плакатах первой пятилетки появляется новая фигура «врага-интеллигента»: человек в фуражке инженера и в очках, натягивающий на пути у несущегося паровоза социалистического строительства верёвку с надписью «вредительство». Этот же типаж в плакатах В.Н. Дени на тему процесса Промпартии «Ставка интервентов бита» и «Контрреволюционер-вредитель» отличается от этих персонажей более зловещим видом, а кроме того, в его облике можно заметить черты аристократа [8]. Культурный тип «интеллигента» стал в 1920-х – начале 1930-х гг. средоточием «мелкобуржуазного», «индивидуалистического» мировоззрения. В 1924 г. Л.Д.Троцкий называл

«По копейке с крестьянства собралось церковей убранство...», Д. И. Мельников, 1922

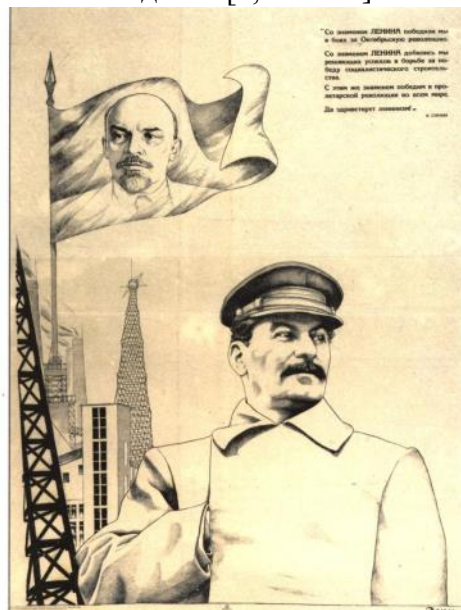
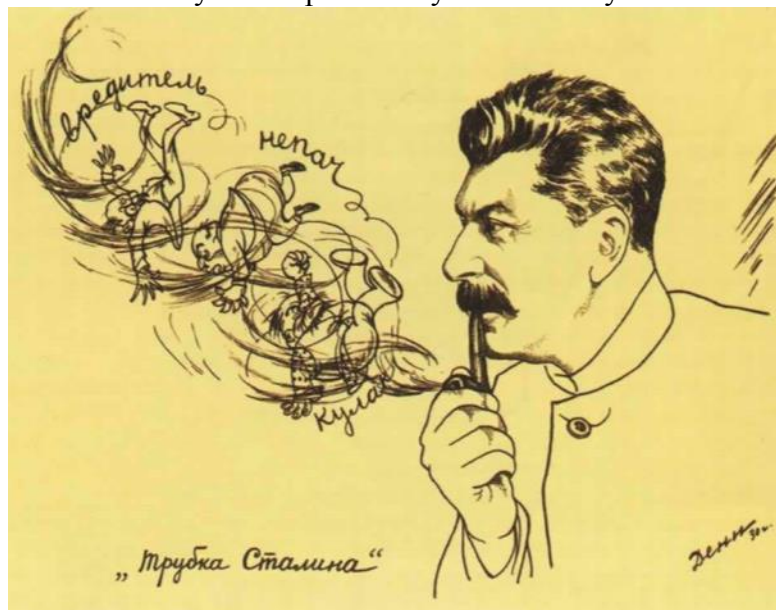

«Ставка интервентов бита», «Контрреволюционер-вредитель», В. Н. Дени, 1931 г.

эсеров и меньшевиков «революционными мещанами». Однако всего через несколько лет в плакатную пропаганду начинает входить и закрепляется тип врага, основанный на портрете Троцкого. В 1930-х гг., когда портретное изображение Троцкого в плакате уже однозначно сигнализировало врага, он начинает приобретать и такие атрибуты, как фрак, что должно было приблизить его к облику дореволюционной аристократии.

Проявления идеи вождизма в политическом плакате 1920–1930-х гг. На рубеже 1920–1930-х гг. происходили глубокие изменения в идеологии – постепенный отход от наиболее утопических идей, являвшихся наследием первых революционных лет, возрождение прежних государственных ценностей и интересов находили прямое отражение в произведениях политической пропаганды, создаваемых с первой половины 1930-х гг. Важную роль в эволюции большевистской идеологии сыграл приход нацистов к власти в Германии в 1933 г., военная угроза со стороны Германии и Японии [9. С.27]. Идеи интернационализма и мировой революции, особенно сильные в партийной идеологии и пропаганде 20-х гг. уже к первой половине следующего десятилетия практически исчезают из политических плакатов и массовых песен, всё больше уступая место темам патриотизма, необходимости защиты отчества, культа армии и сильного государства.

Вместе с идеей сильного государства не могла не сформироваться идея важной исторической роли государственных деятелей. В идеологии партии большевиков и их политической практике развивался и реализовывался комплекс идей, которые можно обозначить термином «вождизм». Вождизм, авторитет и даже культ вождя вписывались в идеологию партии, формировали сознание большевиков. Кроме теоретических положений строгая централизация внутри партии, жёсткое ограничение внутрипартийной демократии в дореволюционную пору, провозглашенный на X съезде партии (1921 г.) режим единомыслия (запрещение фракций) были теми условиями, которые стихийно воспитывали в членах партии ориентацию на вождя, его мнение, подчинение вождю. Сложивший после смерти Ленина культ его личности поддерживал в сознании партийцев идею вождизма. Вместе с тем уже в 1920-е гг., на фоне завершения внутрипартийной борьбы, особенно в связи с 50-летием Сталина (1929), развивался и культ нового вождя, получивший самое широкое отражение в советской идеологии последующих десятилетий. Не исчезнувший при этом культ Ленина узаконивал власть наследника [8, с.82–83].

В.Н. Дени «Трубка Сталина» 1930.

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию» 1931.

Основное место при изображении И.В. Сталина на политических плакатах с начала 1930-х гг. отводилось подчёркиванию его руководящей роли как энергичного лидера страны и партии, непримиримого борца с врагами советского государства [5. С.83-85]. Среди первых плакатов, посвящённых образу Сталина, созданных в начале 1930-х гг. наиболее яркими можно назвать работы В.Н. Дени, «Трубка Сталина» 1930 г., «Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию», 1931 г. Оба плаката выполнены в графическом, причём второй из них основан на реальной фотографии вождя. Эту же фотографию использовал при создании двух плакатов в технике фотомонтажа художник Г.Г. Клуцис «К концу пятилетки коллективизация в СССР должна быть в основном закончена...» и «Победа социализма в нашей стране обеспечена» 1932 г. Канон изображения вождя ещё не сложился до конца, изображение реалистично, отсутствует будущая монументальность образа.

Определённым мотивом в пропаганде 1930-х гг. становится линия на сравнение образа Сталина, как руководителя государства и партии с образом управляющего транспортом – в сентябре 1934 г. в газете «Правда» впервые было использовано словосочетание «великий кормчий». Яркой иллюстрацией этого мотива в плакатном искусстве являются работы художников Б.Е. Ефимова «Капитан страны советов ведёт нас от победы к победе!» 1933 г. и П.П. Соколова-Скаля «Поезд идёт от станции социализм до станции коммунизм. Испытанный машинист локомотива революции т. Сталин» 1939 г.

*«Капитан страны советов ведёт нас от победы к победе!»,
Б.Е. Ефимов, 1933.*

*«Поезд идёт от станции социализм до станции коммунизм»,
П.П. Соколов-Скаля, 1939.*

В течение 1930-х гг. Г.Г. Клуцис создаёт серию плакатов запечатлевших образ Сталина в технике фотомонтажа. Важнейшей составляющей нового образа вождя следует считать обращение к теме армии. Сталин – полководец, часто в сопровождении наркома обороны К.Е. Ворошилова принимает парады и устраивает смотры военной техники. О новом образе вождя свидетельствовали иные, чем прежде, художественные приёмы. С конца 1930-х гг. популярность монтажа в плакатном искусстве уменьшается, и всё большее распространение начинает получать художественный образ Сталина, зачастую основанный на известных фотографиях вождя довоенного времени.

Тема борьбы с неграмотностью. Образ крестьянства в раннем советском плакате был тождественен образу народа. Важное место в плакатах, созданных в первые годы после Ок-

тябрьской революции, отводилось темам преодоления важнейших проблем жизни населения в условиях разрухи – борьбе голодом, продвижению в массы санитарных норм и правил гигиены. К 1917 г. неграмотное население в России составляло около 75 %.

«Да здравствует рабоче-крестьянская красная армия – верный страж советских границ!», Г.Г. Клуцис, 1935. «И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле», А.М. Герасимов, 1938.

После Октябрьской революции в России борьба за всеобщую грамотность стала одной из решающих предпосылок коренных преобразований в сферах общественных отношений, народного хозяйства и культуры.

Началом этой борьбы стало создание в декабре 1917 года в Наркомпросе РСФСР внешкольного отдела под руководством Н. К. Крупской (с 1920 г. - Главполитпросвет), одной из главных задач которого была организация ликвидации неграмотности в стране. После декрета 1919 г. о ликвидации безграмотности повсеместно открывались школы грамоты, пункты ликбеза. В 1920-1921 гг. в РСФСР насчитывалось около 40 тыс. ликпунктов. Социалистическое переустройство деревни невозможно было без грамотных крестьян. Большая роль в привлечении народных масс к обучению грамоте отводилось ярким агитационным плакатам с короткими лаконичными текстами. В их числе плакат А.А. Радакова «Неграмотный – тот же слепой. Всюду его ждут неудачи и несчастья» 1920 г. В центральной части изображён крестьянин с завязанными глазами, беспомощно вытянувший вперёд руки. Он стоит на краю утёса, с которого в бездну срываются камни.

Ликвидация безграмотности рассматривалась как неременное условие обеспечения сознательного участия всего населения в политической и хозяйственной жизни страны. Наркомпросу предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Декрет предусматривал также организацию обучения детей школьного возраста, не охваченных школами. Эта задача решалась посредством создания школ для переростков, а также – в условиях борьбы с беспризорностью – путём создания школ при детских домах, колониях и прочих учреждениях, входивших в систему Главсоцвоса. В ликвидацию безграмотности включались массовые общественные организации. 19 июля 1920 г. СНК создал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, которая была подчинена Наркомпросу. Тема борьбы с неграмотностью продолжала оставаться ак-

туальной на протяжении 1920-х гг. К ликвидации неграмотности шире привлекалась общественность, в том числе учителя, студенты, грамотные трудящиеся.

В 1925-1926 учебном году в программы ликбеза в качестве обязательного был введен курс политграмоты. Введение в 1930 г. всеобщего начального обучения создавало известные гарантии распространения грамотности, а уже к концу 1930-х годов неграмотность в СССР фактически утратила характер острой социальной проблемы.

«Неграмотный – тот же слепой...» А. А. Радаков, 1920. «Все в библиотеку – каждый батрак, бедняк, колхозник должен стать читателем библиотеки!», 1929.

Союз рабочих и крестьян. Начиная с первых лет советской власти фигурам рабочего и крестьянина в плакате уделялось особое внимание. Они представляли центральную идею государственной власти – «союз рабочих и крестьян». Представители двух «правящих» классов изображались обобщенно, без каких-либо индивидуальных черт. Орудия труда (молот у рабочего, серп и коса у крестьянина), специфика одежды и характерные жесты удара или размаха создавали законченный образ. Нередко рабочий выполнял функции красноармейца, что символизировало рабочий класс, вставший на защиту советского государства с оружием в руках, в таком случае фигура рабочего дополнялась винтовкой.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. происходит бурный рост промышленных предприятий и городов. Новой тенденцией государственной идеологии становится подчёркивание ведущей роли в советском обществе рабочего класса. Данная идея находит отражение во всех направлениях советского искусства: от архитектуры и скульптуры (В.И. Мухина «Рабочий и колхозница», 1937) до произведений литературы и политического плаката. Образ крестьянина, ранее олицетворявший образ народа сознательно отводится на второй план, трансформируется в ведомую силу, иногда наделённую женскими чертами (колхозница). На плакатах времён Гражданской войны и 1920-х гг. внешний вид советских крестьян практически не отличался от облика крестьянства в дореволюционной России (крестьянин – немолодой человек, с бородой, одетый в посконную рубаху, лапти), но уже в 1930-х происходит эволюция образа: крестьянин начинает изображаться более молодым, безбородым, имеющим современную внешность.

Яркой иллюстрацией новых идей в плакатном искусстве 1930-х гг. может служить плакат А.А. Кокорекина «Да здравствует СССР – социалистическое государство рабочих и крестьян!» 1938 г., изображающий взявшихся за руки рабочего и крестьянина, стоящих лицом к

Скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница» на всемирной выставке в Париже (1937).

«Да здравствует СССР – социалистическое государство рабочих и крестьян!» А.А. Кокорекин, (1938)

зрителю. Фигура рабочего, изображённого более зрелым человеком, занимает ведущее положение в композиции плаката, в левой руке он держит государственный флаг СССР, развивающийся на ветру и сразу бросающийся в глаза. На дальнем плане виден пейзаж с дымищими трубами заводов и промышленной архитектурой.

Таким образом, можно утверждать, что 1920-1930-е гг. стали временем расцвета жанра советского политического плаката и его активного развития. Плакаты откликались на важные события в жизни страны, изменения её политического и идеологического курса. Одновременно с работами политического содержания создавались рекламные и социальные плакаты, позволявшие художникам-плакатистам дополнительно оттачивать технику создания плаката и своё мастерство. Ближе к концу 1930-х гг. военные настроения начинают преобладать в большинстве плакатов, воспеваются образ воина-защитника и демонстрируется мощь армии. Вместе с тем тиражи плакатов росли, а качество исполнения и вариативность постепенно снижались, что объяснялось необходимостью унификации страны и переходом талантливых художников в другие сферы.

3. Плакат в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Образ солдата и труженика тыла. Начало Великой Отечественной войны принесло важные изменения в идеологическом курсе страны. С первых дней войны главными темами в советской пропаганде становятся защита Родины, необходимость всенародной борьбы с врагом. Наиболее яркими произведениями искусства, созданными в первый же месяц войны стали плакат И.М. Тоидзе «Родина мать зовёт!» и песня В.И. Лебедева-Кумача «Священная война» на музыку А.В. Александрова. Образ народа, сплотившегося для защиты Родины, ярче всего представлен в плакатах военного времени, поднявших пропагандистское искусство на новый уровень.

Плакат военного времени во многом был похож на послереволюционный: популярный, полный драматизма. К созданию агитплакатов возвращаются талантливые художники (Д.С. Моор, В.Н. Дени, М.М. Черемных, И.М. Тоидзе, А.А. Кокорекин, В.С. Иванов, В.Г. Корецкий, Б.Е. Ефимов), объединённые в творческие коллективы: «Окна ТАСС», как продолжение «Окон РОСТА», «Кукрыниксы» (Москва) и «Боевой карандаш» (Ленинград).

Прослеживаются два этапа развития плаката Великой Отечественной войны. Первые два года войны плакат имел драматическое, даже трагическое звучание. Всенародно известными стали плакаты И.М. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941) и В.Г. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1942). На первом изображена аллегорическая фигура женщины-славянки на фоне штыков, держащая в руках текст военной присяги. На плакате В. Г. Корецкого изображена женщина, в ужасе прижимающая к себе ребёнка, на которого направлен штык со свастикой.

«Родина-мать зовёт!», И.М. Тоидзе, 1941.

«Воин красной армии, спаси!», В.Б. Корецкий, 1942.

«Дойдём до Берлина!», Л.Ф. Голованов, 1944.

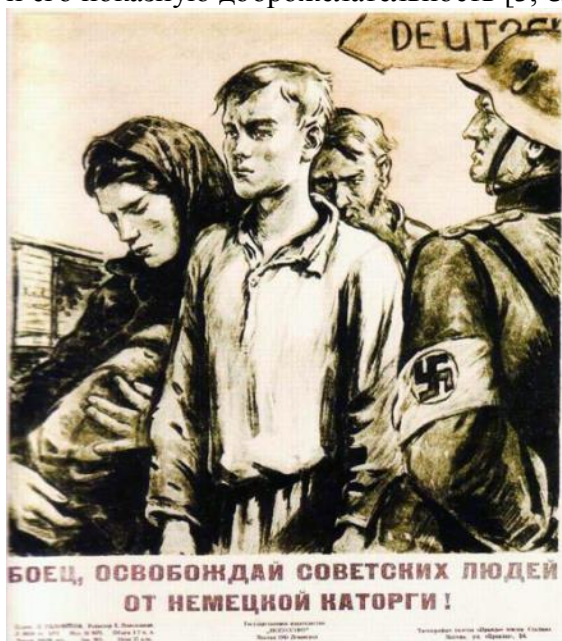
Классифицируя плакаты начального периода войны по темам, можно выделить две большие группы [10]. Одну из них составляют плакаты, посвящённые жизни тыла. Основной мотив – необходимость укрепления единства тыла и фронта, что визуально выражалось в композициях, где фигура вооруженного красноармейца либо соседствует с рабочими, либо выступает впереди многоликой группы людей, олицетворяющей многонациональный советский народ. Изображая представителей разных групп – полвозрастных (женщины, дети), профессиональных (рабочие, колхозники, учащаяся молодежь), мастерски выполняющими свои обязанности, художники конструировали идеальный образ тыла, где все члены советского общества спаяны одной целью – разгромом врага. Адресуя обществу всеми узнаваемые типажи, с которыми каждый мог себя ассоциировать, плакатисты призывали людей в полной мере соответствовать этим идеалам. В ряде призывов встречаются категории, направленные на сугубо личные чувства и переживания, такие, как воинская честь, отмщение врагу, защита от позора, любовь, испытываемая не только к Родине, но и к близким людям. Бойцы Красной армии представлялись преимущественно в двух ипостасях. Чаще всего они изображались в моменты борьбы либо победы над врагом. В данном случае в сопровождавшем изображение тексте подчеркивались отвага и мужество советских солдат и звучали призывы беспощадно громить врага так же, как это делали герои плакатов.

На втором этапе, после коренного перелома в ходе войны, меняется настроение и образ плаката, он проникнут оптимизмом и юмором. Л.Ф. Голованов в плакате «Дойдем до Берлина!» 1944 г. создаёт образ героя, близкий Василию Тёркину. Ценность победы над противником и радость при освобождении своей территории должны были усиливаться за счёт напоми-

нения о трудностях и потерях на пути к этой победе. Слезы и страдания мирного населения – мощный призыв мстить ещё не разгромленному окончательно врагу, результатом этой мести становились, в конечном счёте, слёзы радости в связи с избавлением от ужасов войны. Данные лозунги примечательны тем, что они раскрывают сущность закладываемой интерпретации событий, несмотря на то, что трагический опыт впоследствии поглощался риторикой триумфа. До сих пор победа воспринимается именно «как радость со слезами на глазах...».

Образ немца-врага. Изучая формирование образа врага в общественном сознании СССР по отношению к Германии в период войны нужно отметить, что это происходило в условиях тоталитарного режима. Официально-пропагандистский образ немца на небольшом отрезке времени эволюционирует от «враждебного капиталистического окружения» до «союзника» и «партнёра», а затем – до «вероломного фашиста в зверином облике» [17, С.59-60].

Творчество художников-плакатистов этого периода очевидно тенденциозно, а созданный ими образ врага стал хрестоматийным. Неуклюжий, непропорционально сложенный, в большой каске со свастикой, сильно надвинутой на лоб, в рваной шинели, с волосатыми лапами, в огромных сапожищах – таким выглядел немецкий солдат. Очень популярна была тема изображения Гитлера и его окружения. Они традиционно представлялись глупыми, недалёковидными, самовлюблёнными, в нелепых ситуациях. Авторы плакатов не скупались на слова и выражения, которые выставляли нацистскую Германию в негативном свете и служили созданию образа врага. Враг предстаёт перед нами коварным злодеем, волком в овечьей шкуре. Очевидна отсылка к договору о ненападении, заключённому Советским Союзом и Германией и так предательски нарушенному последней. Однако советский солдат разоблачает коварство врага и его показную доброжелательность [3, с.191].

«Боец, освобождай советских людей от немецкой каторги!» Л.Ф. Голованов, 1943

ская категория «фашист / фашистский» начинает активно заменяться национальной – «немец / немецкий». Война в плакате начинает рассматриваться как противостояние конкретных народов. Это нашло отражение в использовании в нём противопоставления «советский – немецкий» и распространении сюжета, контрастно сочетающего близких своих, нуждающихся в сочувствии, защите, освобождении, и враждебных чужих, несущих угнетение, разрушение и смерть.

Отдельная тема – жестокость немецко - фашистских захватчиков, которая проявлялась в их действиях по отношению к захваченным народам, военнопленным, мирным жителям и даже собственно к населению Германии. Одним из наиболее часто встречающихся было сравнение немецко-фашистских захватчиков со зверями. На многих плакатах встречается изображение волка. Это не случайно: во все времена в русской культуре волк был символом подлости, злости, алчности, олицетворением хищнических инстинктов, более того, именно волк фигурировал в сказаниях об оборотнях. Здесь прослеживалась чёткая связь между образом волка-оборотня и поведением гитлеровского правительства, которое сначала лицемерно заключило с СССР пакт о ненападении, а потом бесцеремонно нарушило его.

Следует также отметить, что вопреки предыдущему советскому пропагандистскому опыту, в 1942-43 гг. сопутствовавшая образу врага политичес-

Ярким примером подобной тенденции можно считать работу Л.Ф. Голованова «Боец, освобождай советских людей от немецкой каторги» 1943 г., где скорбные изображения женщины, подростка и старика противопоставлены жестокому, надменному и вполне реалистично воплощенному немцу. При этом начальная сатирическая трактовка противника без её национальной окрашенности вновь становится преобладающей лишь на завершающем этапе войны.

В то же время, следуя традиции, советские художники стремились создать карикатурный образ фашиста-зверя – врага культуры, свободы и прогресса. Немецкие солдаты предстают в виде уродливых, часто звероподобных фигур, лица которых искажены злобой, а при столкновении с бойцами Красной армией – ужасом. Показывались и плачевные для немцев результаты этих столкновений – паническое бегство, всевозможные увечья и, в конечном счёте, неминуемая смерть. Это способствовало росту и укреплению патриотического чувства на фронте и в тылу, подогревало среди населения ненависть к врагу и толкало его на активную борьбу с неприятелем.

Плакатная пропаганда, использовавшая столь яркие негативно окрашенные образы, достигла цели и способствовала созданию в СССР образа врага в годы войны.

Культ исторических героев. Одной из основных тенденцией советской идеологии с первых дней войны становится её патриотизация: выдвижение на первый план тем защиты родины, борьбы с внешними захватчиками, и культа исторических героев – защитников отечества в прошлом: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Актуальность культа героев отечественной истории в 1941-1943 гг. объяснялась тем, что в это время советская армия вела главным образом оборонительные бои. Материала для воспевания современных побед было ещё мало. Именно на начало лета 1942 г. «на период наступления фашистских войск на юге страны и канун Сталинградской битвы» пришёлся пик военно-исторической пропаганды [9, с.411]. Слова Сталина «Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших великих предков...», сказанные им на параде 7 ноября 1941 г., определили тематику таких плакатов.

«Бьёмся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева», Кукрыниксы, 1941.
«Во имя Родины, вперёд богатыри!» И. М. Тондзе, 1943.

Яркой иллюстрацией проявления культа деятелей отечественной истории в плакатном искусстве военных лет являются плакат художников Кукрыниксов «Бьёмся мы здорово, колем

отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева» 1941 г., серия плакатов, изображающая выдающихся полководцев истории России, созданная художниками В.С. Ивановым, О.К. Буровой и П.А. Алякринским в 1942 г., и плакат И.М. Тоидзе «Во имя Родины вперед богатыри!» 1943 г.

Связь воинов Красной армии со своими предками-победителями подчёркивалась не только вербально («Как древнерусский великан сражался Богатырь Иван»), но и визуально, чему также сопутствовало использование религиозных мотивов и образов. В начале сентября 1943 г. Сталин пошёл на полное примирение с православной церковью, было восстановлено патриаршество, уничтоженное в результате Октябрьской революции. Интересен в данном контексте плакат, на котором советский солдат в образе Георгия-Победоносца бьёт копьём фашистского дракона, состоящего из многочисленных фигур вражеских солдат и техники. Обращает на себя внимание и использование словосочетания «проклятая орда» применительно к вермахту, что тоже являлось апелляцией к определённым пластам культурной и исторической памяти.

Образ союзника. Важное место в советской пропаганде военных лет занимала тема отношений СССР со своими союзниками по антигитлеровской коалиции – Великобританией и США. В стремлении подкрепить дружественные отношения с союзниками в мае 1943 г. был распущен Коминтерн, примерно в то же время началась разработка нового, патриотического по содержанию гимна СССР. Так, в ряде плакатов наряду с советской символикой присутствуют флаги капиталистических стран – союзниц СССР в войне с нацистской Германией. Образ союзника впервые обрёл внеклассовые черты, ассоциируясь не с интернациональными пролетариями, а вполне конкретными американскими и английскими солдатами, в результате наиболее коренного пересмотра пропагандистской линии государства. С темой союзничества связан и довольно интересный аллегорический женский образ Европы, нашедший отражение в плакате В.Г. Корецкого «Европа будет свободной!» 1944 г. [6, с.355-360].

«Европа будет свободной!» В. Г. Корецкий, 1944 г.

«Так оно и будет!» В. С. Иванов, 1945 г.

Международные отношения СССР на завершающем этапе Второй мировой войны выражались в советских плакатах темами союзничества и освобождения иностранных государств

от фашизма. Кроме того, к концу войны над портретностью изображений стал преобладать символизм: карикатурным и звероподобным существам, олицетворявшим германский фашизм, противопоставлены кулаки, клещи, мечи, штыки, снаряды, на которых, наряду с советской, можно увидеть символику стран антигитлеровской коалиции.

Образ Сталина в плакатах военных лет. Как известно, Сталин не позировал художникам, «источником вдохновения» пропагандистов служила фотография, прошедшая утверждение, размещённая в центральной прессе, безопасная идеологически, она становилась основой художественных произведений, включая плакаты. Когда в начале войны, в период поражений, потерь и отступлений, в прессе резко сократилось количество сталинских фотографий, это не могло не повлиять на творчество художников-плакатистов. В первые месяцы войны культ личности Сталина ослаб, его образ не часто появляется в плакатах.

Ситуация несколько изменилась после событий 6-7 ноября 1941 г. (торжественного заседание Моссовета, проходившего на станции метро «Маяковская» и парада на Красной площади). Понимая значение этих выступлений для людей, власть сделала всё возможное для их максимально широкой пропаганды и распространения. Плакатисты в полной мере прочувствовали и адекватно отобразили эту мужественную стилистику военного времени.

«Сталин – величие нашей эпохи, Сталин – знамя наших побед!» А. Житомирский, 1942.

«Под знаменем Ленина – вперёд к победе!» В.С. Иванов, 1942.

С 1943 г. можно отметить начало политико-идеологического наступления внутри СССР, широко развернувшегося в стране после войны. Коренной перелом в войне дал импульс для эволюции партийно-государственной идеологии в сторону непросвещённого патриотизма, русоцентризма и великодержавия. Развивалась идея превосходства русского народа над другими народами и его ведущей роли. Таким образом, именно 1943 г. был важным рубежом в политико-идеологической жизни страны [9, с.424].

На плакатах завершающего этапа войны Сталин героизирован. Он не жестикулирует, даже не говорит. В его облике подчёркнуты неподвижная монументальность и сдержанность.

Среди населения в годы войны наблюдался рост религиозных настроений, и образ вождя, давно ставший элементом полурелигиозного сознания, участвовал в решении задачи по созда-

нию психологической опоры в обществе. Таким образом, формируется образ «отца народа», стратега, полководца, и бесстрашного военачальника. Обязательным элементом на плакатах становится карта: Сталин что-то чертит, водит по карте рукой, расставляет флажки. Его власть над пространством кажется абсолютной. Сталин на плакатах военных лет – главное действующее лицо, к словам которого внимательно прислушиваются маршалы и солдаты на передовой. В 1943 г. впервые появляется, и начинает широко тиражироваться изображение вождя в форме генералиссимуса.

Таким образом, на протяжении войны в советском плакате сформировались основные типы изображений Сталина в роли руководителя и организатора победы. Эта тенденция получила продолжение и в послевоенные годы.

4. Политический плакат во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Новые тенденции и эволюция образа врага. Изменения, произошедшие после победы во Второй мировой войне, знаменовали собой новые тенденции в официальной идеологии партии и пропаганде, начиная с первых послевоенных лет. СССР обрёл качественно новый международный статус, значительно выросли его авторитет и влияние на мировой арене. В это время началось складывание просоветских режимов в ряде стран Европы и Дальнего Востока. Уже во второй половине 1940-х гг. началась холодная война СССР со странами Запада, в первую очередь – США. Новые явления и процессы внутри государства и в мире требовали от руководства страны и партии как значительных материальных затрат, так и новых усилий на идеологическом фронте. Послевоенные годы в духовной жизни страны были ознаменованы дальнейшим всё более широким идеологическим наступлением партийных органов на «идейно незрелую» часть населения страны [9, с.490].

Вскоре после окончания Второй мировой войны, в период которой основной противник был общий – нацистская Германия, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции в связи с нарастающим отчуждением и постепенной поляризацией мирового сообщества стали формировать новый образ врага [16, с.13]. Сначала У. Черчилль заговорил в г. Фултоне в марте 1946 г. о «железном занавесе» и «полицейском режиме» в странах, где не соблюдаются принципы демократии. Затем, тот же образец жесткости продемонстрировал И. В. Сталин в интервью газете «Правда», назвав недавнего союзника поджигателем войны [14].

В эпоху холодной войны произошло внедрение в общественное сознание искусственных представлений о противнике, сконструированных государственными структурами, пропаганда двух полярных идеологополитических систем (стран Западной Европы и США и стран Восточного блока и СССР) актуализировала негативные представления, неадекватный национальный имидж своих противников. Немало сил было брошено на создание в советском искусстве негативного образа США и их союзников в Европе. В сознание советских людей посредством таких инструментов долговременной пропаганды как художественная литература, кинематограф, театральные постановки, вкладывался образ врага, идейно далёкого, безжалостного, бескомпромиссного, с которым невозможны какие-либо контакты. После фултонской речи У. Черчилля, но ещё далеко не сразу, на развитие внешне политических событий откликнулись художники, работавшие в жанре политического плаката. К 1948 г. изображение врага начинает приобретать американские черты. В марте 1949-го был утвержден чёткий по направленности «План мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (документ агитпропа ЦК от 01.03.1949). В соответствии с ним издательству «Искусство» было поручено «выпустить массовым тиражом до 200 тыс. экземпляров сатирические плакаты на антиамериканские темы».

В 1949 г. плакат Б. Воронцова «Враг хитёр, в нём звериная злоба – смотри в оба!» впервые в рамках холодной войны призвал советских солдат к бдительности, сравнив с пауками

руководимых извне шпионов, провокаторов, вредителей и, что примечательно, «распространителей ложных слухов» [20, с.122].

«Враг хитёр, в нём звериная злоба – смотри в оба!», Б. Воронцов, 1949.

Любопытное смешение конкретных персоналий и национально окрашенных образов произошло в работе художника П. С. Голубя «За прочный мир! За народную демократию! Против поджигателей новой войны!» 1949 г., где как «поджигатель» наряду с «реальным» Черчиллем выступает символический Дядя Сэм, бесспорно олицетворяющий США в целом.

В то же время, и в самых острых выпадах советской пропаганды человек на Западе представлялся лишь как жертва пороков капиталистической системы, толкающей его «на самые гнусные поступки и преступления» (План мероприя-

«Не балуй!» В.И. Говорков, 1948.

«Мы, они» С. Сахаров, К. Кубгинов, 1950.

тий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ агитпропа ЦК от 18.04.1947). Всё это давало повод для визуализации альтернативного образа «другого».

Таким образом, распространялось противопоставление «Мы – Они» (при социализме – при капитализме). Этот приём определил дух холодной войны: чётко разделил «своих» и «чужих», наглядно демонстрировал параметры сравнения, говорящие в пользу социализма. Объектом критики выступали безработица, постоянная в странах капитала, расизм, принижённое положение простых рабочих, незащищённость материнства и детства, альтернативой которым являлись занятость, востребованность и социальное уважение в странах социализма.

Что касается интернационализма, то напрямую это понятие практически не употреблялось в лозунгах, но как принцип оставалось в выражениях: «народы мира», «весь мир», «международный», «единство», «миллионы», «вместе», «каждый».

Изменения образного ряда советских плакатов 1945-1953 гг., связанных с внешнеполитической обстановкой, позволяют сделать следующие выводы. С точки зрения хронологии холодной войны визуальная пропаганда ярко отражает изменение взгляда на саму идею новой международной конфронтации. После формирования позитивного образа Запада в военное

время, в 1946 г. сначала только карикатурах, а с 1947 г. и непосредственно в плакате, ведётся борьба с идеологами, «поджигателями» войны, представленными в виде отдельных европейских и американских политиков. И только в 1948 г. в советских плакатах начинается масштабная информационная холодная война в концепции, сохранявшейся с незначительными изменениями вплоть до времени Перестройки – противостояние социализма и капитализма в рамках геополитического соперничества СССР и США, – о чём ясно свидетельствует появившийся образ символического Дяди Сэма, к отпору враждебным замыслам которого призывали плакаты. В советском плакате оставались сильны и давние традиции социально-классового отношения к врагу, изображавшие его в виде одетой во фраки и цилиндры буржуазии или гротескно увешанной оружием военщины [11, с.128, 131]. А то, что, брюки буржуа окрашены в «звёздно-полосатые» цвета и на фуражке милитариста знак доллара, объяснялось признанием объективной данности: главным политическим и идеологическим оппонентом СССР в холодной войне стали именно правящие круги США.

Образ народа и «вождя» в советском плакате послевоенных лет. Важным мотивом пропагандистских плакатов периода второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. становятся грандиозные стройки (послевоенная реконструкция облика Москвы, строительство Волго-Донского канала), отражающие восстановление страны в послевоенные годы и призванные показать стремительное развитие советского государства за это время: бурный рост его промышленности, экономического и культурного потенциала.

«Слава русскому народу – народу богатырю, народу созидателю», В. С. Иванов, 1947 г.

«Да здравствует непобедимое знамя Ленина-Сталина!» Н. Карповский, К. Еринова, 1947 г.

Ведущую роль при изображении советского «народа созидателя и победителя», в ряде политических плакатов послевоенного времени («Слава русскому народу – народу богатырю народу-созидателю» В.С. Иванова, 1947 г.; «Послевоенная пятилетка перевыполнена. Слава советскому народу – народу созидателю» Н.Н. Ватолиной 1951 г.) занимает образ мужчины-рабочего, в то время как образ крестьянства (нередко изображаемый в виде женщины-работницы) по-прежнему отводится на второй план.

Война, а точнее победа в войне превратила Сталина в «спасителя отечества». Его образ получил новый статус, более не требовавший прежней легитимации.

За период войны здоровье Сталина серьёзно пошатнулось, количество официальных фотографий вождя в послевоенные годы было сравнительно невелико. В связи с этим значительно увеличилось число изображений Сталина в живописи и плакатах, где в полной мере нашёл отражение культ личности, достигший своей вершины к началу 1950-х. Образ Сталина из фо-

тографического становится художественным, отчасти основанным на знаменитых довоенных изображениях, и открыто приукрашивается художниками, имеющем на них всё меньше сходства с реальным образом. Монументальная фигура, как правило, занимает центральное место в композиции и изображается в парадном белом кителе генералиссимуса с погонами, в любой момент готовой к решительным действиям, полной сил и энергии. На многих плакатах присутствует взгляд «снизу», масштабно увеличивая фигуру вождя.

Определённой тенденцией изобразительного искусства того времени становится сопоставление образов Сталина и Ленина, подчеркивающее преемственность советской власти между вождями и последовательность в принятии решений (в ряде плакатов Сталин изображён на фоне красного знамени с портретом Ленина), либо перемещение Ленина в современную Сталину обстановку. Яркой иллюстрацией может служить плакат В.И. Говоркова «Во имя коммунизма» 1951 г., изображающий, с одной стороны, разработку Лениным проекта Волховской ГЭС по плану ГОЭЛРО, а с другой – проектирование при Сталине Главного Туркменского канала в начале 1950-х гг.

«Придём к изобилию!», В.С. Иванов, 1949.

«Слава Сталину, великому зодчему коммунизма!», Б.Н. Беспольский, 1951.

«Во имя коммунизма», В.И. Говорков, 1951. «Слава великим вождям октября!», Н.П. Карповский, 1952.

После смерти Сталина, с лета 1953 г. культ его личности стали быстро сворачивать, плакаты с изображением вождя больше не создавались.

Заключение

Проследив основные тенденции развития советского плакатного искусства первой половины XX века, мы приходим к следующим выводам:

Советские плакаты – огромный культурный пласт в истории страны. Они издавались миллионными тиражами и окружали граждан СССР на работе, в школе, на улице, в поликлинике, даже в местах заключения. До появления телевидения они в значительной степени формировали массовое сознание.

Политический плакат выстраивал, как наиболее предпочтительную предлагавшуюся зрителю, удобную для него проекцию реальности, опиравшуюся на простые и однозначные схемы. Он побуждал зрителя выстраивать внимание и поведение нужным властям образом, создавая нужную мотивацию. Плакат был наиболее действенным средством пропаганды в силу наглядности, доходчивости и эмоционального воздействия. Часто изображая имевшие место реальные проблемы, стоявшие на пути в «светлое завтра» плакаты доходчиво объясняли, как этого «завтра» достигнуть. Плакат в СССР был не просто носителем информации, а объектом искусства и источником новой морали. За время существования советского государства плакат менял приёмы подачи и идейное содержание в зависимости от происходивших в стране и мире событий. Изменения в идеологии партии большевиков на рубеже 1920-1930-х гг. – отход от наиболее утопических идей, являвшихся наследием первых лет советской власти, постепенное возрождение прежних государственных интересов и ценностей находили прямое отражение в произведениях политической агитации и пропаганды, создававшихся с первой половины 30-х гг. и в последующие годы. Иллюстрации и подписи на плакатах – ценный исторический источник. По ним можно достоверно отследить политический курс страны, вехи её развития. Начав существование как рупор свободы, плакат постепенно изжил своё значение и влияние в жизни советского человека, став символом тоталитарного режима.

Плакаты советского времени ушли в историю. Но и сегодня эти образы, и призывы вызывают эмоции даже у тех, кто не жил в ту эпоху, заставляя смотреть и думать.

Библиографический список:

1. *Бабурин Н.М.* Русский плакат. Вторая половина 19 – начало 20 века. Л.: Прогресс, 1988.
2. *Бутник-Сиверский Б.С.* Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918–1921. – М.: Всесоюзная книжная палата, 1960. – 696 с.
3. *Вашик К.* Метаморфозы зла. Немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30-50-х годов // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. – 201 с.
4. Великая победа и Возрождение Москвы/сост. Глушко и др. - М.: Книжная палата: Контакт-Культура, 2005. – 200 с.
5. *Голомшток И. Н.* Тоталитарное искусство. М.: Стиль, 1994. – 296 с.
6. *Голубев А. В. Поршнева О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. – 392 с.
7. *Демосфенова Г.Л., Норок А.Ю., Шантыко Н.И.* Советский политический плакат / Под ред. Ф. Калошина. – М.: Искусство, 1962. – 444 с.
8. *Донцов А. И. Стефаненко Т. Г.* Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С.76-95.
9. *Дубровский А.М.* Историк и власть: ист. наука в СССР и концепция истории феод. России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.) Брянск: БГУ, 2005. – 798 с.
10. *Ефимов Б. Е.* Вехи Победы: Великая Отечественная Война в плакатах и рисунках. – М.: Голден-Би, 2004. – 199 с.

11. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. – 229 с.
12. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Парт издат, 1946. – 352 с.
13. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. – СПб., 2001. – 350 с.
14. *Николаева Н. И.* Новый образ США. Изменения в советской политике и пропаганде в 1947-48 гг.
15. *Паперный В.З.* Культура Два. М.: НЛЮ, 2007. – 408 с.
16. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.
17. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов 1 УДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6).
18. *Толстая Т. Н.* Русский плакат: книга-альбом. М.: Контакт-Культура, 2006.
19. *Тугендхольд Я.А.* Плакат на Западе // Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. М., 1987. – 320 с.
20. *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М., 1999.

Сведения об авторе:

Карпухин Артур Андреевич, студент III курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, e-mail: ArthurkarpKarpuhin@yandex.ru

Социальная история

УДК 94(470) "1917"(470, 333)

Е.И. Лазаренко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРЯНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ АРТЕЛЕЙ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье идет речь о создании Всероссийского производственно-потребительского объединения инвалидов, целью которого было оказание на государственном уровне поддержки бывшим русским военнопленным, которые стали инвалидами в период Первой мировой войны. Опираясь на изученные архивные документы автор особое внимание уделяет созданию производственно-потребительских артелей и кооперативов с целью помочь инвалидам и полу-инвалидам с трудоустройством, переобучением и возможностью себя обеспечить материально на территории Брянской губернии.

Ключевые слова: Первая мировая война, русские военнопленные, инвалиды, Брянское губернское объединение артелей инвалидов войны.

E. I. Lazarenko. Activities of the Bryansk Provincial Association of Artels of war invalids.

Abstract: The article deals with the creation of the All-Russian Production and Consumer Association of Disabled People, the purpose of which was to provide state-level support to former Russian prisoners of war who became disabled during the First World War. Based on the studied archival documents, the author pays special attention to the creation of production and consumer artels and cooperatives in order to help disabled and semi-disabled people with employment, retraining and the ability to provide themselves financially on the territory of the Bryansk province.

Keywords: World War I, Russian prisoners of war, invalids, Bryansk provincial Association of artels of war invalids.

В период массового возвращения военнопленных русской армии Первой мировой войны в Россию и Брянский уезд¹, в особо тяжелом положении оказались полу-инвалиды и инвалиды. Советское правительство стало предпринимать меры государственной поддержки данной категории граждан, создавая по всей стране кооперативы и производственные артели с вовлечением и трудоустройством инвалидов, вернувшихся из плена на родину.

Так, в копии воззвания ВЦИК² о помощи инвалидам войны 1924-1925 гг., советское руководство призывает и предпринимает попытки оказать всестороннюю поддержку инвалидам Первой мировой войны.

В воззвании Президиума ВЦИК в лице его председателя Калинин «неоднократно обращал внимание на исключительную важность наилучшего обеспечения инвалидов войны. Предлагая Всероссийскому комитету помощи больным, раненым красноармейцам и инвалидам войны начать все усилия к осуществлению этой помощи» [1, д. 23, л. 16]. «Президиум ВЦИК вместе с тем обращается ко всем трудящимся с призывом поддержать деятельность комитета и дать необходимые ему средства» [1, д. 23, л. 16].

«Наилучшие пути и формы обеспечения инвалидов – организация различного типа инвалидных учреждений. Они требуют создания постоянного бюджета устойчивого и систематической поддержки и Всероссийский Комитет Помощи только в том случае сумеет выполнить свои обязанности если от случайных пожертвований и взносов мы перейдем к систематическим посильным для каждого трудящегося платежам. Каждый трудящийся должен стать членом-плательщиком Всероссийского Центрального комитета помощи по мере возможно-

¹ Брянский уезд, входивший в состав Орловской губернии, был переименован в Брянскую губернию постановлением СНК от 1 апреля 1920 г. и декретом СНК от 6 апреля 1920 г. «Об образовании Брянской губернии».

² ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

сти и сил. Важен не только размер суммы, но само приобщение к делу помощи инвалиду. Бюджет Всероссийского комитета помощи должен быть построен на широких и массовых сборах на сочувствие всех трудящихся.

Вождь наш Владимир Ильич Ленин, всегда живо интересовался и проявлял большую заботу об инвалидах войны. Поэтому совпадение инвалидных учреждений является одним из лучших форм почтить память Ленина.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета призывает не только жертвовать в пользу комитета, но и смотреть на взносы в пользу инвалидов войны как на обязанность каждого гражданина» [1, д. 23, л. 16].

Совнарком для этих целей создал специальный орган – Всероссийское производственно-потребительское объединение инвалидов (ВИКО) [1, д. 23, л. 16] при тесном сотрудничестве Народного комиссариата социального обеспечения (НКСО)¹. В 1921 г. еще до окончания гражданской войны Совнарком издал постановление о социальном обеспечении инвалидов [1, д. 3, л. 80]. Начали появляться их первые объединения.

На основании постановления НКСО от 26.05.1923 г. о порядке организации производственно-потребительских артелей и объединений инвалидов и было создано ВИКО [1, д. 2, л. 3].

04.07.1923 г. прошло учредительное собрание Брянского губернского объединения артелей инвалидов войны² (ГИКО) [1, д. 2, л. 29]. На 01.01. 1924 г. Брянское ГИКО объединило 8 артелей. А на 01.01.1925 г. – 73.

Главным недостатком системы кооперации являлось бесплановость возникновения артелей и союзов. Предполагалось, что, несмотря на поддержку государственных органов соцобеспечения, работа артелей строилась по принципу самофинансирования, что и объясняет недолгое их существование. Для покупки оборудования выступало ГИКО, финансовые возможности которого при этом не были учтены. Это привело сначала к ликвидации ряда артелей, а затем и ГИКО. С 04.07.1923 г. по 01.10.1925 г. 29 артелей (из 73 существовавших) объявили о самороспуске [1, д. 180, л. 6]. Распоряжением НКСО и ВИКО от 05.04.1926 г. Брянское ГИКО было ликвидировано [1, д. 219, л. 7].

На основании постановления НКСО от 26.05.1926 г. при Брянском Губсобесе³ начало работу Бюро кооперации инвалидов Брянской губернии [1, д. 180, л. 5], одной из главных целей которых проведение собраний уполномоченных Брянского общества кооперации инвалидов для создания губернского объединения инвалидов (ИКО)⁴. 28.04. 1927 г. был образован Брянский губернский союз кооперации артелей инвалидов⁵ (Брянский Губкоопинсоюз) [1, д. 163, л. 5], объединивший 49 артелей. Постепенно система инвалидной кооперации стала расширяться.

В связи с образованием Западной области произошла реорганизация союза, который был включен в систему союза кооперативных артелей инвалидов Западной области (Запобл-коопинсоюз)⁶.

Если внимательно изучить сохранившиеся архивные документы, можно отметить, что в полном масштабе производственные мастерские для инвалидов стали работать на территории Брянской губернии только с 1923 г.

¹ НКСО – Народный комиссариат социального обеспечения.

² ГИКО – Брянское губернное объединение артелей инвалидов войны.

³ Губсобес – Губернский отдел социального обеспечения.

⁴ ИКО – Общество кооперации инвалидов.

⁵ Губкоопинсоюз – Губернский отдел социального обеспечения

⁶ Запоблкоопинсоюз – Союз кооперативных артелей инвалидов Западной области.

Организации, оказавшие помощь в трудоустройстве брянским инвалидам, вернувшимся из плена Первой мировой войны, действовали с 1921 г. по 1930 г. на территории всего Брянского уезда, а потом Брянской губернии. На основе документов об организации и деятельности артелей можно выделить следующие:

Артель «Свой труд» г. Севска;
Артель «Труд инвалида» г. Брянска;
Артель «Объединение» г. Брянска;
Артель «Самопомощь»;
Артель «Труд для жизни»;
Артель «Шапошник»;
Артель им. Л. Д. Троцкого поселка Володарский г. Брянска;
Артель «Гужтранспорт» г. Бежица;
Артель «Инвалид» г. Бежица;
Артель «Кузнец» с. Малфа Малфинской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Луч солнца» г. Почеп;
Артель «Яркая звезда» с. Козинка Комарической вол. Севского уезда;
Артель «Возрождение» г. Брянска;
Артель «Свобода» г. Бежица;
Артель «Заря» г. Брянска;
Артель «Красный октябрь» г. Брянска;
Артель «Надежда» г. Брянск;
Артель «Экран» г. Брянска;
Артель «Красное солнце» пос. Фокинский г. Брянска;
Артель «Красный трудовик» с. Дорожево Бежицкой вол. Бежицкого уезда;
Артель «Перепутье» г. Бежица;
Артель «Красная взаимопомощь» с. Вороново Вороновской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Труженик» дер. Козловка Выгоничской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Знамя труда» пос. Лопуш Выгоничской волости Бежицкого уезда;
Артель «Крестьянин-передовик» дер. Салынь Дубровской волости Бежицкого уезда;
Артель «Трудолюбие» с. Рековичи Дубровской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Победа» пос. Дубровка Дубровской волости Бежицкого уезда;
Артель «Красное знамя» г. Дятьково;
Артель «Вперед» с. Жирятино Жирятинская вол. Бежицкий уезд;
Артель «Красная звезда» с. Бацкино Жуковской волости Бежицкого уезда;
Артель «Геркулес» пос. Жуковка Жуковской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Слава» пос. Людинка Людиновской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Дубильщик» с. Мармазовка Людиновской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Пчела» с. Журавка Навлинской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Искра» пос. Навля Навлинской волости Бежицкого уезда;
Артель «Красный садовод» с. Соколово Навлинской волости Бежицкого уезда;
Артель «Деревенская новь» с. Чичково Навлинской волости Бежицкого уезда;
Артель «Идем вперед» дер. Дятьковичи Овстугской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Совместный труд» дер. Молотино Овстугской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Дело инвалида» с. Речица Овстугской вол. Бежицкого уезда;
Артель «Взаимопомощь» с. Песочная Песочинской волости Бежицкого уезда.

Согласно отчетным документам вышеперечисленные организации проработали от 1 года до 5 лет.

На основании фондов ГАБО на территории Брянской губернии работало более ста артелей-предприятий, в которых были трудоустроены инвалиды.

Среди документов важную роль играют протоколы губернских съездов уполномоченных ГИКО, постановления Народного комиссариата социального обеспечения от 26.05.1923 г. о порядке организации производственно-потребительских артелей и объединений.

В отчетной документации артели «Братский привет» дер. Бетово Овстугской вол. Бежицкого уезда сохранилось Постановление СНК от 8 декабря 1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов», на основании которого НКСО создал Нормальный Устав производственной артели инвалидов кустарей торгового промысла при Брянской губернии производственно-потребительском объединении инвалидов. В нем были выработаны основные положения, права и обязанности членов артелей, счетоводство и отчетность артели, проверка дел артели, распределение прибылей и убытков, общие собрания и распределение прибылей и убытков. Все созданные артели инвалидов войны на территории Брянской губернии должны были придерживаться этих правил и положений [1, д. 171, л. 3], выработанных советским правительством [1, д. 171, л. 3].

Помимо вышеперечисленных организаций на территории Брянской губернии для социальных целей был создан Брянский окружной губернский комитет помощи инвалидам войны, деятельность которого в полном объеме началась с 1924 по 1930 гг. С ним сотрудничали Брянская товарная биржа и Володарский районный комитет помощи инвалидам Первой мировой войны [2, д. 1, л. 1-2].

Деятельность Брянского губернского объединения артелей инвалидов войны была широка и разнообразна:

помогал артелям инвалидам войны открывать лавки для продажи кожевенно-обувных товаров на местном рынке в г. Брянске [1, д. 3, л. 13];

помогал в аренде базарной площади;

помогал открывать денежные кредиты;

утвердил аренду базарной площади трудовой артели «Красный луч» [1, д. 3, л. 46];

способствовал развитию мыловаренного производства;

ГИКО работникам инвалидам войны в артелях устанавливал заработную плату по определенной тарифной сетке, не ниже 15 руб. в месяц;

бюро из представителей Губсобеса, ГИКО инвалидов войны поручили на заседании правления ГИКО трудовой артели «Красный Кустарь» в срочном порядке организовать артель сапожного дела [1, д. 3, л. 72].

На основании протокола № 13/45 за 1924 г. в Брянской губернии была создана Биржа труда инвалидов. Из доклада о работе Биржи труда инвалидов при ГИКО: «В силу состояния на бирже значительного контингента инвалидов по отношению к артелям, находящимся в г. Брянске и его окрестностях предложить заведующему Биржей снести с Орготделом ГИКО на предмет возможной организации артелей, из состоящих на бирже инвалидов, остро нуждающихся определить по артелям...» [1, д. 3, л. 74].

Инвалиды, вернувшиеся из плена на территории Брянской губернии, производили самую разнообразную продукцию. Например, в деятельность артели «Инвалид» входило кондитерское и булочное производство, мыловаренное производство, ковка топоров, ремонт орудий труда, торговля на рынке, аренда базарной площади в с. Жирятино.

Но в основном, региональные артели инвалидов занимались следующими видами деятельности: аренда ларьков, ремонт домашней утвари, кузнечные работы, конфетное производство, обувное производство, разведение фруктов, производство охлаждающих напитков,

производство шапок всех фасонов как гражданского, так и военного образца [1, д.6, л. 8], аренда столовой, торговля собственным производством, разведение огородов.

Исходя из оформленных Анкет на членов артели инвалидов «Верный путь», организация занималась «портновско-шапочным производством» [1, д. 31, л. 31]. Артель инвалидов «Победа» в пос. Дубровка Бежицкого уезда занималась продажей пива, имея свою пивную лавку [1, д. 31, л. 59].

В протоколах общих собраний и списков членов артели инвалидов «Энергия» шла речь о том, что организация создавалась для карамельного промысла. Артель брала на себя обязательства обучение инвалидов войны карамельному ремеслу по предложению Губсобеса. По окончании срока обучения ученики инвалиды при наличии желания могли быть приняты в члены артели [1, д. 157, л. 2].

Архивные документы ГАБО рассказывают по каким причинам закрывались и прекращали свою деятельность трудовые артели Брянской губернии. Ситуации были самые различные: административные ошибки руководства, халатность работников и воровство. Например, трудовая артель инвалидов «Крестьянская взаимопомощь» была ликвидирована в связи со злоупотреблениями и хищениями денежных средств. По предложению Брянского Губсобеса была создана ликвидационная комиссия и произведена ликвидация артели [1, д. 147, л. 29]. На основании сохранившегося патента, трудовая артель инвалидов обслуживала чайную и столовую на Набережной г. Брянска. Патент был выдан Брянской Губернской приходно-расходной кассой [1, д. 31, л. 115].

Положение трудовых артелей инвалидов войны на территории Брянской губернии можно судить исходя из статистических сведений о деятельности ГИКО и отчетов Брянского Губсобеса на 1923 г. В докладе о деятельности кооперативного объединения артелей инвалидов войны Брянской губернии доходчиво обрисовывается ситуация: «На вопрос в каком состоянии находится инвалидская кооперация в Брянской губернии в настоящий момент можно ответить следующее: с момента получения первого циркуляра от ВИКО об организации инвалидской кооперации в губернии в Брянском Губсосбесе была тенденция к организации объединения, но ввиду целого ряда сторон благие позызы остановились без движения до самого июня с. г. В июне вопрос об организации артелей принял острую форму и было решено приложить максимум энергии для названной организации. Была создана инициативная группа каковая в дальнейшем переименовалась в оргбюро в непродолжительное время развить производственные артели посредством организации таковых, как в Трубчевском, Севском и Почепском уездах по уездным и отделение производственной артели в Бежице. Открыть 2 хлебопекарни в г. Брянске» [1, д. 7, л. 1]. «Послать 2-3 инвалидов в другие губернские города на предмет обучения их кустарному промыслу и по возвращении их создать новые кустарные артели под их руководство» [1, д. 7, л. 1].

Как уже было сказано, Брянское губернское Объединение артелей инвалидов войны курировало деятельность инвалидов и их региональные артели, взяв на себя организационные обязательства и всестороннюю поддержку им, включая материальную помощь и даже повышение квалификации с получение школьных знаний и навыков. Например, в связи с тем, что многие инвалиды войны были неграмотные, то для членов кооператива инвалидов работникам Брянского ГИКО предлагалось «пройти краткосрочные курсы для поднятия общих знаний по арифметике и в первую очередь для работников прилавка. Правление ГИКО просит выслать работника прилавка в Губотдел советских работников...» [1, д. 31, л. 117].

ГИКО при брянском Губсобесе в циркуляре сообщало, что «на 5 июля с. г. назначается первый съезд уполномоченных Брянского Губернского Кооперативного производственно-потребительского объединения инвалидов в здании Губсобеса (Старособорная, 55) куда и

надлежит выслать Ваших представителей к 10 часам утра...» [1, д. 31, л. 45]. На собрании они должны были обсуждать насущные проблемы, выступать с докладами о положении и деятельности артелей инвалидов и планами деятельности на будущее, о кассах взаимопомощи, предоставление кредитов кооперации инвалидам. Представителей коопераций инвалидов Первой мировой войны организаторы съезда приглашали на приемлемых условиях: «Виду того, что кооперативный съезд ГИКО займет не менее 2-х дней, командированным товарищам из уездов будет представлено на время съезда помещение. Оплата их ж. д. билетов ГИКО берет на себя. Кроме того, членам съезда будут предоставлены обед и чай за счет Губернского объединения» [1, д. 31, л. 45].

Так, на основании протокола № 31 совещания правления Брянского ГИКО с представителями от артелей г. Брянска, состоящих членами ГИКО, артель «Труд инвалида» на праздник международного дня кооперации в ресторане продавали прохладительные напитки [1, д. 31, л. 48].

Архивные документы ГАБО освещают интересные исторические факты. Например, на территории Брянской губернии проводились мероприятия и митинги, посвященные Первой мировой войне, или как называю её в документах – Вторая великая война. В циркуляре артели «Возрождение» правление Брянского ГИКО предлагает провести собрание членов артелей с докладами: «Итоги мировой войны. Тезисы см. газета Брянский рабочий за 23 июля 1924 г. № 166. Протесты против войны» [1, д. 31, л. 72].

В Российское производственно-потребительское объединение инвалидов при органах социального обеспечения поступил циркуляр № 68 с предложением поучаствовать в неделе протеста против войны, в связи с десятилетней годовщиной начала Второй великой войны «длвшейся 4 года 3 месяца и 26 дней» [1, д. 31, л. 73]. Красным инвалидам предлагали поучаствовать в митингах, демонстрациях, проведение соответствующих собраний в артелях, выступление со своими лозунгами. «Красные кооперированные инвалиды, Ваше место в первых рядах среди трудящихся, бросающих капиталистическому миру свой грозный протест против буржуазных войн...» [1, д. 31, л. 72].

Согласно отчетным данным, съезды Брянское губернское объединение артелей инвалидов войны проводил регулярно под патронажем курирующего органа – Всероссийского производственно-потребительского объединения инвалидов при Народном комиссариате социального обеспечения. Главное управление находилось в г. Москва по адресу: Ильинка, Хрустальный пер., д. 5. Центральный орган отправил письмо в январе 1925 г. Брянскому ГИКО с благодарностью о положительных достижениях в работе Брянского ГИКО и «горячо приветствовал 2-й Губернский съезд уполномоченных кооперации инвалидов и желал полного успеха в работе съезда, дальнейшего углубления и расширения работы ГИКО и артелей» [1, д. 2, л. 187], т. е. отметил положительную динамику развития трудовых артелей инвалидов.

На проходившем в Брянске 2-го губернского съезда инвалидов кооперации съехались представители со всех регионов, что подтверждают архивные мандаты участников съезда с оформленными личными данными.

В брошюре, напечатанной типографией Брянского Губсоюза за 1924 г. был размещен Временный Устав кассы взаимопомощи членов артелей при Брянском производственно-потребительском объединении инвалидов (ГИКО), при Губсобесе. Временный Устав был принят 1-м Губернским съездом уполномоченных Брянского ГИКО, 5-6 июля 1924 г. и утвержден совещанием представителей артелей, входящих членами ГИКО. Он содержал основные положения, участников кассы, средства кассы, денежные пособия, управление делами, счетоводство и отчетность, ревизионную комиссию и ликвидацию дел. Например, «де-

нежное пособие выдается на погребение участника кассы 50 руб. и члена его семьи до 12 летнего возраста 10 руб., свыше 12 лет – 20 руб.» [1, д. 2, л. 6].

Протоколы заседаний ГИКО подтверждают государственную поддержку в кредитовании организациям, в которых работали инвалиды Первой мировой войны, вернувшиеся из плена, а также оказание бесплатного лечения и медицинской помощи. Так, из протокола 2-го Губернского съезда Уполномоченных Брянского губернского и производственно-потребительского объединения инвалидов (ГИКО) при Губсобесе следует, что «необходимо помочь артелям разработать план кредитования и материально помочь... в связи с ограниченностью капитала нуждающимся артелям помочь в кредитовании на приобретение сырья» [1, д. 23, л. 37].

В газете «Взаимопомощь» № 59 от 2 марта 1924 г. был напечатан Циркуляр № 3 о том, что Комитет кассы взаимопомощи при ГИКО ставит в известность членов кассы «состоящих членами кооперации инвалидов, что инвалиды войны, а также члены их семейств, считаются застрахованными наравне со всеми советскими профессионалами и рабочими организациями, согласно циркулярного распоряжения Наркомздрава, Наркомсобеса...» [1, д. 23, л. 74]. «На случай их заболевания получают медицинскую помощь бесплатно во всех лечебных учреждениях подведомственных Губздраву» [1, д. 23, л. 74].

Кассе взаимопомощи были даны следующие указания: «...Лечебная помощь инвалидам и членам их семейств оказывается бесплатно по предъявлению ими пенсионных книжек.....у коих инвалидов по какой либо причине не имеется на руках пенсионных книжек, то следует иметь справку от Губсобеса, или Усобеса удостоверяющую его инвалидность с указанием его инвалидности и номер пенсионной книжки, как пенсионера, по предъявлению таковой также будет принят на бесплатное лечение» [1, д. 23, л. 74].

Необходимо отметить, что социальная помощь и государственная поддержка инвалидам Первой мировой войны оказывалась на территории Брянской губернии на протяжении 20-х и 30-гг. Об этом можно узнать из приказов Брянского окружного комитета помощи инвалидам войны за 1929-1930 гг., а также на основании копий циркуляров и протоколов заседаний Володарского районного комитета помощи инвалидам войны. В циркуляре «Всем райкомпомам Брянского округа» шла речь о том, чтобы освободить организации инвалидов войны от «каких бы то ни было налогов» [2, д. 1, л. 4]. Сохранившиеся документы описывали следующую ситуацию: «Райкомпомы оказывают помощь инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам, семьям лиц, погибших на войне, путем выдачи пособий, закупки протезов и курортов для инвалидов» [2, д. 1, л. 4]. «Райкомпомы ведут культурную работу среди инвалидов войны и оказывают военному контингенту социальное обеспечение» [2, д. 1, л. 4]. «Райкомпомы организуют платные кинотеатральные постановки, сбор пожертвований, всякие благотворительные сборы» [2, д. 1, л. 4].

Помимо материальной помощи проводилась культурно-массовая работа по оказанию необходимой поддержки инвалидам войны в разных регионах Брянской губернии. Так, согласно циркуляру от 1929 г. средства отпускались на нужды детей инвалидов войны [2, д. 1, л. 18]. Социальной помощью занималась организация «Друг инвалида», на основании докладной записки Президиума Брянского окркомпома¹ 1929 г. Окружной комитет помощи просил Суземский райсобес развернуть массовую работу в деревнях и селах по вовлечению коллективов в ячейки «Друг инвалида и красноармейца» и создать за короткий период времени не менее 15 таких ячеек. Документ датируется 1930 г. [2, д. 1, л. 25].

¹ Окркомпом - Окружного комитета помощи

Согласно выписки из протокола Пленума Окружного комитета помощи, в региональной организации ставилась обязательная задача «принять меры к созданию активов на местах из среды лиц, обеспечиваемых пенсиями социальным обеспечением» [2, д. 14, л. 29].

В циркуляре, адресованным всем райкомпомам настоятельно предлагалось «развернуть юридическое членство, охватить все учреждения и организации для активной их помощи инвалидам войны» [2, д. 1, л. 29]. Далее в документе советским органам рекомендуется: «Просмотрите все имеющиеся возможности по организации производства, для извлечения средств на дело помощи военному контингенту с вовлечением в эти производства лиц военного контингента» [2, д. 1, л. 29].

В 1930 г. в связи с празднованием 13-ой годовщины Октябрьской революции в Брянске проводилась компания по распространению нарукавных повязок и пионерских флажков, для сбора средств и «на дело оказания помощи инвалидам войны, раненым, демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне» [2, д. 1, л. 63].

Инвалидам войны на территории Брянской губернии оказывал всестороннюю помощь Брянский губернский отдел социального страхования, тесно сотрудничавший с ГИКО. Его циркуляры за 1917-1930 гг. подтверждают это. Согласно отчетной документации Брянского губернского отдела социального страхования и на основе циркуляров инвалидов Первой мировой войны средства стали выделять на профессиональное обучение с марта 1920 г.

Для назначения пособий инвалидам велись специальные ведомости (например, за 24 мая 1920 г. и материалы по учету инвалидов войны, а также велась переписка о назначении пенсии по инвалидности за декабрь 1921 г.) [3].

Документы ГАБО о деятельности Брянского губернского отдела социального страхования хранят ценную информацию по изучаемой теме:

- заявления инвалидов войны на получение пенсий (1921);
- переписку с Брянским губполитпросветотделом по политпросвет работе среди инвалидов войны;
- ремонт помещений для инвалидов в Мальцевском районе;
- Инструкцию Центрального комитета крестьянским комитетам обществ взаимопомощи;
- смету по оборудованию сапожной мастерской для инвалидов за 1922 г.;
- Акты обследования домов инвалидов, сметы по оборудованию мастерских;
- списки призреваемых: сведения по учету инвалидности, акты обследований (1922);
- переписку с Бежицким усобесом об отпуске протезов (за 20 апреля 1922 г.);
- Циркуляры об устройстве инвалидов;
- заявления о выдаче удостоверений о нетрудоспособности;
- списки инвалидов войны;
- сведения о домах инвалидов [3].
- копию постановления СНК РСФСР о денежном довольствии военнопленных и их семей;
- сведения о денежных выплатах военнопленным;
- списки военнопленных и инвалидов деревни Чайковичи Любохонской волости, нуждающихся в строительном материале и дровах [4, д. 52, л. 23].

Важно отметить, что инвалидам войны и бывшим военнопленным на территории Брянской губернии оказывал помощь ещё один важный советский орган – Брянский уездный комиссариат призрения социальной помощи [5, д. 50, л. 1 об.], созданный в мае 1918 г., а в 1919

г. его функции стал выполнять отдел социального обеспечения при Брянском уисполкоме¹ Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: советское правительство стало инициатором создания как на всероссийском, так и на региональном уровне потребительских артелей и объединений инвалидов войны. Это стало еще одним направлением социальной политики советского государства поддержать и трудоустроить брянских военнопленных, ставшими инвалидами в период Первой мировой войны. Общественные организации успешно работали на территории Брянской губернии с 1921 по 1930 гг. Для развития данных общественных организаций были задействованы в Брянской губернии местные органы как законодательной, так и исполнительной власти.

Библиографический список

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-133. Оп. 1.
2. ГАБО. Ф. 219. Оп. 1.
3. ГАБО. Ф. 453. Оп. 1. За 1917-1930 гг.
4. ГАБО. Ф. Р-483. Оп. 1.
5. ГАБО. Ф. 514. Оп. 1.

Сведения об авторе:

Лазаренко Елена Ивановна, аспирант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

¹ Уисполком – Брянский уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Древности и археология

УДК 903.01

И.В. Горашук, Н.В. Рослякова

«СТРИГАЛЬНЫЕ ПОЛОЧКИ» ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация: Статья посвящена введению в научный оборот 11 костяных орудий, относящихся к категории "стригальных полочек" с пяти археологических памятников центральной части Волго-Уральского региона. Приводятся сырьевые характеристики и трасологические определения изучаемых изделий. Все памятники относятся к срубной КИО, эпохи позднего бронзового века.

Ключевые слова: ламели, стригальные полочки, поздний бронзовый век, трасология, Урало-Поволжье.

Gorashchuk I.V., Roslyakova N.V. "Strigal shelves" from settlements of the late bronze age of the Uralo-Volga region

Abstract: The article is devoted to the introduction into scientific circulation of 11 bone tools belonging to the category of "strigal shelves" from five archaeological sites in the central part of the Volga-Ural region. Raw characteristics and trasological definitions of the studied products are given. All monuments belong to the cut KIO, the era of the late Bronze Age.

Keywords: Lamellae, strigal shelves, late Bronze Age, trasology, Volga-Urals.

Функциональное назначение «стригальных полочек» или «стригальных ламелей» как приспособления для стрижки овец грубошерстных и полугрубошерстных пород было определено и описано относительно недавно [11]. До этого исследования ребра животных с пучками порезов рассматривались как ложила для сдиранья мездры со шкур и лощения кожи [5, С. 125; 6. С. 96, 111; 12, С. 256] или шпатели для обработки сосудов [12, С. 256, 262]. Такие орудия встречаются на бытовых памятниках срубной и постсрубных культур позднего бронзового века на территории от реки Бырлад (Румыния) до реки Белая (Южный Урал) [11, С. 208; 210, рис.2]. Наибольшее количество стригальных ламелей происходит из поселений, расположенных в бассейне среднего течения реки Северский Донец. Именно с эпохой поздней бронзы исследователи связывают появление и распространение шерстяного волокна на территории Северной Евразии [13, С. 671-672; 677-678]. Пополнение базы данных находок орудий для стрижки овец и их датирование позволит более детально изучить этот процесс. Введению в научный оборот 11 стригальных ламелей из археологических коллекций пяти поселений Южного Средневожья посвящена настоящая статья.

Методика.

Ребра с порезами были отобраны в качестве орудий для стрижки овец в соответствии с признаками, приведенными в статье В.Б. Панковского и Е.Е. Антипиной [11]. Орудия № 1-2, 8-11 (табл.1) идентифицированы на основании визуального осмотра макроследов (пучков порезов и лощения) Н.В. Росляковой. Орудия № 3-7 выделены на основании изучения микроследов на их поверхности И.В. Горашуком.

Для каждого орудия выполнено определение анатомической и видовой принадлежности сырья с указанием стороны тела, места в ряду одноименных костей (номер ребра с 1-го по 13-е) и использованная часть или части ребра, по схеме, предложенной Е.Е. Антипиной и В.Б. Панковским [11, С. 214, рис. 3]. Если точный порядковый номер ребра не определялся достоверно, то указывался их вероятный диапазон.

Микроследы на ламелях были изучены трасологическим методом.

Процедура микроанализа орудий труда производилась согласно 10 принципам, изложенным в работе Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским [4, С. 31-32]. Фиксация следов износа осуществлялась по шестиблочной схеме фиксации следов износа на орудии, предложенной Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским. Первый блок следов износа – выкрошенность, второй – характеристика кромки орудия, третий – заполировка, четвертый – объемные следы, пятый – следы от обушковой части, шестой – псевдоследы. Исследования проводились с помощью панкритического микроскопа МС 2 Zoom - TD 2, имеющего увеличение до 200 раз. В комплект оборудования входила микрокамера с окуляром UCMOC 5 mp для фиксации микроследов.

Таблица 1. Сырьевые характеристики костей с нарезками

№	Местонахождение орудия	№ ребра	Часть ребра	Сторонность ребра	
				левое	правое
1	Малоюлдашево I, Участок III, пласт.6	5-6	2-4	*	
2	Михайло-Овсянка I, Раскоп IV, В8, пласт 9	7-8	4-5	*	
3	Михайло-Овсянка I, Раскоп III, Е4, пласт 3	5-6	4-5		*
4	Михайло-Овсянка I, Раскоп IV, Г7, пласт 7	4-6	2-3		*
5	Мамыково, кв. 5-61, пласт 17	5-7	4-5	*	
6	Мамыково, кв. 5-85, пласт 17	7	4-5		*
7	Мамыково, кв. 5-90, пласт 17	5-7	4-5		*
8	Шигонское I, кв.254, пласт 3	5-6	4		*
9	Шигонское I, подъемный материал	4-6	3		*
10	Лебяжинка V, кв. А-03, пласт 4	7-8	4-5		*
11	Лебяжинка V, кв. М-08, пласт 3	5-6	4-5		*
Всего:				3	8

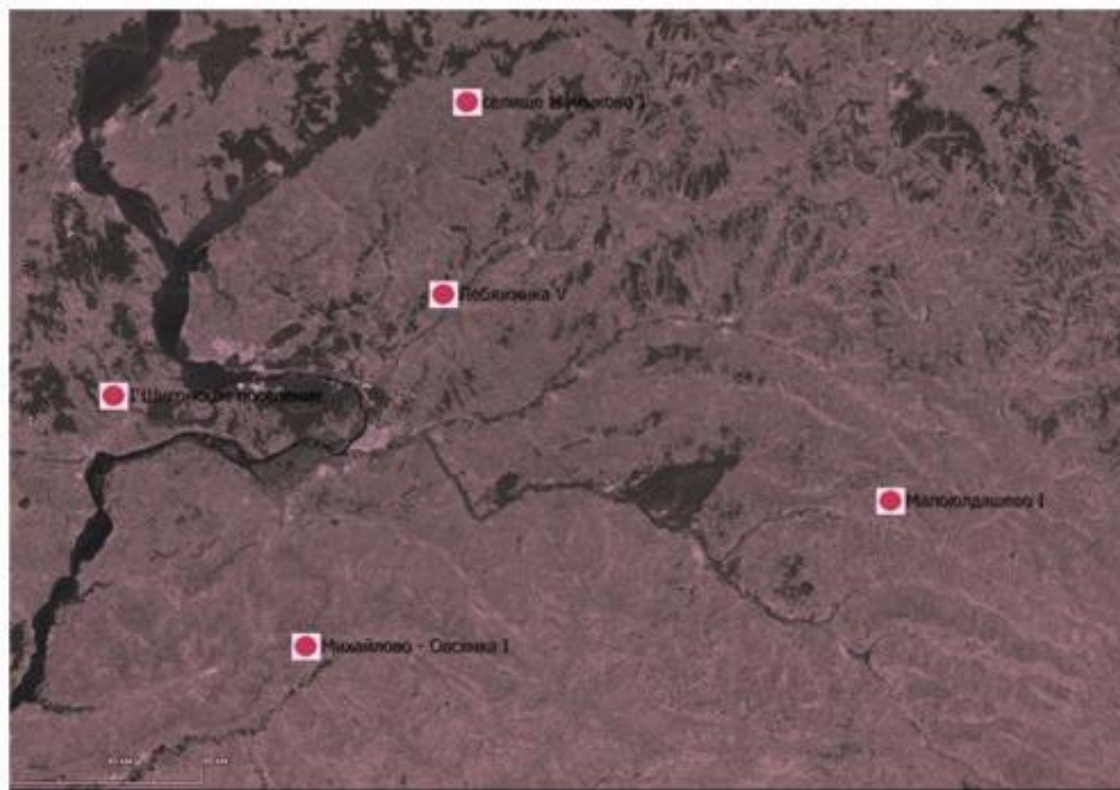
Особенности трасологического анализа стригальных полок.

Особенности изучения стригальных полочек связаны как с материалом исполнения, так и со способом использования.

Способ использования такого орудия прост - он служит упором для срезания шерсти при помощи ножа, при этом одна сторона упирается в тело животного, а на противоположной происходит отрезание прядей, как это можно понять из описания исследователей, выделивших этот тип инструментов [11 С. 225-226, Рис. 19]. При изучении этой категории артефактов мы сосредоточим внимание на внимательном трасологическом исследовании и описании следов износа.

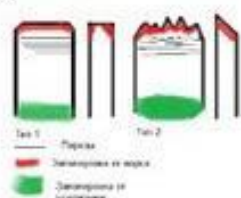
Полочка, как и всякое другое орудие, имеет рабочую и аккомодационную части. Рабочей частью (участок, в данном случае - плоскость) здесь и далее мы называем ту, на которой производят срезание прядей (косичек) шерсти. При этом собственно рабочий участок состоит из собственно рабочего участка (для резанья) и контактного участка (поверхности), т.е. оборотной стороне собственно рабочего участка, которая упирается в шкуру животного.

Судя по исследованным нами артефактам, контактный участок может быть двух типов. Первый - П-образный в профиле, второй приостренный (рис 1.2). Не исключено, что эта морфология связана с членением ребра, т.е. операциями подготовки орудия к работе.

1.1 Карта памятников, со стригальными полочками

1.2 Типы рабочих участков

1.3 Износ типа 1

1.4 Износ типа 2

Рис.1 1.1 Карта памятников 1.2 - 1.4 Различные типы износа стригальных полочек.

Указанная морфология прямо связана с образованием следов. При рассмотрении износа следует вспомнить о материале изделия. Материал, на котором выполнены все изученные нами орудия - ребра КРС. Ребра, как известно, состоят из двух слоев плотной костной оболочки (компакты) и пористой массы (губчатого вещества) между ними. Приостренным в профиле ребром нельзя пользоваться как полочкой иначе, нежели прижимая срезанную (скошенную) часть к шкуре. Иначе, разрезающее орудие будет крошить компакту и быстро сделает орудие непригодным к срезанию шерсти, поскольку будет вязнуть и разрушать вытянутую часть ребра. Таким образом, скошенная сторона вытянутой части может только прилегать к шкуре. Однако, толщина компакты ребра незначительна, она редко превышает 2-3 мм. Вследствие чего, на этой части будут самопроизвольно образовываться зубчики выкрашивания костной ткани.

Это мы и наблюдаем в действительности. Все приостренные в профиле орудия, или орудия с П - образным профилем, но обратная сторона которых утратила крайнюю часть плотного слоя имеют зубцы. В качестве примера приведем орудия с поселения Малоюлдашево I и селища Мамыково I. Фасетки выкрошенности здесь достигают 2х мм в ширину и до 3х в длину, образуя зубцы на собственно рабочей части (рис 1.4). Здесь внутри фасеток могут находиться трещины от нагрузки, идущие вдоль слоя, такое явление мы называем "растрескиванием". Нижняя укороченная часть оставшегося плотного слоя сглаживается, скругляется. О заваливании кромки здесь речи нет, но скругление и полировка кромки имеет место.

Иной характер носит износ орудий с ровным П- образным профилем. Выкрошенность на собственно рабочем крае имеет место и здесь, однако фасетки не превышают в ширину долей миллиметра (рис. 1.3). На оборотной стороне читаются плоские фасетки выкрошенности, размерами около 0.3 - 0.5 мм в ширину, при снятой фаске кромки (рис. 1-4). Таким износом характеризуются орудия I Шигонского поселения.

Как было сказано выше, от трения о шкуру и ворс износ с контактной плоскости переходит на рабочую поверхность - выкрошенность образуется в той или иной степени и на ней. Однако, основные следы здесь от срезания прядей шерсти представляют собой поперечные относительно оси орудия порезы, длиной до 2 см, и глубиной до 0.5 мм. Если в плане протяженности они весьма однообразны, то глубина порезов обладает широкой вариабельностью. Даже на малой в количественном отношении выборке (11 экз.) мы, в предварительном плане, можем выделить неглубокие (менее 0.1 мм) порезы, порезы средней глубины - до 0.2 мм, и глубокие свыше 0.2 мм. Следует специально оговорить, что глубина фиксируется по одиночным порезам, т.е. не сформированным многократным попаданием режущей кромки ножа в одну и ту же бороздку. Пристальное внимание к глубине бороздки не случайно. Оно характеризует силовую нагрузку. Мы считаем, что силовая нагрузка - важная характеристика износа.

Весьма разнообразна и локализация порезов. От серий параллельных, "лестничного" типа полос, до скошенных, с хаотично пересекающимися единичными порезами. Следует отметить, что в ряде случаев порезы отмечаются и на боковой поверхности ребер, словно бы орудие было поставлено боком. Характерным примером такого рода является порез на орудии с поселения Михайло - Овсянка I (рис. 6.3).

Еще интереснее пересекающиеся порезы. Не перпендикулярные, но с углами, близкими к 65-70 градусам. Причем, они фиксируются на макро - и микроуровне - (рис. 3 Б). Образование таких следов пока не объяснено ни экспериментом, ни даже на теоретическом уровне, и противоречит теоретической гипотезе использования орудий, высказанной ранее [11, С. 225- 226]. Такой тип износа фиксирует угол, указывающий на положение орудия в работе. Что является важнейшей характеристикой износа. Поэтому мы сочли необходимым выделить его в тип специального износа, названный нами "сетчатым" (рис. 3Б)

На этом фоне весьма монолитно выглядит V - образная профилировка порезов. Это свидетельствует о единообразных режущих орудиях, участвовавших в трудовых операциях. Единообразно выглядит и износ аккомодационной части - это всегда кожная, блестящая заполировка поверхности центральной части инструмента.

Итак, выше мы дали характеристику двух важнейших блоков следов - выкрошенности, в нашем случае - силовым деформациям, включающих порезы, фасетки выкрошенности и растрескивание орудия; и состояния кромки. Сформулируем их основные характеристики.

Встреченные нами образцы стригальных полок имеют П - образные и приостренные в профили рабочего участка, состоящего из собственно рабочей и контактной поверхностей.

В зависимости от типа профиля, выкрошенность может быть переменной. При приостренном профиле ретушь верхнего участка рабочей плоскости выламывающая, полукруглая, нерегулярная состоящая из крупных - размерами свыше 1 мм в ширину и 2 см в длину треугольных фасеток, которые на лицевой поверхности вызывают растрескивание орудия вдоль по слою. При такой выкрошенности кромка приобретает зубчатый в плане характер. Ее можно назвать "коронообразной" по аналогии конфигурации зубцов.

Кромка нижней части контактного участка скругляется. На ней образуются линейные следы и микрофасетки выкрошенности.

Иной износ демонстрируют орудия с П - образным профилем. Выкрошенность верхнего торца компакты тоже присутствует. Она микроскопическая. Выламывающие фасетки имеют размеры 0.2 - 0.3 мм в ширину и около 0.1 мм в длину. Сама кромка этой поверхности скруглена. Иногда, в самых слабых в прочностном отношении местах, как правило по углам, отмечаются единичные зубчики и микрозубцы.

Нижняя часть компакты контактной поверхности скруглена. На ней наблюдаются фасетки плоской ретуши, вызванные отслоением компакты при силовом воздействии.

Кроме собственно выкрошенности, на рабочих поверхностях отмечаются серии порезов. Они V - образного профиля. Переменная их глубины и длины, а также локализация на рабочем участке подробно описана выше, поэтому нет нужды повторять описание здесь вторично.

Перейдем к описанию третьего блока следов износа - заполировке. Вследствие контакта с кожей и жиром это т.н. "мясная" заполировка. Она проникающая. Т.е. заполняющая все углубления микрорельефа. Относительно яркости, следует отметить, что неяркая и матовая жирная заполировка на камне, на мягкой кости выглядит как сияющая, бликующая и лоснящаяся. Видна она на выпуклых участках даже невооруженным взглядом.

Относительно ее локализации следует обратить внимание на контактные участки - верхний и боковые грани нижней части контактного участка, и верхней грани рабочего участка. Ее можно отметить на кромке верхней компакты рабочей плоскости. Интересно, что на рабочей поверхности мы видим ее отчетливую линейную направленность. Это присутствует на ряде артефактов (рис. 9. 3, 5)

Интенсивная заполировка присутствует в пространстве между порезами. Ее происхождение очевидно. Заполировка образуется от трения состригаемого ворса о рабочую поверхность орудия. Особо следует отметить заполировку боковых граней. Она видна невооруженным глазом.

Что бы закончить с темой заполировок, укажем на заполировку аккомодационной части орудия, хотя это отдельный блок износа - пятый. И тем не менее, поскольку орудие удерживалось рукой, то и здесь заполировка мясная. По личному ощущению, она отличается от заполировки на рабочих частях, от ворса, степенью блеска. Заполировка на аккомодационной части не лоснящаяся, более мягкая.

Линейные следы, четвертый блок износа, проявляются на всех поверхностях, которые испытывают контакт при использовании ламелей. Это торцы и грани компакты, как на рабочей, так и на контактной поверхностях.

В заключении данного раздела несколько слов о псевдоследах. Т.е. о шестом блоке износа. Они весьма разнообразны. Здесь встречаются следы как от действия извне - участки, съеденные червоточинами, так и от действия естественных постдипозиционных процессов - отшелушивание надкостницы, известковая корка, окатанность слоём. Описав особенности изученных артефактов перейдем к их конкретным характеристикам.

Описание орудий

Поселение **Малоюлдашево I** расположено на правом берегу реки Ток (Красногвардейский р-н, Оренбургская область) [10; Рис. 1. 1]. Памятник многослойный, подавляющая часть археологического материала связана со срубной культурой эпохи позднего бронзового века [10, С. 160-161]. Стригальная полочка была обнаружена на участке III на уровне 6 условного горизонта. В качестве сырья использовалась центральная и дистальная часть (№2-4) ребра (№5-6) из левой половины грудной клетки крупного рогатого скота (*Bos taurus*) (КРС). Размеры изделия (мм): длина – 200.3; длина латеральной поверхности (по изгибу ребра) – 206.0; ширина – 37.6; толщина – 8.0 (рис 2).

Рабочий участок расположен на медиальной поверхности нижнего края ребра. Он фиксируется при визуальном осмотре, в виде изрезанной поверхности кости, протянувшейся полосой 15-18 мм, с небольшим смещением к внешнему краю кости. Рабочий участок расположен в 5мм ниже торцевого края кости. Наиболее изношен центральный участок около 10 мм, ниже и выше него порезы единичны (рис.2). Как сказано выше, с внутренней стороны порезы начинаются у края ребра, с внешней - не доходят до края. Порезы неглубокие, с V образным профилем, параллельны и пересекающие друг друга (рис.2.1).

Это орудие имеет приостренный профиль. Износ обратной стороны является классическим для этого типа инструментов. На обратной стороне ламели зафиксированы удлиненные фасетки с заполированными краями. На торце - естественные "зубцы", образованные фасетками выкрошенности. Фасетки крутые, выламывающие, шириной ок 2 мм и длиной ок 3 мм. Длина зубцов - до 3-5 мм. Любопытно, что в межфасеточных углублениях при "растрескивании" отмечается интенсивная заполировка. Эта заполировка свидетельствует о том, что зубцы короны "работали" как естественный гребень. Кромка в плане крупнозубчатая, в профиле приостренная.

На выпуклой поверхности центра орудия поверхность зафиксирована жирная, мягкая заполировка от удержания орудия.

Небольшой серией из трех предметов представлены стригальные палочки с поселения металлургов срубной культуры **Михайло-Овсянка I**. Поселение находится на юге степного Заволжья, на левом берегу реки Овсянки, правом притоке реки Большой Иргиз (Пестравский район, Самарская область) [10]. Результаты радиоуглеродного датирования определили функционирование поселка в XVIII–XV вв. до н. э. [14, С. 265).

Стригальная полочка из раскопа IV пос. Михайло-Овсянка I (кв. В8, пласт 9), изготовлено из дистальной части (№4-5) левого ребра (№7-8) КРС. Его размеры (мм): длина – 174.0; ширина – 28.4; толщина – 7.6 (рис. 6).

Данное изделие имеет рабочие поверхности, расположенные по обоим торцевым краям ребра на медиальной поверхности. Один из них - утрачен, из-за выкрошенности надкостницы до губчатого слоя (рис 6). На втором рабочем участке среднеглубокие порезы, которые фиксируются визуально. Они начинаются в 3мм от торца предмета и распространены поло-

сой, ширина которой около 15 мм. При этом наиболее интенсивны нарезки в центре этой полосы, снизу и сверху отмечаются менее интенсивные и глубокие порезы.

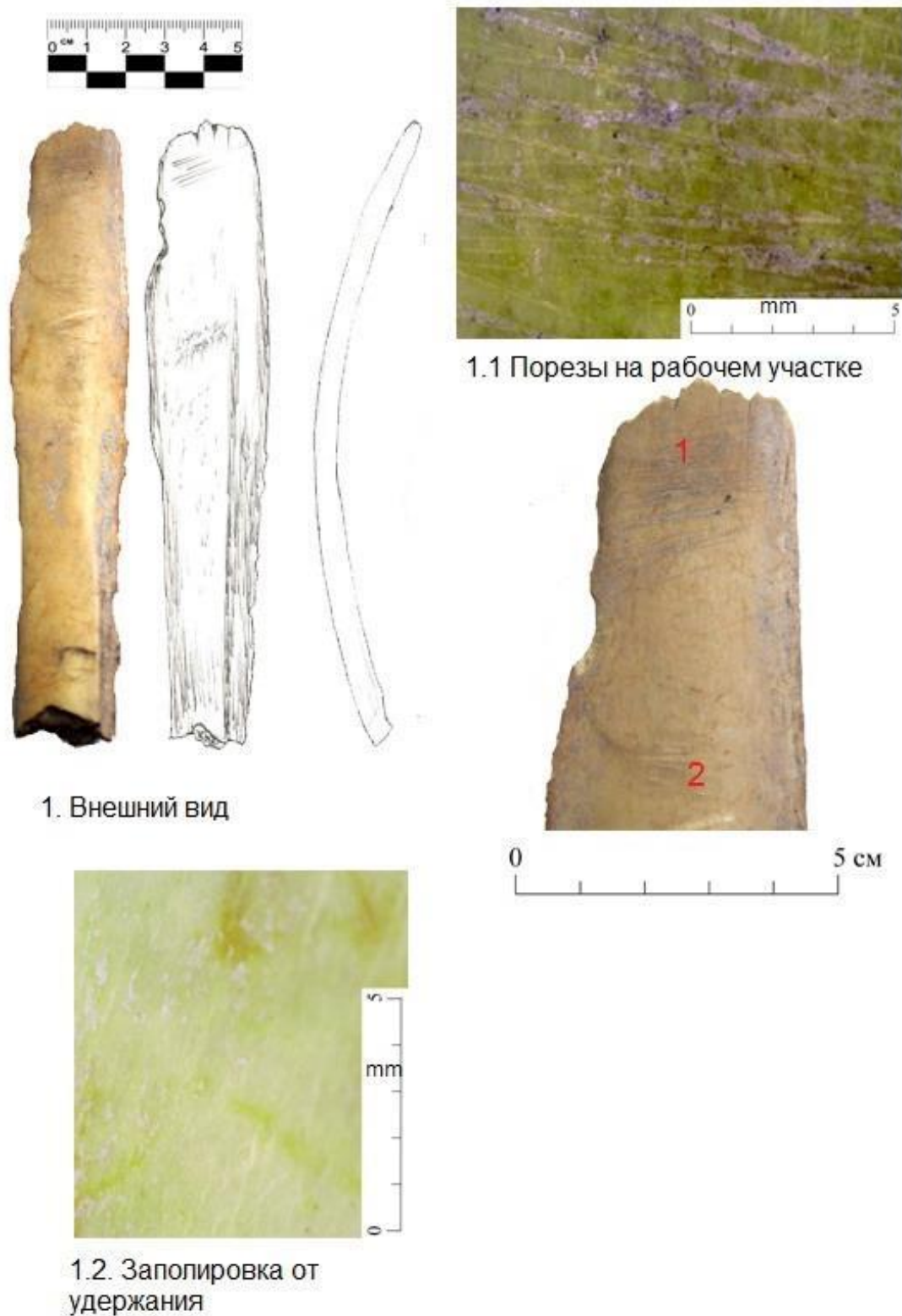

Рис.2. Стригальная полочка из Малоюлдашево I

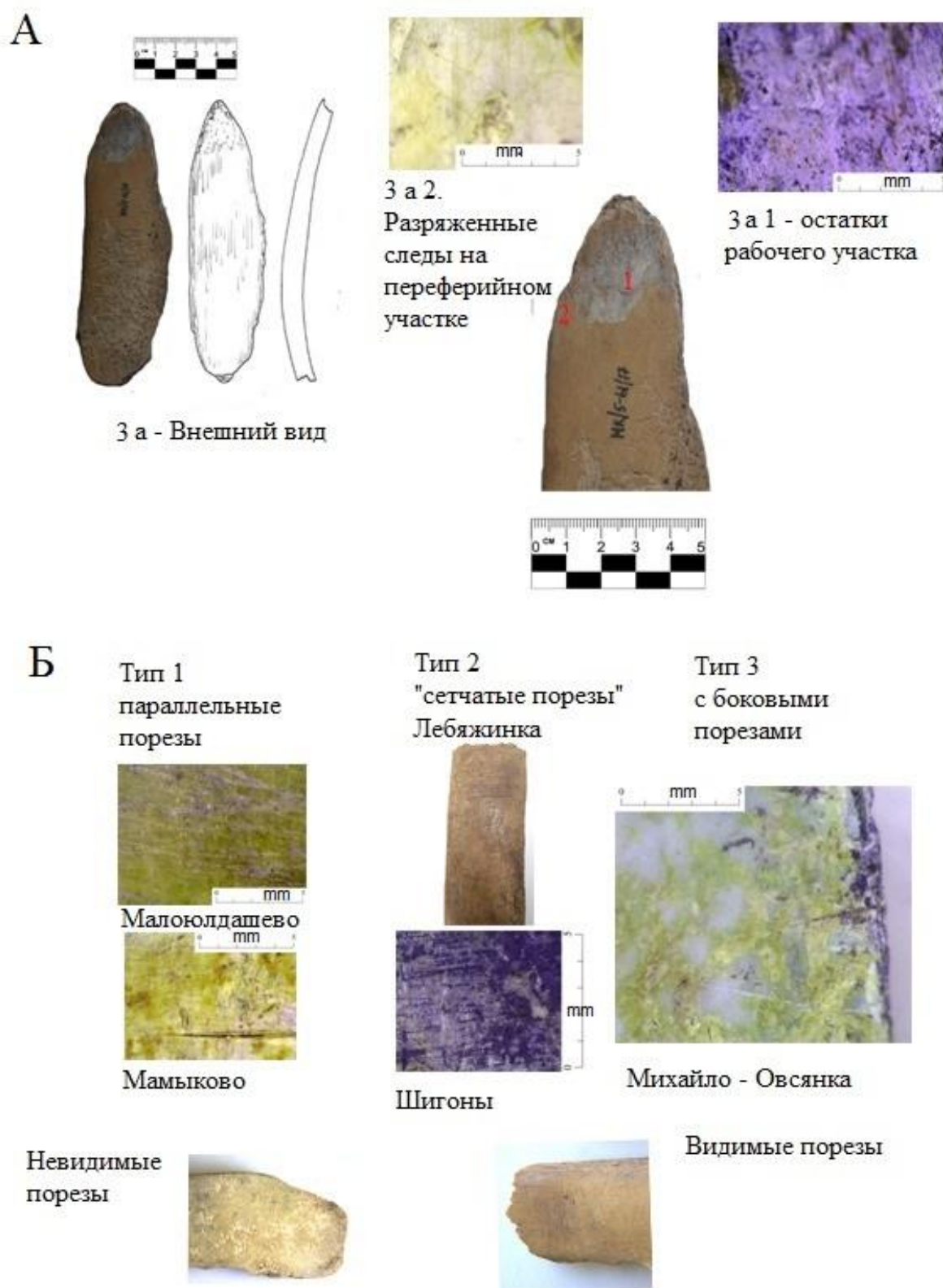

Рис. 3 А. Стригальная палочка из Мамыково 1 с несохранившейся поверхностью Б. Типы износов.

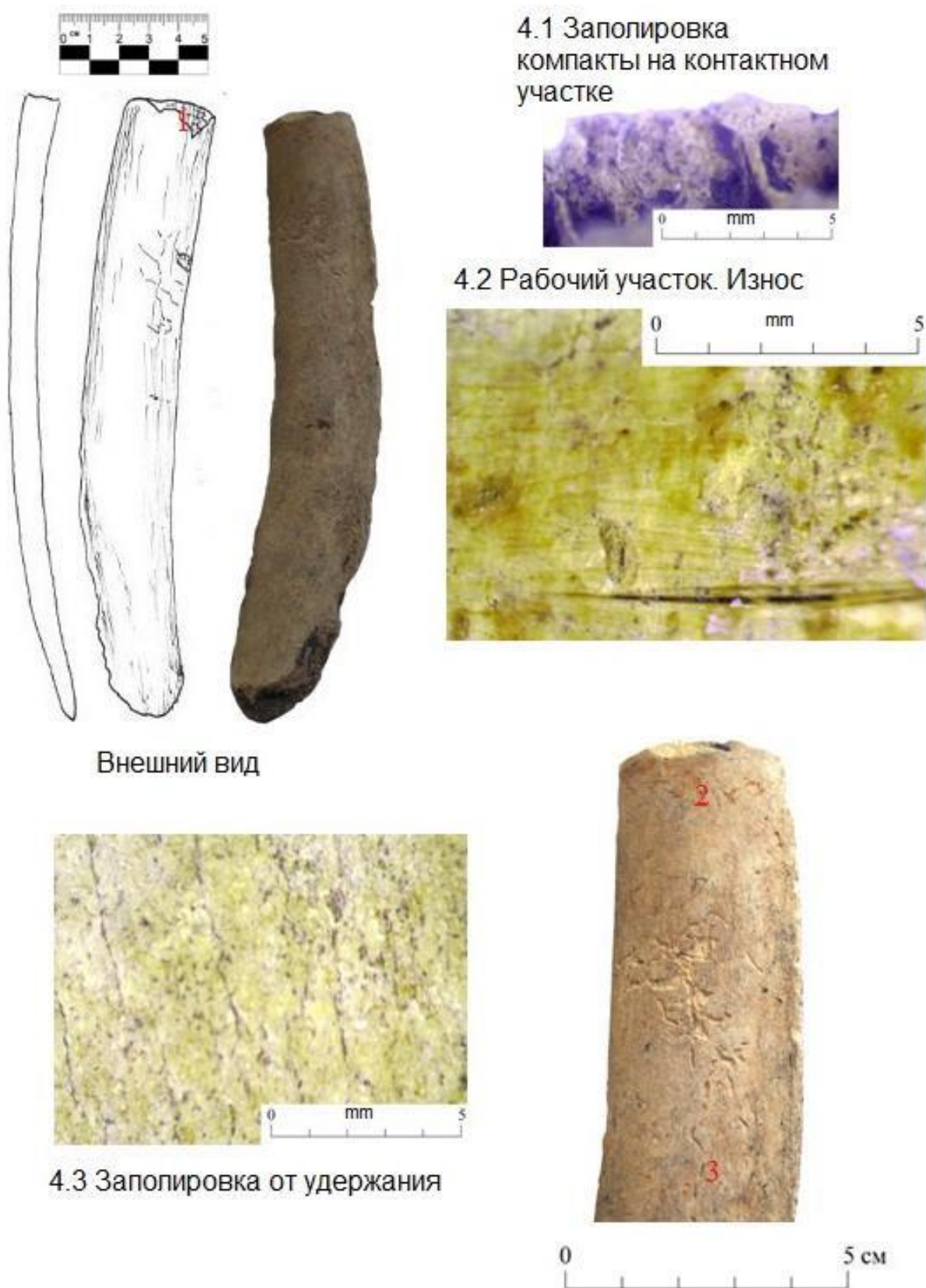

Рис.4. Стригальная полока селища Мамыково I

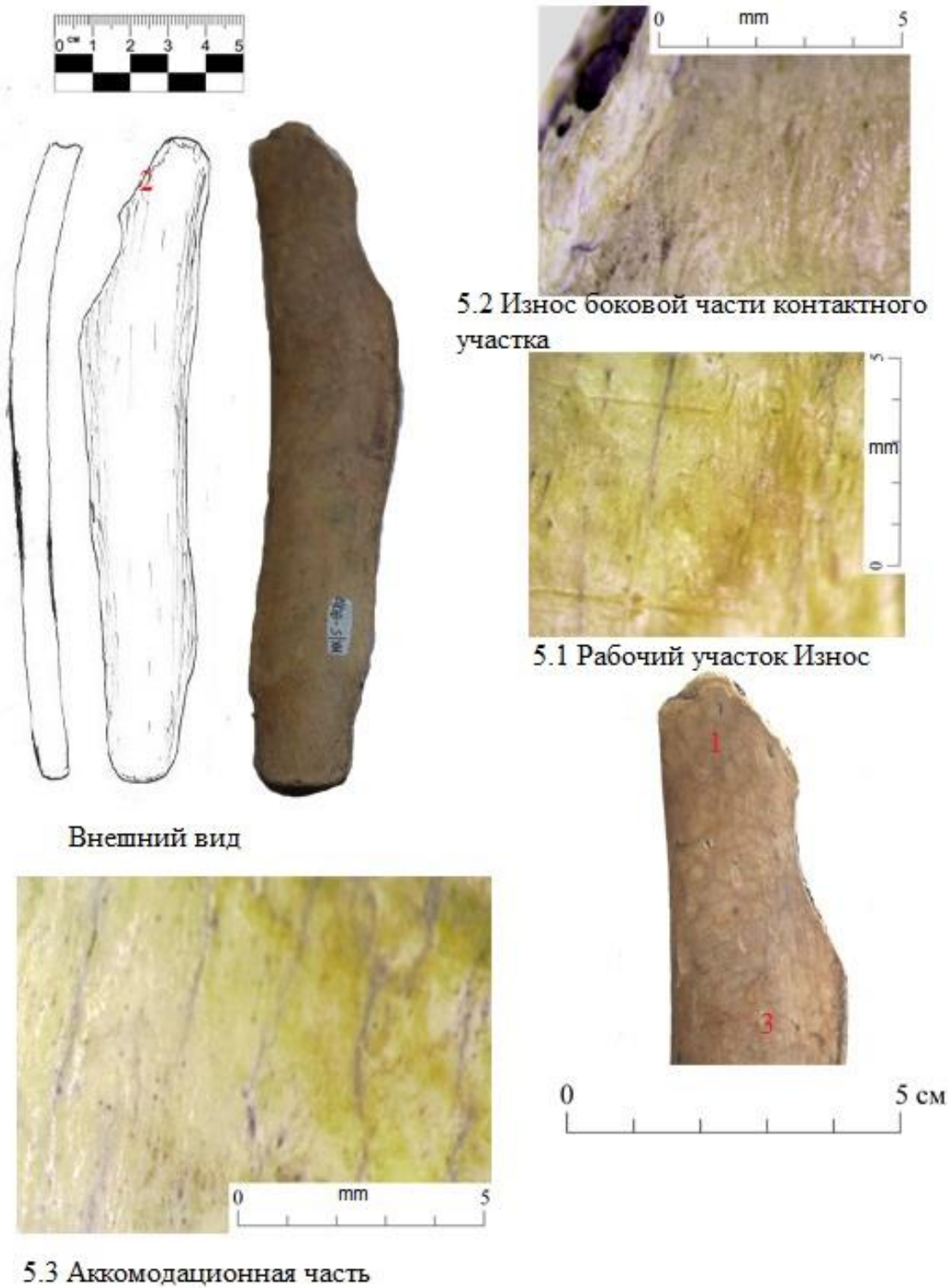

Рис.5. Стригальная полочка селища Мамыково I со слабым износом

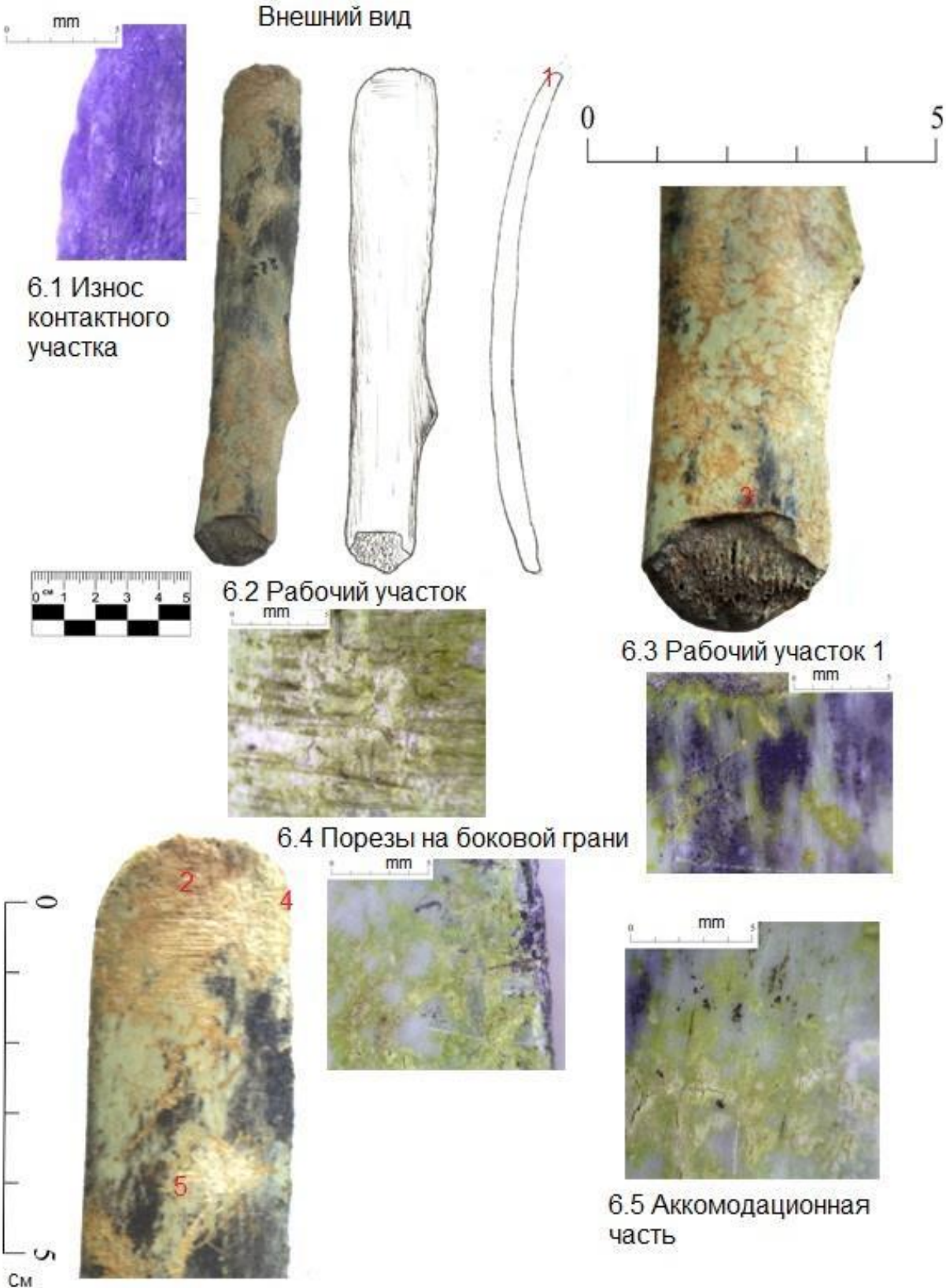

Рис. 6. Михайло-Овсянка І. Ламель с боковыми порезами.

Порезы представлены среднеглубокими параллельными и пересекающимися линиями с V образным профилем. Интересно, что между бороздками от них отмечается интенсивная заполировка и короткие, перпендикулярные порезам царапины линейных следов (рис.6.2). Интересно, что порезы отмечаются и на краевых участках орудия. Здесь они ничуть не менее глубоки, чем в центральной части (рис. 6.4). На обратной стороне - по бокам и с торца, обнаружены микрофасетки выкрошенности с заглаженными краями (рис. 6.1). Кромка в плане слобозубчатая, в профиле - близкая к П - образной. О том, что орудие использовалось с двух сторон, свидетельствуют единичные порезы ниже выкрошенного участка (рис. 6.3). Такие следы характерны, по мнению исследователей, для периферийных участков сработанности [11. с 229 Рис.23 1-2] Вся центральная часть предмета залощена. В данном случае - свидетельствует о удержании (рис. 6.5).

Еще одно изделие с поселения Михайло-Овсянка I обнаружено в раскопе III (кв. Е4, пласт 3). Сырьем для него послужила дистальная часть (№4-5) правого ребра (№ 5-6) КРС. Его размеры (мм): длина – 201.0; ширина – 45.5; толщина – 7.0 (рис. 7).

Наиболее интенсивно изношен один край предмета, тогда как на другом, возможно сломанном, они единичны. Порезы не фиксируются визуально, обнаружены лишь при микроанализе. Картина износа характерна для ламелей. Это полоса изрезанной неглубокими порезами с V - образным профилем (рис.7.2). Полоса начинается на 4 мм ниже торца орудия, и имеет ширину около 18 мм.

Интересны и порезы, расположенные перпендикулярно к этой полосе. В принципе, авторы описывают такой износ, ссылаясь на некоторый брак в стрижке (сорвалась рука), или потертостью от кос шерсти [11, С. 227-228]. Однако, на этом орудии такие следы выражены сильнее (рис. 7.2). Это именно следы резки, а не трения прядей (кос) шерсти о поверхность. На торцевом участке, с краю, контактировавшим с материалом, компакта скруглена и заполирована. На заполировке видны короткие риски тончайших, нитевидных, линейных следов (рис. 7.1).

Кромка в плане прямая, в профиле П - образная.

Итак, износ этой ламели, в целом, не вызывает сомнения в ее назначении, тем не менее обладает рядом нехарактерных особенностей. Во - первых, рабочие участки расположены не на выпуклых, а на вогнутых краях ребра. Во - вторых, они не фиксируются визуально. Т.е. в данном случае не порезы, а скорее царапины. В-третьих, поперечные следы здесь выражены сильнее, чем в предложенной рабочей гипотезы.

Орудие, найденное в раскопе IV (кв. Г7, пласт 7) изготовлено из центральной части (№ 2-3) правого ребра (№4-6) КРС. Его размеры (мм): длина – 172.0; ширина – 30.5; толщина – 12.0 (рис. 8).

Медиальная поверхность края ребра, на которой и были, по всей вероятности, сконцентрированы следы износа сломана. Ниже слома четко видны порезы, характерные для разряженных участков стригальных инструментов (рис. 8.1-2).

Еще одна серия из трех орудий происходит с селища **Мамыково I**. Селище находится на берегу безымянного ручья, впадающего в р. Кондурча (Кошкинский район, Самарская область) [С, 4-5; 3, 2017 с.4-7). По археологическому материалу оно датируется финальным этапом срубной культуры. В орнаментальных мотивах керамики прослеживаются алакульские и черкаскульские черты. На поселении производился отжиг руд, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные шлаки. Обнаружены всплески, свидетельствующие о литейном производстве, практиковавшимся жителями поселка. В археозоологическом плане интересны не совсем обычные режимы забоя скота и питания [2, С 259 - 260]

Среди разнообразного инвентаря выявлены три стригальных полочки.

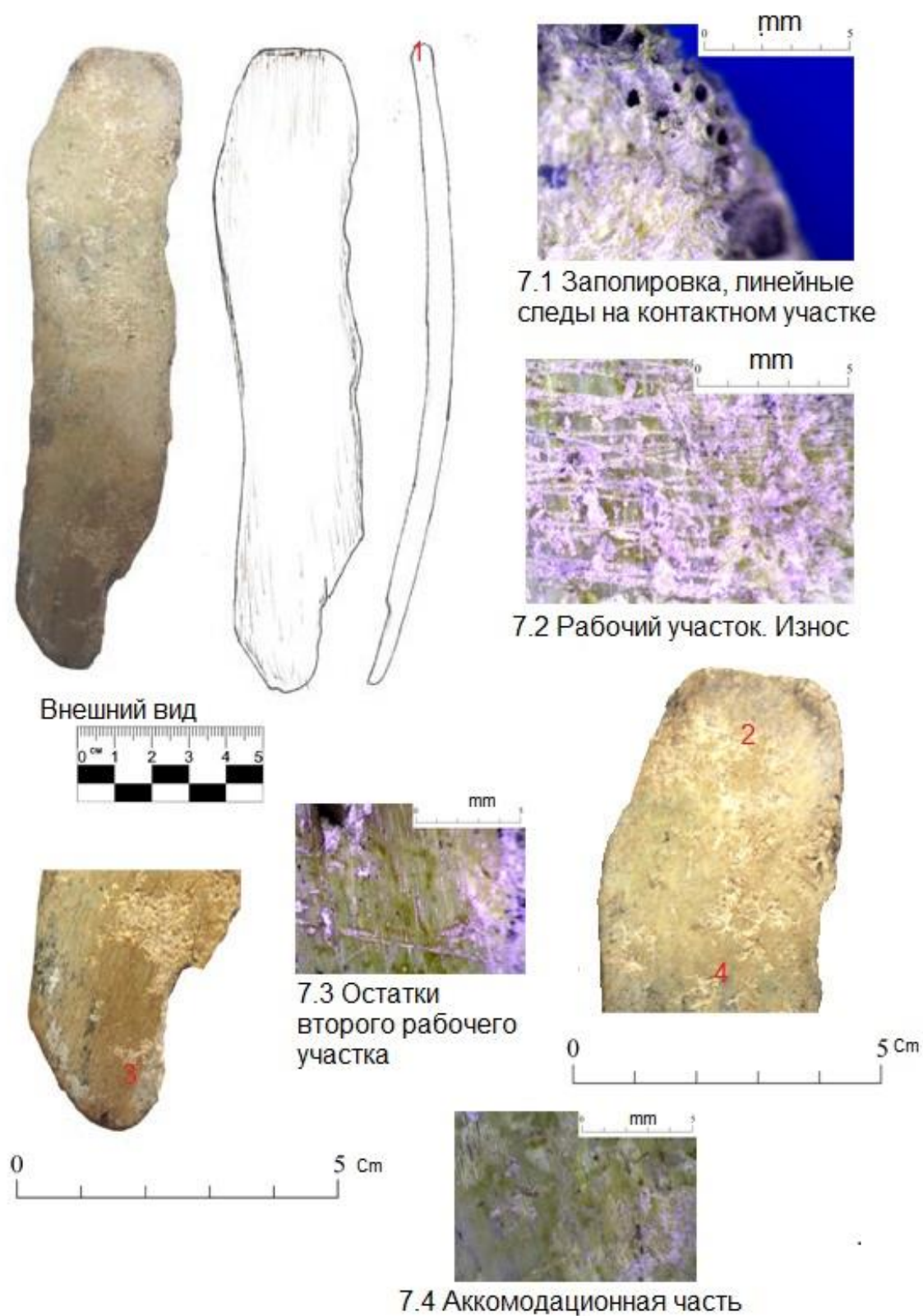

Рис. 7 Михайло - Овсянка I Ламель с "сетчатым" износом

8.1 Порезы Верх

8.2 Порезы на сохранившейся части

8.3 Аккомодационная часть

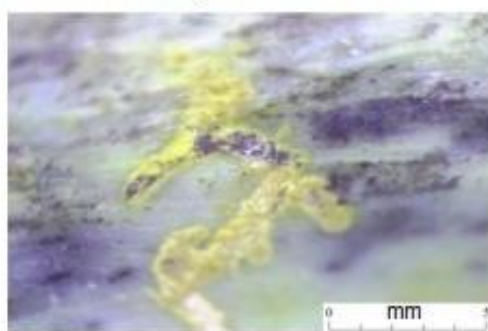

Рис. 8 Михайло - Овсянка I Сломанная ламель

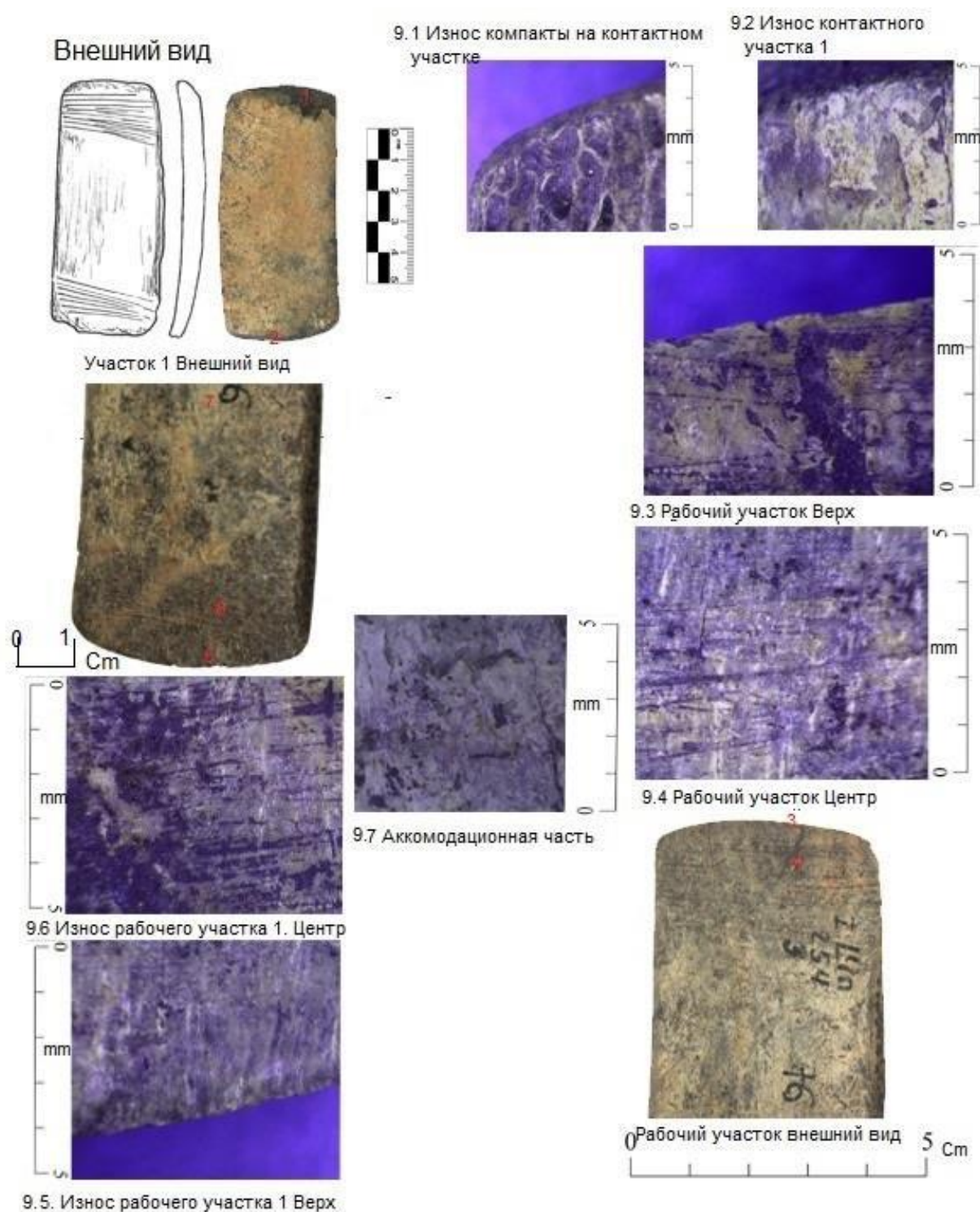

Рис.9. Укороченная стригальная полочка 1. Шигонское поселение.

Первая стригальная полочка селища Мамыково I (кв. 5-61, пласт 17) изготовлена из дистальной части (№4-5) левого ребра (№5-7) КРС. Её размеры (мм): длина – 131.0; длина латеральной поверхности (по изгибу ребра) – 133.0; ширина – 34.0; толщина – 8.0 (рис. 3А).

Рабочий участок практически полностью уничтожен. Верхний слой кости разрушился в центральной части рабочего участка, унеся с собой наиболее информативный фрагмент со следами износа. Тем не менее, на угловых участках удалось зафиксировать нарезки. (рис. 3А1 -2). В нижней части ребра - залощенность от удержания орудия в работе .

Вторая полочка (кв. 5-85, пласт 17) изготовлена из дистальной части (№4-5) правого ребра (№7) КРС. Его размеры (мм): длина – 176.3; ширина – 28.8; толщина – 8.8 (рис.4).

В 3мм от края торца начинается рабочий участок. Особенно хорошо заметно широкий и глубокий надрез от 4х проходов ножа. Его глубина около 2мм. Гофрированная, изрезанная поверхность орудия локализована в центральной части выпуклого участка, полосой около 8 мм. Несмотря на весьма яркий износ, следует констатировать, что порезов здесь не много. Однако, исходя из опытов В.Б. Панковского, такой износ может встречаться и после продолжительного использования (11, С. 228, Рис.22.1). На обратной стороне торца, прилегавшей к материалу, видна заполированная поверхность, компакта которой слегка вытерта (рис 4.1). Следы от удержания расположены начиная от центральной части орудия и противоположащего рабочей участку стороне. Представляют собой залощенный участок (рис. 4.3).

Третье орудие сохранилось целиком и в удовлетворительном состоянии (Кв. 5-90, пласт 17). Оно изготовлено из дистальной части (№4-5) правого ребра (№7) КРС. Его размеры (мм): длина – 198.0; длина латеральной поверхности (по изгибу ребра) – 206.0; ширина – 33.0; толщина – 9.0 (рис. 5).

Рабочий участок расположен на медиальной поверхности ребра. Орудие демонстрирует начальные этапы износа. Зафиксированы лишь 4 следа от проходки ножом на вершине микрорельефа орудия (рис. 5.1). Линия порезов еще не сформировалась в полосу. Следы от удержания хорошо заметны на выпуклом участке медиальной поверхности.

То, что на поселении обнаружены ламели с относительно слабым износом не случайно. Поселение расположено в низкой пойме, на берегу безымянного ручья, впадающего в р. Кондурча. Весной и осенью часть поселения представляет собой болото. Вода выступала и во время выборки культурного слоя, происходившего в июне - августе.

Таким образом, хозяйственная эксплуатация территории возможна лишь в летнее время. Именно поэтому массовых стрижек овец - приходящихся на весенний и осенний сезоны здесь не могло быть. То, что мы видим - скорее всего соответствует добычи шерсти со шкур животных, забитых для питания. И тем не менее, стригальные полочки были востребованы и здесь.

Две стригальные полочки происходят с **I Шигонского поселения**. Поселение расположено на левом берегу реки Усы, правого притока реки Волги (Шигонский район, Самарская область) [7]. Культурный слой поселения содержит материалы каменного века, эпохи поздней бронзы и золотоордынского времени. Наиболее многочисленными из них являются артефакты позднего бронзового века [7, С. 280].

Одна из стригальных полочек происходит из заполнения культурного слоя (кв. 254, пласт 3). Она изготовлена из дистальной части (№4) правого ребра (№5-6) КРС. Её размеры (мм): длина – 85.0; ширина – 37.7; толщина – 8.2 (рис. 9).

Орудие использовалось с двух торцевых сторон заготовки. Оба рабочих участка расположены на медиальной поверхности ребра, в профиле с обеих сторон рабочие участки выпуклые. Оба участка имеют П - образный профиль, но на одной из сторон на контактном участке компакта разрушена. Тем не менее износ орудия можно считать классическим для орудий такого типа.

Края контактных участков выкрошены плоскими фасетками, размерами до 0,5 мм, на разрушенном углу компакта отполирована. Кромки заглажены и скруглены, до снятия фасок. (рис. 9.1;2). На рабочей поверхности зафиксированы микрофасетки, выламывающей ретуши

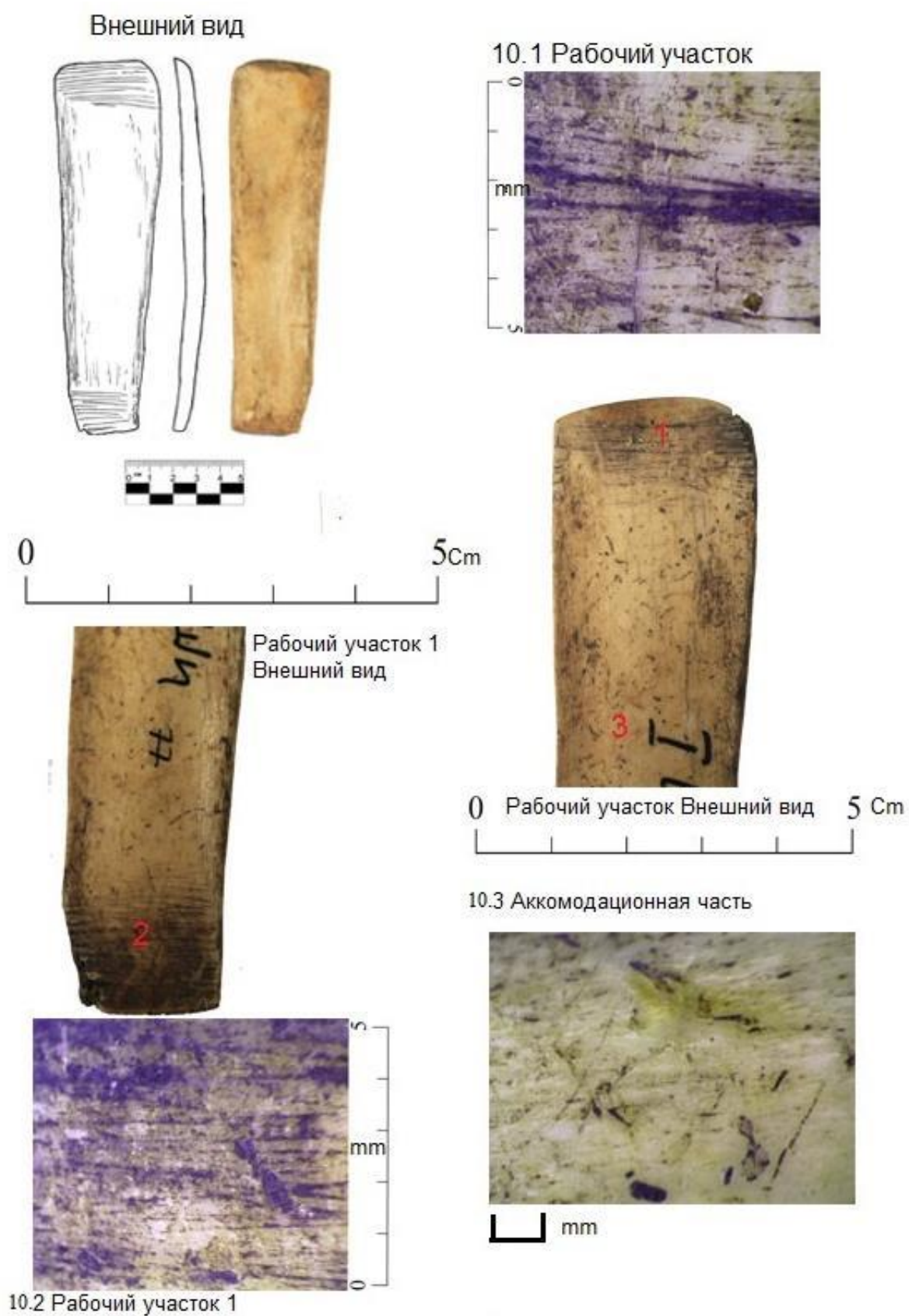

Рис.10. I Шигонское поселение. Ламель.

размерами 0.2 мм. Заполировка проникающая кожная, на кости - глянцевая, распространена по краю полосой до 3 мм. Порезы начинаются практически от самого края торца (рис. 9.3; 4). Они располагаются широкой полосой до 17 мм. Порезы длиной до 15мм, среднеглубокие, с V-образным профилем.

Особенностью является тот факт, что линии порезов не только параллельные, но и пересекающие их под углом, близким к 70 градусам. Причем, они видны даже при внимательном осмотре невооруженным глазом. Как сказано выше, причину такой локализации порезов еще предстоит выяснить. Заполировка от удержания в работе стандартна. Представляет собой заполированную поверхность с мягким глянцевым блеском.

Второе орудие обнаружено среди подъемного материала. Сырьем для его изготовления послужила центральная часть (№3) правого ребра (№4-6) КРС. Его размеры(мм): длина – 127.0; ширина – 33.0; толщина – 6.0 (рис.10).

По своим характеристикам оно практически аналогично орудью из слоя. Инструмент так же имеет две рабочие плоскости, расположенные на медиальной поверхности ребра. В профиле рабочие участки выпуклые.

Профиль орудий в одном случае скошен. Скошенный участок расположен на более широком конце ребра. Визуально на рабочей стороне фиксируются микрозубцы, сформированные выкрошенностью. В особенности это заметно на краевом участке (рис. 10). В другом - профиль П-образный, выкрошенность здесь не столь заметна. Порезы начинаются от самых торцов изделий. Их длина в среднем около 1.2 см. Они неглубокие, с V-образным профилем. Полосы, которые они формируют здесь, чуть шире чем на орудии, обнаруженном в культурном слое. Если на широком краевом участке они достигают 18 мм, то на более узком - превышают 20мм.

Как и на ранее описанном орудии с этого поселения, здесь тоже присутствуют порезы, пересекающие основные линии, однако углы здесь чуть круче - 80 - 85 градусов (рис 10- 1.1; 1.2). Интересно, что порезы, косо направленные к продольной оси орудия, фиксируются даже на аккомодационной части инструмента (рис 10 - 1.3).

Еще два изделия изучаемого типа обнаружены в материалах поселения **Лебяжинка V**, которое расположено в среднем течении реки Сок, левого притока реки Волги (Красноярский район, Самарская область) [8]. Культурный слой памятника содержал материалы неолита, энеолита, абашевской, срубной, сусканской культур и эпохи средневековья. Наиболее многочисленными из них являются материалы эпохи бронзы [8, С. 125-126].

Стригальная полочка, найденная в кв. А-03, пласт 4 (гл. -96), изготовлена из дистальной части (№4-5) правого ребра (№7-8) КРС. Её размеры(мм): длина –131; ширина –28; толщина – 07 (рис. 11).

Орудие имеет два рабочих края. Они расположены на одном краю, на медиальной и латеральной поверхностях. Поэтому следы на рабочих участках наложились на таковые с контактных поверхностей (рис 11). Износ рабочих поверхностей в обоих случаях представляет собой полосы порезов, шириной 22мм. Порезы неглубокие, длиной в среднем около 13мм. Профиль V-образный.

Сырьем для второго изделия (кв. М-08, пласт 3) послужила дистальная часть (№4-5) правого ребра (№5-6) КРС. Его размеры(мм): длина – 145.0; ширина – 40.0; толщина – 8.0 (рис.12). Рабочий участок расположен на медиальной поверхности ребра. Изделие представляет собой особый тип стригальных полок, с выделенными зубцами. Судя по следам, зубцы вырезаны бронзовым орудием, размечены с двух сторон, и после выбраны. Всего вырезано 4 зуба. Таким образом, на кромке 6 зубьев. С внешней и внутренней стороны края торца и зубья залощены яркой глянцевой кожной заполировкой. Она прослеживается и внутри зубьев.

Рис. 11. Стригальная полочка поселения Лебяжинка V

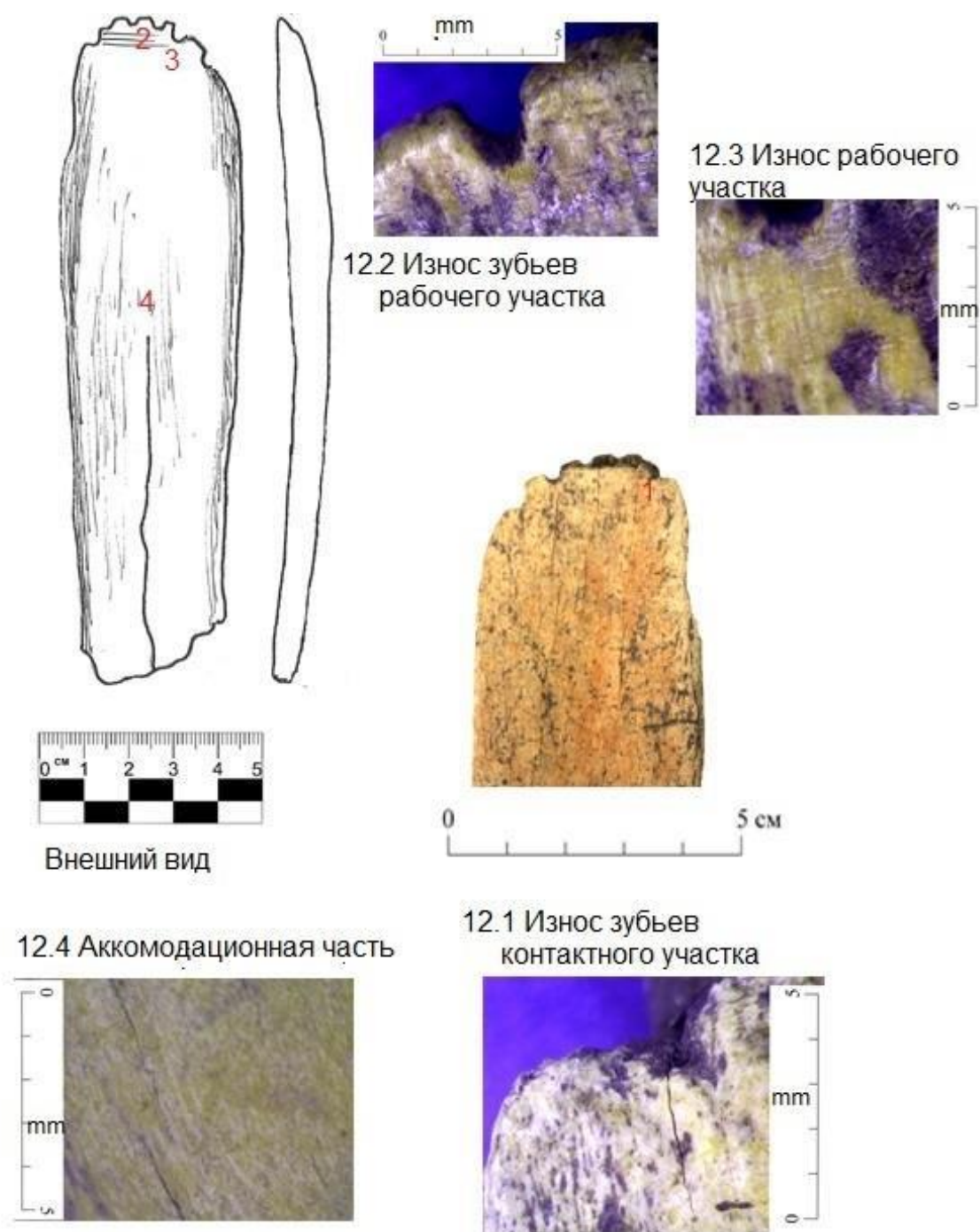

Рис. 12 Ламель с поселения Лебяжинка V

Поэтому назначение зубьев не представляет особой загадки. Они предназначены для направления прядей шерсти и расчесывания руна. На рабочей поверхности порезы выявлены сразу под зубцами, неширокой полосой - около 8 мм. Порезы с V - образным профилем, средне-глубокие, длиной около 8 мм.

Подведем некоторые итоги. Все изученные экземпляры орудий изготовлены из ребер крупного рогатого скота. В качестве сырья для них использовались наиболее широкие ребра, с 4-го по 7-е. Максимально часто использовались ребра с 5-го по 7-ое. Большая часть полочек изготовлена из дистальной части ребра. В качестве орудий использовали ребра из левой

и правой частей грудной клетки. В нашей выборке преобладают правые ребра (табл.1). Рабочие участки на орудиях, как правило, расположены на медиальной поверхности ребер. Лишь в одном случае они имеются на обеих (латеральной и медиальной) поверхностях одного конца ребра (орудие №11, табл.1). Семь стригальных полочек имеют только один рабочий край. На четырех изделиях оба торца ребра были рабочими (орудия №2,3,8,9). По своим сырьевым характеристикам и месторасположению рабочего участка изученные орудия не отличаются от подобных орудий из других памятников.

Несмотря на единообразный характер заготовок по своим функциональным характеристикам орудия обнаруживают сильный разброс. Во - первых, выделяются два типа изделий. Полочки с зубцами (1 экз), и без зубцов (10 экз). И это лишь формально - типологические характеристики. Во - вторых, внутри типа ламелей без зубцов можно выделить инструменты по способу фиксации:

- с нарезками, фиксируемыми невооруженным глазом
- с нарезками, фиксируемыми на микроуровне.

По размерам нарезок:

- глубокие
- среднеглубокие
- неглубокие.

По положению в работе:

- с нарезками на боковой стороне
- с параллельными нарезками "лестничного" типа
- с пересекающимися под углом от 60 до 85 градусов нарезками "сетчатые".

Все эти особенности нуждаются в теоретическом обосновании, и экспериментальной проверке. Часть из этих особенностей укладывается в предложенную ранее рабочую гипотезу, часть - противоречат ей [11. с.224- 227]. Поэтому, по особому мнению одного из авторов этих строк, победные реляции, по поводу решения восьмидесятилетней загадки "костей с нарезками" кажутся нам преждевременными [11. с 235]. Сделан лишь первый шаг к пониманию процесса, и "прочтению" следов на стригальных полочках. Нам еще предстоит объяснить ряд несоответствий. Например, загадку перпендикулярных порезов ("сетчатый тип порезов"). Судя по нашим наблюдениям, такие ламели составляют половину из исследованных орудий этого типа. Следовательно, отражают некую традицию использования.

Проведенное исследование позволяет уточнить ареал распространения стригальных полочек на территории Урало-Поволжья. По всей вероятности, их бытование в этом регионе связано с эпохой поздней бронзы.

Библиографический список

1. Вискалин А В. Краткий информационный отчет о проведении охранных раскопок селища Мамыково I в Кошкинском районе Самарской области (по открытому листу № 932) // Архив А.О. "ВолгоНИИ-гипрозем" Арх -13.
2. Горащук И.В., Чубур А.А. Остеологическая коллекция со стоянки металлургов бронзового века Мамыково I: археозоологические и трасологические наблюдения // Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 10–12 февраля 2020 г. Самара, 2020. С. 259-260.
3. Жемков А. И. Технический отчет по теме: Выполнение археологических научно-исследовательских охранно-спасательных работ (раскопки) на территории выявленного объекта культурного (археологического) наследия селища «Мамыково I», в границах отвода земельного участка проектируемого под строительство объекта «Эксплуатационные скважины №№ 101, 102 Стреловского месторождения», в Кошкинском районе Самарской области(по открытому листу № 475) // Архив А.О. "ВолгоНИИгипрозем" Арх -13.

4. Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро – макроанализа древних орудий труда. СПб 1996. 150 с.
5. Килейников В.В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Донно-Волжской лесостепи. Воронеж, 2009 а. С.96-126 .
6. Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009 б. С. 96-113.
7. Кузьмина О.В. I Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара, 2017. С.279-390.
8. Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6. Самара, 2017. С. 124-274.
9. Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2. С. 69–87.
10. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / [А. А. Евгеньев и др.]; под общ. ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.
11. Панковский В.Б., Антипина Е.Е. Новая категория в костяных индустриях эпохи поздней бронзы // В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых (отв. ред. и сост.). Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 208-244.
12. Усачук А.Н., Полидович Ю.Б. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.3. Донецк, 2006. С. 249-268.
13. Шишлина Н.И., Орфинская О. В., Хоммель П., Зазовская Э. П., Анкушева П. С., ван дер Плихт Й. Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. Т.15. №5. 2020. С. 671 -680
14. Шишлина Н.И., Рослякова Н.В., Колев Ю.И., Бачура О.П. Степное Поволжье эпохи бронзы: металл, животные и изотопы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 264-266.

Сведения об авторах:

Горащук Игорь Владиславович, к.и.н., Начальник группы археологии АО ВолгоНИИгипрозем (Самара). E-mail: goraschuk@mail.ru

Рослякова Наталья Валерьевна к.и.н., старший научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного университета, E-mail: roslyakova_n@mail.ru

Источниковедение

УДК 94(47).031

Д.И. Чурсин

«ЕГОЛДАЕВА ТЬМА» И ЕЁ ВОЛОСТИ ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация: В статье проанализированы документальные сведения о нескольких территориальных единицах (волостях), в XV веке находившихся в составе Великого княжества Литовского и входивших в число владений князя Еголда-Дмитрия Сараевича. История этих волостей прослежена вплоть до середины XVII столетия, когда они были упразднены в связи с реорганизацией системы военно-административного управления в порубежных областях Российского государства.

Ключевые слова: Путивльский уезд, Еголдай, городище, волость, бортники, севрюки, казачество

D.I. Chursin

«Tumen of Jagoldai» and his volosts according to historical sources

Abstract: The article analyzed of documentary information about several territorial units (volosts), which in the 15th century were part of the Grand Duchy of Lithuania and were part of the possessions of Prince Jagoldai-Dmitry, son of Saraj. The history of these volosts has been studied up to the middle of the 17th century, when they were abolished due to reorganization of the military-administrative management system in the border regions of the Russian state.

Keywords: district of Putyvl, Jagoldai, hillfort, volost, beekeepers, Sevryuks, Cossacks

В 1461 году основатель Крымского ханства Хаджи-Гирей отправил великому князю литовскому Казимиру IV Ягеллончику грамоту («ярлык») с перечислением местностей, на которые он распространял свой сюзеренитет. Следует заметить, что в тексте грамоты сильно искажены географические названия, поскольку документ сохранился лишь в польскоязычной копии. В данном ярлыке, помимо прочих топонимов, упоминаются города Мужеч («Midzass») и Оскол («Uspul»), а также некий «тумен Сараевича Ягалта с землями, водами и прибылями» («*tumyen Szaraiewicza Jagalta wyssuyui z ziemiami, wodami i pożytkami ich*»). В аналогичном документе, выданном Казимиру IV ханом Менгли-Гиреем в 1472 году, эти же местности значатся как «*Sarayewcza państwa Jakaltemskie z ziemiami, wodami, i ze wszelkimi dochody i pożytki ich, Barzass, Uskul*» [133, р. 530, 540]. В современной историографии тумен Сараевича более известен под названием «Еголдаева (или Яголдаева) тьма».

Наиболее обстоятельное исследование, посвящённое этому территориальному образованию, провела Елена Русина. Согласно её выводам, основанным на анализе документов XV–XVII веков, «Еголдаева тьма» находилась на юго-восточной окраине Великого княжества Литовского, частично занимая территории современных Белгородской и Курской областей. Она представляла собой владение выходца из Золотой Орды Еголда-Сараевича, в состав которого входило несколько волостей, тяготевших к Путивлю [98]. Роман Беспалов отождествил с этой личностью упомянутого во Введенском Печерском синодике «*кн[я]зя его Адая, имене[м] Димитрия Есараевича*», стоящего в ряду «благочестивых князей Черниговских», оспорив при этом мнение Е.В. Русиной о возникновении «Еголдаевой тьмы» ещё в XIV столетии [15, с. 58; 42, с. 19; 96, с. 201]. Таким образом, на передний план вновь вышла гипотеза, согласно которой Еголдай завладел землями в окрестностях Путивля около 1438 года [134, с. 184]. Не позднее 1443 года великий князь литовский Казимир IV пожаловал ему ещё одно имение: «в Рославли Свеслав». Очевидно, здесь имеется в виду тяготевавшая к Рославлю волость Всеславль (по литовским источникам известна как Светславль или Свят-

славль) [135, с. 35, 73; 136, с. 154, 159; 57, с. 394], находившаяся в Смоленской земле Великого княжества Литовского. В 1503 году эта волость перешла к Русскому государству и стала подчиняться брянскому наместнику. Её бывший центр ныне представляет собой небольшую деревню Сеславль, находящуюся в Брянской области.

Помимо земель в окрестностях Путивля и Рославля, Еголдаю-Дмитрию Сараевичу принадлежало также несколько селений под Киевом. Вероятно, список владений князя на этом не исчерпывается: исследователям известен протекающий через село Карманово Курской области ручей Еголдай (Еголдать), впадающий в другой, под названием Сусловец (Сеслава¹) [129, с. 33, 96–97]. Такое сочетание топонимов может указывать на ещё одно владение князя Еголдая, не отмеченное в письменных источниках. Окрестности современного села Карманово в Средневековье не находились под юрисдикцией путивльских властей: скорее всего, они входили в состав Сницкой волости, тяготевшей к Рыльску.

Согласно выводам Е. Русиной, из путивльских волостей Еголдаю-Дмитрию Сараевичу принадлежали Мужеч («*Musiecz*»), Оскол («*Oskol*») и Милолюбль («*Milolubl*»). Первое упоминание об этих местностях мы находим в «Списке городов Свидригайла», составленном в сентябре 1432 года, во время крупной династической войны в Великом княжестве Литовском [62]. По-видимому, до присоединения к Литве территория будущей «Еголдаевой тьмы» долгое время находилась в составе ордынского улуса Менкермен (Манкерман). Упоминаний о каком-либо из трёх пунктов «тьмы» нет ни в одном из опубликованных вариантов «Списка русских городов дальних и ближних», составленного в конце 40-х годов XV века и изредка дополнявшегося впоследствии [42; 53, с. 475–477; 65, с. 623–624; 66, с. 240–241; 70, с. 163–164; 108, с. 98–99]. Согласно гипотезе, кажущейся нам наиболее убедительной, источником данных для первоначальной версии «Списка...» послужил составленный около 1375 года документ, регламентировавший сбор ордынской дани с различных местностей («дефтерь») [1, с. 198]. Вероятно, присоединение Мужеча, Оскола и Милолюбля к Литве следует связать с военным походом великого князя Витовта к реке Дон, согласно Хронике Яна Длугоша, имевшим место в 1397 году [132, с. 288–289].

Центром волости Мужеч, в XVI–XVII веках известной как Мужецкая, был одноимённый город, основанный представителями племенного союза северян (городище «Крутой курган»). Согласно исследованиям археологов, во второй половине XIV века неподалёку от старой крепости был выстроен деревянный замок (городище «Царский дворец»). В пределах 25-километровой зоны вокруг городища были найдены монеты XIV столетия, что косвенно указывает на существование в округе Мужеча ряда деревень. Замок был разрушен в первой половине XV века, однако поселение возле него, вероятно, продолжало существовать и позднее. В одном из погребений на площадке «Царского дворца» был обнаружен кошелек с монетой, отчеканенной в Вильнюсе в 1496 или 1497 году [110]. В 2015–2017 годах на городище были раскопаны «остатки сгоревшего в пожаре отапливаемого трёхэтажного сооружения, имевшего заглубленный в площадку городища цокольный этаж, на третьем этаже которого в значительном количестве использовались железные и бронзовые гвозди разных размеров» [109, с. 158]. В 1513 году Мужеч упоминается в переписке крымского хана с великим князем литовским под названием «Мужень», в 1514 – «Мужець», в 1517 – «Мужоч», в 1520 – «Мужач», в 1532 – «Моужеч», а в 1535 и 1541 – «Можеч» [133, р. 596, 606, 634, 643, 682, 703, 723]. Нельзя согласиться с мнением, согласно которому название этого города

¹ В одной из описей к фондам Российского государственного архива древних актов автором было обнаружено указание на размежёванную 26 июня 1784 года деревню Толмачёву (ныне – часть села Карманово), которая располагалась «на колодезе Сеславле» [95, л. 26].

строится при помощи патронимического суффикса *-ич* [110, с. 206–207]. Данный формант ни в одном из известных вариантов топонима не наблюдается. Более вероятно, что название Мужеч происходит от личного имени Мужец или Мужек с добавлением суффикса принадлежности *-ь* (аналог – Любеч [27, с. 86]). По мнению лингвистов, «в современном русском языке функцию суффикса *-ь* выполняет формант *-ов*, <...> суффикс *-ь* потерял активность в XIV в.» [124, с. 211]. В путивльской отдельной книге 1594 года встречаются упоминания о Лукьяне (Луке) и Иване (Ивашке) Богдановичах Мужецких, Жадене Мужецком и его сыне Юрие (Юшке). В путивльской десятне 1626 года, помимо Юрия Жаденовича, значатся его брат Богдан, а также «Семён Денисьев сын Мужецкой». В выписках из путивльской писцовой книги 20-х годов XVII века упоминается Семён Семёнович Мужецкий, во поместном владении которого числилась «деревня Починок Мужецкой»¹. С Мужечем, по-видимому, связана и известная из документации того же периода «Большая Мужичья улица», располагавшаяся в Путивле «возле острожного валу». Согласно выписке из переписной книги посадских дворов 1646 года, «в Мужецкой улице» Путивля находилась Покровская церковь [88, л. 20 об., 53 об., 127 об., 286 об., 61, 77; 115, с. 100, 103, 102; 90, л. 6 об.; 44, с. 118; 91, л. 318].

Руины Мужеча впоследствии начинают именоваться Гочевским городищем. Документально это название прослеживается с 1648 года, будучи связано с Гочевским лесом и протекающим по нему ручьём Гочевский Колодезь (Гочевец, Гочевок)² [84, л. 255]. В 60-х годах XX века археолог Юрий Липкин отождествил Гочевский археологический комплекс с городом Римовом, основываясь, помимо прочего, на топонимических данных: в 4 км от городища находится Римов лог [9]. По сообщению Ипатьевской летописи, город Римов в 1185 году был разграблен войсками половецкого хана Кончака при их отступлении в степь [64, стб. 647–648]. Убедительная критика гипотезы Липкина была высказана В.Б. Звагельским, который признал безосновательной версию о нападении хана «на городище Гочево, расположенное на землях Курского княжества», в силу отсутствия сведений о какой бы то ни было конфронтации между Кончаком и курским князем Всеволодом Святославичем, в отличие от переяславского князя Владимира Глебовича [33, с. 64]. На владения последнего, согласно летописным известиям, и был направлен удар хана. По мнению Олега Сухобокова, уже «к 70-м годам XII в. земли ...по верхним течениям Сулы, Псла, Ворсклы и, возможно, Северского Донца» вышли из-под власти переяславских князей, перейдя в состав Чернигово-Северской земли. На это же время приходится «пик военно-политической активности» новгород-северского князя Игоря Святославича, «заинтересованного в укреплении своей власти в границах новоприобретённых владений, а также и повышении своего авторитета в злободневных междукняжеских отношениях того времени. Вполне вероятно, и злополучный поход на половцев 1185 г. за Сулу, в "земли незнаемы", находясь в русле его удельной политики, также преследовал эти цели» [111, с. 299]. Видимо, следует согласиться с Юрием Моргуновым, со-

¹ Эта деревня позже была присоединена к соседнему селу Уцково. Известен расположенный неподалёку от него Большой Мужецкий лог (урочище Вершки).

² Вероятно, эти топонимы связаны с прохождением в окрестностях города древнего торгового пути – «гостинца». Согласно гипотезе Виктора Звагельского, в результате языковой контаминации «бывшие гостинцы, то есть дороги, по которым двигались купцы-гости, превратились в многочисленные гуски, гусинцы, хустки и даже глистянок; лазы-перелазы, то есть броды – на лозы, лески, лозовые и даже романтических черноглазюков. Эти два комплекса терминов с основой на гост- и лаз- стали терять свой первичный смысл несколько веков назад. Например, на Харьковщине и Сумщине и сейчас сохранилось более 30 названий с корнем на гост- и производными от него: Гостицево, Гусевка, Гусловка, Гусиная Поляна, Гусинка (старое название р. Гостиница под Ахтыркой) с притоком Гусочка (рядом расположены села Залесное и Залужаны), Хусь, Хуст и др.» [32, с. 65]. Заметим, что известно и другое название Гочевского Колодезя – Дедня [129, с. 27, 30].

относившим разорённый половцами Римов с городищем «Городок» у села Большая Буромка (Велика Бурімка) Черкасской области Украины, которое полностью подходит под условия летописных событий [48]. Этой же локализации придерживался и Константин Кудряшов, считавший, что *«искать Римов следует где-то на юго-востоке от Переяславля, на том пути, который проходил через низовья Сулы за Хорол и Голтву»*. По его мнению, войску Кончака не было смысла *«делать в своём отступлении нарочитый зигзаг на северо-восток»* [41, с. 74–75]. Таким образом, название Мужеч, скорее всего, являлось для Гочевского городища изначальным. Оно продолжало использоваться вплоть до XVII века: так, по сведениям Е. Русиной, Мужецкая волость занимала пространства по берегам рек Псёл, Пселец, Обоянь (Обянь, Обоянка), Солова (Солотина), Каменка, Ивница (Ивня), Пена, Рыбница (Рыбинка), Бобровица (Бобрава), Белица и Ворожба (Воробжа)¹ [99, с. 125; 89, л. 125, 127 об., 128 об., 130, 131–131 об., 139, 140 об., 142, 156 об.]. Волостные границы маркируются линиями водоразделов – бассейнов Псла и Сейма на севере, Псла и Ворсклы на юге. Согласно нашим подсчётам, её общая площадь могла превышать 4100 км². К Мужецкой волости было приписано также *«за рекою Семью, против Белых Берегов, Кротова Дуброва селище на озере Куличеве»*, числившееся *«за донскими казаки, есаулом Гаврилом Еремеевым сыном Спицыным с товарищи, всего за 136-ю человеки»*² [87, л. 23 об.]. Среди путивльских волостей Мужецкая находилась на третьем месте по сумме оброка, собираемого со здешних промысловиков, и на четвёртом по количеству промысловых участков (ухожьев)³ [47, с. 125]. Перечислим фамилии мужецких бортников-оброчников: Антыков, Белицкие (Обелицкие), Бутов, Вербин, Вилков (Валков), Глушков, Гречихин, Жаков, Коливионов, Курбатовы, Логвиновы, Львов, Марковы, Недрыгалов, Овечкин, Офремов, Пенцов, Самотоин, Сомовы, Стегнищев, Страхов, Стрельников, Тухлый, Холтурин, Чайкин (Чайков), Черепов, Чеченев, Чешков, Чёрный, Шелепневы, Шулешкины, Щетинин, Щучкин, Юденцов. Среди них известны и крестьяне, в частности, крепостной И.И. Максаков (житель села Коренского Путивльского уезда), монастырские крестьяне Ф.М. Колесников, А.Л. Лобанов и И.Б. Шелготин, а также крепостной покровского попа Григория И.М. Спасский. Отдельно упомянем Юрия и Большака Мужецких, а также Михаила Гавриловича Мужецкого с братом Семёном.

Волость Оскол располагалась в бассейне одноимённой реки. Основываясь на гипотезе Светланы Плетнёвой [61, с. 30], можно предположить, что центр этой волости носил такое же название уже в 1185 году. В 1513 году этот город, по-видимому, заброшенный, упоминался в крымско-литовской дипломатической переписке как *«Исков»*, в 1514, 1517, 1532 и 1535 – как *«Оскол»*, в 1520 – *«Скала»*, в 1541 – *«Осколь»*, а в 1552 – *«Оускул»*. Сохранились также польскоязычные копии крымско-литовских ярлыков 1539 и 1560 годов, в которых Оскол значится как *«Uscun z ziemiami, wodami, etc.»* и *«Uskon»* [133, р. 596, 606, 634, 682, 703, 643, 723, 741, 713, 754]. Топонимическим следом существования городов Мужеча и Оскола могут являться известные в XVII веке Мужевская и Осколкова дороги [130, с. 65]. Владимир Загоровский отождествил Оскол с Холковским городищем, расположенным в Чернянском районе Белгородской области [30, с. 27]. Этот археологический памятник известен с 1620 года, когда вследствие челобитной монашествующего священника Геласия московский патриарх Филарет повелел *«на Холковском городище храм Николы Чудотворца воздвигнути»* [8, с.

¹ Исходя из документальных данных, к Мужецкой волости относились также бортные ухажьи крестьян Молченского монастыря в верховьях Суджи и ухажей И.П. Овечкина на реке Илэк [87, л. 22 об.–23 об.].

² Селище (то есть место, где раньше существовало неукреплённое поселение) Кротова Дуброва географически соответствует современным сёлам Духановка и Нечаевка Сумской области.

³ Известно, что один из ухажьев в Мужецкой волости именовался Кривоносовским.

400]. Согласно интерпретации археологических находок с городища, оно было населено людьми в XI–XIV столетиях, а 13% обнаруженной керамики датируется XIV–XV веками [17, с. 61]. В 21 км от Холковского городища находится село Завалищено, впервые упомянутое в 1615 году под названием Сараева Поляна [26, с. 43], что, вероятно, отражает принадлежность к бывшим владениям князя Еголдая Сараевича. Более того, севернее локализуется Еголдаево городище, известное из документов конца XVI века: *«от Ливен же до Оскола, до Еголдаева городища, через Муравскую дорогу и через речку Опоньки ездю 2 дни. А от Еголдаева городища до Муравской дороги, до верх Осколу, ездю вёрст с 40»*. Было вычислено, что от верхнего течения Северского Донца *«бежать ...к Еголдаеву городищу через Изюмскую ж дорогу ...2 дни, а от Еголдаева городища бежать до Ливен пол 2 дни о дву[х] конь наскоро»* [46, с. 2–4].

Название Еголдаева городища часто искажается в источниках: так, в пространной разрядной книге сообщается, что в 1596 году *«на Оскол государь послал города же ставить на Волдаеве городище воеводу князя Ивана Андреевича Сонцова-Засекина да голову Ивана Микитина сына Мясного»*. Видимо, место для постройки оказалось неудобным, поскольку крепость была заложена на 800 метров южнее городища – *«усть Оскол[ы]а, против Тюляфины поляны»* [77, с. 113]. В воеводском отчёте 1639 года указывалось, что *«от Покровских ворот до Стрелецких водяных ворот, что над Осколом рекою, верхом по мере от Голдаива городища до Стрелецких ворот 260 сажений»* [52, с. 129]. Таким образом, версию Олега Хоруженко о расположении Еголдаева (Волдаева, Голдаева) городища в Курской области [123, с. 308] следует признать ошибочной. В действительности незначительное по своим размерам (не более 0,2 га) Еголдаево городище локализуется в центральной части Старого Оскола, на надпойменной террасе неподалёку от перекрёстка Коммунистической и Революционной улиц. В наши дни оно застроено частными жилыми домами, что затрудняет его археологическое исследование. В силу малых размеров городища сомнительно и его отождествление со средневековым городом Оскол [98, с. 148]. Для сравнения, площадь Холковского городища достигает 1,5 га [61, с. 28].

Западная граница волости Оскол, по-видимому, проходила от истоков одноимённой реки вдоль Муравского и Изюмского шляхов¹ и снова выходила к реке Оскол у Афонькина плёса (в районе современного села Афоньевка Белгородской области). К этой же волости (возможно, лишь номинально) относилось и левобережье Оскола, поскольку во второй половине XV столетия рубеж Великого княжества Литовского с Крымским ханством шёл *«аж до Донца, а от Донца по Тихую Сосну»*² [5, с. 362]. Таким образом, площадь волости Оскол превышала 3200 км² (только в правобережной части). Вероятно, в последней четверти XVI века берега Оскола попадают в сферу экономических интересов жителей города Ливны. Это предположение основывается на упоминании переселённого из Ливен в Белгород вожа Ивана (Ивашки) Осколенина (Оскольникина). К 1599 году территория бывшей волости Оскол начинает именоваться Оскольским уездом. В 1648 году его южная часть была выделена в самостоятельный Царёвский (с 1655 года – Новооскольский) уезд [92, л. 94 об.; 93, л. 84 об., 123–123 об.; 4, с. 355–358].

¹ Очевидно, что в древнерусское время эти пути уже существовали. Руководствуясь характером *«размещения поселений на степных просторах между Днепром и Северским Донцом»*, Эдуард Кравченко счёл, что *«в XIII–XIV вв. вполне могли функционировать Муравская дорога и ряд иных»* [40, с. 684].

² Процитированный документ датирован 1540 годом, но означенное в нём описание рубежей относится к промежутку между 1455 и 1470 годами, когда киевский князь Семён Олелькович *«высылал наместника своего Свиридова, который от него Черкасы держал, и тот по тем урочищам границы клал»*.

В путивльской оброчной книге 1628–1629 годов упоминалась «на реке на Донце волость Милолюбская, Донецкая тож», которая была «со всякими угодами отдана к Белугороду»¹ [89, л. 537 об.–538]. Её название отсылает нас сразу к двум пунктам «Списка городов Свидригайла». Указанный в нём Донецк («*Donyesck*») соотносится со значительным древнерусским городом Донцом, известным из крымско-литовских ярлыков 1507, 1513 («*Донецъ и с землями, с водами, с приходы и выходы*»), 1514, 1517, 1520 («*Доунеч и [с] землями и водами, и с данми, и со всеми доходы*»), 1532, 1535 и 1541 годов (в двух последних указан как «*Донаш*»), а впервые упомянутым ещё под 1185 годом в Ипатьевской летописи [133, р. 558, 596, 606, 634, 643, 682, 703, 723; 64, стб. 651]. После монгольского нашествия Донец быстро возродился, «о чём свидетельствуют найденные при раскопках вещи и монеты конца XIII–XIV веков». В его округе располагались поселения, существование которых «продолжилось и в первой четверти XV века» [126, с. 150, 159]. В документе, датированном 1571 годом, упоминается селище Павлово, находившееся на реке Уды неподалёку от Донецкого городища [3, с. 15].

Наиболее логичным кандидатом на роль Милолюбля нам представляется Крапивенское городище, известное с 1962 года и расположенное в Шебекинском городском округе Белгородской области. В XII–XIII столетиях здесь находился экономически развитый город, небольшой по размерам (площадь детинца – примерно 0,47 га², окольного города – более 8,8 га, неукрепленного посада – свыше 4 га). Вблизи городища были найдены татарские монеты, датированные второй половиной XIII–XIV веком [23; 24, с. 63–65].

С лёгкой руки археолога А. Дьяченко обрела популярность гипотеза о том, что Крапивенское городище под названием Бусара или Харада отмечено на карте мира, созданной арабским учёным Мухаммадом аль-Идриси по заказу сицилийского короля Рожера II [18, с. 41]. По утверждению Александра Григорьевича, «*Ворсклинско-Оскольскую лесостепь защищали от набегов кочевников крепости-форпосты, зафиксированные в картографическом труде 1154 г. ал-Идриси*» [25, с. 42]. Очевидно, корни данной версии стоит искать в трудах Бориса Рыбакова, который ещё в 1952 году отождествил отмеченную на вышеупомянутой карте реку Русия с Северским Донцом, а указанную в её верховьях область Нивария – с Северщиной [100, с. 20–25]. Научная несостоятельность географических построений Рыбакова была убедительно обоснована Ириной Коноваловой, которая связала означенную местность с Новгородской землёй [38, с. 191–199].

Почему именно Крапивенский археологический комплекс следует отождествить с Милолюблем? Расположенные в бывшей Донецкой волости городища Хорошево и Змеево (Гайдари) не представляли собой развитых торгово-ремесленных центров и, по-видимому, выполняли роль сторожевых постов [35], находившихся на сравнительно небольшом расстоянии от центра этой волости, города Донец (7 и 34 км соответственно). Известное с середины XVII столетия Харьковское городище находится в 8 км от Донца, очевидно, входя в его

¹ В большинстве источников эта территория именуется просто Донецкой волостью: вероятно, её второе название стало быстро забываться, не имея, в отличие от Донца, связи с окрестными гидронимами. Граница Донецкой волости с соседними Хотмышской и Мужецкой, по-видимому, проходила по водоразделу бассейнов Северского Донца и Ворсклы [103], а её восточный рубеж в XVI веке описывался таким образом: «от верх[овий] реки Корени и Корочи по Изюмскую сакму, <...> Изюмскою сакмою к верх Волчьим Водам, а от верх Волчьих Вод по Изюмскую сакму вниз Осколом» [93, л. 122–123 об.]. Донецкая волость обладала весьма внушительными размерами, занимая более 25 тысяч км². Для сравнения, площадь всей Белгородской области составляет примерно 27 тысяч км².

² Следуя классификации Ю. Моргунова, Крапивенский детинец «можно условно отнести к усадьбам-замкам» [48, ст. 103].

ближнюю округу. Сам Донец в источниках XV–XVI веков всегда указывается отдельно от Милолюбля и никак не связывается с «тьмой» Еголдая-Дмитрия Сараевича. В свою очередь, Крапивенское городище расположено ближе всего к известным центрам владений последнего (в 76 км от Холковского городища и в 102 от городища «Царский дворец»), на значительном отдалении от харьковского «гнезда» укрепленных поселений (в 70–77 км к северо-востоку, тогда как расстояние между крайними пунктами «гнезда», вытянутого на юго-восток, не достигает и 40 км). На наш взгляд, Донец и Милолюбль объединились в одну административно-территориальную единицу только в XVI столетии, будучи до этого центрами самостоятельных волостей. Остаётся лишь предполагать, где именно проходил рубеж между этими волостями. Как вариант, он мог тянуться вдоль рек – по Везенице (Везёлке) или Топлине (Топлинке), вниз по Северскому Донцу и вверх по Волчьим Водам (Волчьей).

Название Милолюбль, по-видимому, происходит от некалендарного мужского имени Милолюб¹ [125, с. 237] с добавлением притяжательного суффикса -я. В 1513 году этот населённый пункт, скорее всего, покинутый жителями, значится в переписке крымского хана с великим князем литовским как «Милолюбь», в 1514 – как «Мимолубь со всеми землями, и с водами, и с доходы», в 1517 – как «Милелоб со всеми землями и доходы», в 1520 – как «Милелубь», в 1532 – как «Милолюб со всеми землями, с водами, с даньми и выходы», в 1535 – как «Милуб, и с землями, водами, и со всеми приходы», а в 1541 – как «Милубов, и с землями, и водами» [133, с. 595, 606, 634, 643, 682, 703, 723].

В Московском летописном своде под 1405 годом упоминается город Милолюб, где прошёл съезд великого князя литовского Витовта, польского короля Владислава II Ягелло (Ягайло) и митрополита Киевского и всея Руси Киприана: «...Витовт поиде к королю Ягайлу, а Ягайло поиде к Витовту, и снюдостеса вкупе в граде Милолюбѣ, бе же ту[т] с ними и Киприан митрополит, и пребываша вкупе неделю, и раззидошася разнѡ». Никоновская летопись описывает данное событие несколько иначе: «князь велики[й] Витофт Кестутьевич литовский поиде к польскому королю, к Якову, зовомому Ягайлу, а Ягайло к нему поиде, и снюдошася во граде Милубне; ту[т] же бе и пресвященный Киприан митрополит, быв две недели у них в великой чти, и дариша его, и бояр его, и слуг его, и тако разыдошася» [71, с. 233; 68, с. 192]. По нашему мнению, отождествить летописный Милолюб (Милубн) с Милолюблем из «Списка городов Свидригайла» решительно невозможно: сам факт встречи глав Польши и Литвы с православным иерархом у края степи, да ещё и на недавно отвоёванной у ордынцев территории, смотрится абсурдно. Сергей Полехов предположил, что исторический съезд мог проходить в Любомле, а упоминание топонима Милолюб является ошибкой летописца [139, с. 99].

Что думают исследователи о владельце вышеописанных волостей, князе Еголдае Сараевиче? Стефан Мария Кучинский счёл его братом ордынского эмира Хусейна (Усеина) Сараева, упоминаемого в русских летописях [134, с. 184–185; 67, с. 107; 69, с. 189]. Их отцом мог быть «князь Сарай, Урусахов сын». По версии Р. Беспалова, братом Сараю приходился «князь Тегиня, шихов сын»², он же эмир Тегинэ, так как Хусейн упоминается в качестве его племянника («братанича») [15, с. 58; 69, с. 155; 71, с. 249].

¹ Данное имя, возможно, встречалось не только на юге, но и в Северо-Восточной Руси, что отражалось в топонимике. В духовной грамоте великого князя Дмитрия Донского, составленной в 1389 году, упоминается Милолюбский ез, то есть езовая (рыболовная) волость Белозерского удела [22, с. 34]. В XV–XVIII веках она известна уже как волость Милобудье (встречаются варианты: Милобудицы, Милобудовская и другие).

² «Шихов» здесь – не отчество, а лишь искажённое слово «шейхов», то есть «сын шейха (эмира)».

Арсений Шумкин связал тот факт, что «в Крыму язык литовских татар был более известен под простонародным названием чалтайского», с «туменом Еголдая Сараева, который стал самым крупным объединением татар» в Литве [128, с. 709]. Еголдай-Дмитрий и его вероятные потомки оставили значительное количество топонимических следов. Олег Хоруженко обратил внимание на посёлок Сараевка Курской области, сёла Новое и Старое Еголдаево Рязанской области, а также на «две деревни Голдаево», находящиеся в Орловской области¹ [123, с. 309]. В 1649 году на берегу Дона служилыми людьми была основана слободка Голдаевка (согласно франкоязычной карте 20-х годов XVIII века – Egaldaevka [131]), ныне представляющая собой южную окраину села Урыв-Покровка Воронежской области. Голдаевкой именуется и часть села Голиково Липецкой области.

В 1497 году киевские бояре Дебр Каленикович², Михайло Гагин, Фёдор (Федко) Голенчич и Кунца Сенкович писали великому князю литовскому Александру II, что «дяд[ь]ка жён их, княз[ь] Роман Яголдаевич, одну дочку у себя [и]мел, и тая его дочка была [замужем] за кн[я]зем Юр[и]ем Борисовичем Вяземским. И княз[ь] Роман записал был[о] той дочке своей именья свои отчинные на имя Мужеч, а Милолюбль, а Оскол, а Ядреевцы, а Берково³ в Киевском повете, а в Путивльском» [6, с. 150]. Не позднее 1494 года князь Вяземский уехал вместе с женой в Москву и перешёл на службу к государю Ивану III [57, с. 154]. Оставшись без хозяев, родовые имения Еголдаевичей перешли к самому великому князю Александру. Вышеупомянутые киевские бояре сочли возможным получить эти места в собственность «по близкости жён их». 19 марта 1497 года великий князь согласился отдать имения потомков Еголдая этим боярам «по дел[ь]ницам вечно, со всем по тому, как кн[я]зь Роман держал и что к тем именьям [и]здавна прислухало, и их жёнам, и их детям, и потом будущим их счадам» [6, с. 150–151]. Судьба одной из племянниц Романа Еголдаевича сложилась непросто: в 1511 году документы упоминают «Дебреву жену Коленикова» [57, с. 495] в числе захваченных Русским царством пленных, запланированных к обмену.

Краевед Анатолий Никулов предположил, что при разделе владений Еголдаевичей «Оскол, вероятно, отошёл к Кунцу Сенковичу. Наша версия связана с небольшой надписью в напрестольном Евангелии Ахтырской (кладбищенской) церкви города Старый Оскол. Деревянная кладбищенская церковь во имя Самсона, Авива и Гурия в середине XVIII в. была со-

¹ Посёлок (ранее – деревня) Сараевка известен с XVIII века, его название связано с поселенцами Сараевыми. Старое Еголдаево было основано на Еголдаевской пустоши, упоминаемой в 1630 году в межевой книге Пехлецкого стана Рязского уезда. Эта пустошь представляла собой земли разорённой татарами казачьей слободы, возникшей около 1573 года и названной «по прозвищу или фамилии первопоселенца» [113, с. 308]. Деревня «Голдаева с селищем», входившая в Нугорский стан Орловского уезда (ныне – Знаменский район), впервые упоминается в писцовой книге конца XVI столетия [106, с. 300–301]. Её название, очевидно, связано с протекавшей поблизости рекой Голдаевкой (Поповкой). Современная деревня Голдаево Залегощенского района основана не ранее рубежа XIX–XX веков, при этом изначально она именовалась Сусловым посёлком [50, с. 141].

² В документе 1509 года он назван путивльским боярином [138, р. 41].

³ Возможно, с населённым пунктом Ядреевцы связаны упомянутые в выписке из путивльской писцовой книги 1557 года бортник «Ивана Власов с[ы]н Ядреевско[о] да с[ы]н его, Дениско». И.В. Ядреевский в этом же документе значится также как «соцкой Ивана Власов», а его соседом по угодью оказывается «Тишка, Власов с[ы]н» [79, л. 137–138]. Эти данные подтверждаются выпиской из писцовой книги 1591 года, где указаны «соцкой Иван Власов сын Ядреевский да сын его, Дениско», а также бывшие оброчники, «соцкой Иваишка Власов да брат его, Титка» [54, с. 15]. В отдельной книге 1594 года встречается упоминание о белодворце (то есть служилом человеке, свободном от тягла) Иване Ядриевском [88, л. 171]. Что же касается должности, то сотский взаимодействовал с волостной общиной, взимал подати и пошлыны, а также участвовал в оформлении земельных владений и судебных разбирательствах. Сельцо Берково у речки Любец (Любка) позже известно как хутор Берковец (Берковцы, Берковский двор), вошедший в городскую черту Киева в 1923 году.

борной церковью на Нижней площади, но в связи со строением каменного храма была перенесена на городское кладбище. Напрестольное Евангелие было передано в дар соборной церкви 22 декабря 1652 года Насоном Погорским и его женой Пелагеей от имени служителей церкви Пресвятой Богородицы г. Киева. Кроме киевского воеводы Адама Киселя, [в числе дарителей] упоминаются братья Богдан и Иван Сенковичи. Версия, несомненно, шаткая, но она не исключает взаимосвязи двух вышеописанных событий» [51, с. 46–47].

До наших дней дошли сведения ещё об одной личности из числа потомков Еголдая Сараевича. В 1541 году «Зеновьевая Еголдановна Яцковича Ельцевича» передала в дар Киево-Выдубицкому монастырю «селище на Стугне на имя Игнатово¹» [7, с. 31 (2-я паг.)]. Елена Русина сочла, что речь здесь идёт «о дочери Зиновия Яголдаевича, выданной за Яцка Ельцевича; при этом Зиновий был, очевидно, братом Романа Яголдаевича. Хронологически это вполне допустимо: Яцко Ельцевич упоминается в метрике с 1511 г. Однако его имя отсутствует в акте 1497 г., где, как уже отмечалось, мужьями племянниц Романа Яголдаевича названы Дебр Каленикович, Михаил Гагин, Федько Голенчик и Кунца Сенькович; остается только предположить, что одна из княжон Яголдаевых была замужем за Яцком вторым браком» [98, с. 147; 138, р. 440–441].

Бывшие владения Еголдаевичей в Путивльском повете упоминались в крымско-литовской дипломатической переписке в 1513 году как «Сарлева сына Егалтева тма», в 1514 – как «Сараева сына Аголдаева тма», в 1517 – как «Сараева сына Екалтаево со тмою», в 1520 – как «Еголдаев повет Сараева сына, вес[ь] его повет со всеми его землями и водами, и данми», в 1532 – как «Сараева сына Егалтаева со тмою», в 1535 – как «Сараевич Екалтаи со тмою», в 1541 – как «Сараевич Екалтаи со тмоною», а в 1552 – как «Сараюкгул Екалтаи тмень». В польскоязычных копиях крымско-литовских ярлыков 1539 и 1560 годов упомянут тумен Сараевича («*lumen Saraiowicza – Jekaltańskie państwo*» и «*Saraacul Jarn telmon*») [133, с. 595, 606, 634, 643, 682, 703, 723, 741, 713, 754].

В мае 1500 года путивльские волости оказались в зоне военных действий между двумя великими княжествами, Московским и Литовским. В течение лета «князь московский забрал все замки северские и всю Сивер, у головах замки Бранеск, Стародуб, Новгород-Сиверский, Трубеск, Чернигов, Путивль и иных по Сиверы замков, всех шестьдесят» [73, с. 166]. Вскоре северская лесостепь стала ареной борьбы между союзником Литвы, ханом Большой Орды Шейх-Ахмедом, и крымским («перекопским») ханом Менгли-Гиреем. Первый из них направился с 20-тысячным войском в сторону Дона, однако ему не удалось там закрепиться из-за противодействия крымцев. В июле 1501 года на реке Тихая Сосна произошли первые столкновения татарских войск, после чего Менгли-Гирей отступил в Крым, а Шейх-Ахмед «откочевал из района Северского Донца в Среднее Поднепровье» [59, с. 415], осадив по пути Рыльск. К осени он «Рылеск есми добыл» и «до Новгородка и до Стародуба войском есми своим потянул». В письме, доставленном 18 декабря 1501 года великому князю литовскому Александру II, ордынский хан сообщал, что его люди «Рылеск и Новгородок добыли» [137, р. 170, 172]. В этих городах вскоре утвердилась литовская администрация во главе с князем Михаилом Евстафьевичем Халецким [72, с. 168]. Тем не менее, война была проиграна литовцами. По результатам Благовещенского перемирия, подписанного 25 марта 1503 года, Путивль «с волост[я]ми» [57, с. 399] был закреплён за Русским государством и наряду с Рыль-

¹ С XVIII века Игнатово стало именоваться Злодеевкой, в 1912 году было переименовано в Столыпино, а в 1921 году – в Украинку (ныне – город в Киевской области).

ском и Новгородом-Северским отдан князю Василию Ивановичу Шемякину (Шемяичу)¹. В Литве эту потерю воспринимали болезненно. В 1506 году мозырскому державце (наместнику) Михаилу Гагину были отданы во владение два дворца² в Жолудском повете взамен захваченных *«имений его, которые ему по жене его достались в Путивли»* [138, р. 175]. Киевские бояре впоследствии писали великому князю литовскому Сигизмунду I, что *«в Путивли ж бискупли³, и князские, и панские волости той же ваш господарский неприятель московский ко своей руке прибрал»*. По их словам, до войны *«те волости от ваших господар[ских] предков слуги вашей милости – князья, паны и земляне земли Киевской – по року держивали, и с тех волостей слуги в[ашей] м[илости], предки и отцы наши, кони езживали и шубы тёплые куньи одевали, и с року на рок теми волостями в[ашей] м[илости] слуги от предков и от отца в[ашей] м[илости] завжды одёваны и обуты были»* [36, с. 287–288].

Вскоре после заключения Благовещенского перемирия становится известно о притязаниях крымского хана Менгли-Гирея на Северщину. Ещё в 1499 году *«Менгли-Гиреев царёв посол Ази Халел сказывал, что из старины к Перекопской Орде тянули»* Киев и другие города, в том числе *«Бирин, Чялбаш, да Черкасский городок, да Путивль, да Липятин, те городки и с сёлы все [населяют] царёвы люди»* [57, с. 291]. Случившийся в дальнейшем переход путивльских волостей к Москве власти Крымского ханства посчитали нелегитимным. Пришедший к власти в 1505 году государь Василий III *«не поддержал идею Менгли-Гирея о создании Киевского княжества, что значительно испортило отношения Крыма с Москвой, поскольку одной из главных идей крымского хана было установление протектората над Киевской землёй»* [60, с. 78]. В ярлыке, направленном в 1507 году польско-литовскому правителю Сигизмунду I, Менгли-Гирей перечислил ряд мест, которые считал объектами своего сюзеренитета. Среди них, помимо прочего, хан обозначил *«Сараева сына Егалтаевоу тмоу, Милолюб с выходы и данми, и с землями, и водами, Моужеч, ГДскол»* [133, р. 557]. Хан рассматривал упомянутые местности *«как свои владения, которыми он мог распоряжаться»* [31, с. 50].

Василий III и Менгли-Гирей не смогли прийти к соглашению о принадлежности бывших литовских земель. Как и следовало ожидать, это привело к обострению отношений с крымскими татарами. Последние проявили прямую агрессию, устроив ряд разорительных набегов. В 1512 году территория Путивльского уезда подверглась нападению крымского войска, возглавляемого сыном хана Ахматом. Набег был отражён, Ахмат-Гирей *«в малых людях утёк»* [56, с. 104], однако уже в июне 1513 года татарские отряды совместно с силами киевского воеводы Юрия Радзивилла *«опустошили районы Брянска, Путивля и Стародуба»* [34, с. 45; 63].

Вследствие татарских набегов в начале XVI века запустевают многие поселения в окрестностях Путивля, например, современные сёла Линово и Новая Слобода: в выписке из писцовой книги 1557 года указывалось, что *«два селища, Линёвское да селище Климовское,*

¹ Вплоть до 1523 года Путивльский уезд входил в состав владений служебного князя Шемяича и управлялся его воеводой (по сведениям 1513 года) или наместником, должность которого в 1516 году занимал Василий Митюков [56, с. 88, 239].

² Термин *дворец* употреблён в документе как уменьшительная форма слова *двор* или *дворище* (то есть деревня [28, с. 376]). В 1508 году Михаил Гагин перешёл в русское подданство. В середине XVI века его сыновья Михаил и Иван значились суздальскими детьми боярскими, а сын Василий проживал в статусе «литвы дворовой» в Медыньском уезде [118, с. 153, 206].

³ Бискупли – принадлежавшие бискупу, то есть епископу. Вероятно, владельцем упомянутых земель в конце XV века был киевский католический епископ Бартоломей (Варфоломей) Солозницкий. Впрочем, по мнению Елены Русиной, они могли принадлежать виленскому епископу Войтеху (Альберту) Табору [97, с. 304].

оба пусты перелогом лет с сорок и бол[ь]ше, и не пашет никто» [79, л. 141]. Несомненно, бывшие владения Еголдаевичей пострадали ещё больше, долгое время являясь ареной боевых действий. Ещё в конце 1492 года крымский хан отправил в набег *«Тевлетек мырзина сына да княжа Мамакова сына, Мамаш-мырзу, 500 человек с ними послал есми, под Путивль пришедчи и под Чернигов»*. Русский посол докладывал тогда великому князю московскому, что крымцы *«воевали межси Чернигова и Киева, а сказывают, имали полону много»*. Разорение этих мест продолжалось несколько месяцев, поскольку Менгли-Гирей приказал войскам *«тамо зимовати»*. В 1503 году татары снова напали на Северщину, многие земли *«повыжгли, и людей в полон вывели, и животов людских бесчисленно поимали»* [55, с. 182–183, 488]. Наиболее удобным путём для них являлся будущий Муравский шлях, не имевший на своём протяжении переправ через крупные реки, которые могли быть легко контролируемы [104]. Одна из степных дорог, примыкавших к упомянутому шляху, тянулась в сторону Киева *«по водоразделу между верховьями рр. Сулы, Удая, Псла, Ворсклы и пр., с одной стороны, и десно-сейминской долиной, с другой»* [45, с. 514], проходя через путивльские, черниговские и остёрские волости. Окрестности дорог, по которым крымские татары регулярно отправлялись в набеги на литовские и московские территории, были разорены, в силу чрезмерной опасности оседлое проживание здесь стало невыгодным. Вдобавок *«изменившаяся на рубеже XV–XVI веков внешнеполитическая ситуация, приведшая к изменению торговых путей, отрицательно сказалась на экономике края»* [14, с. 17]. Опустевшие пространства привлекали выходцев из степей. Так, некоторые белгородские и азовские казаки¹ просили московского государя Василия III: *«чтобы нам с[о] своими жёнами прикочевав, жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга, [польского] короля, воевати»*. Василий III вёл переговоры с казаками через дружественного ему крымского эмира Аппака, в 1519 году писавшего:

«Да к азовским казакам уже год человека посылаю тебя для, а приказывал есми к ним так: аз у великого князя о вас печалуюся, а вы живите в Путивле да ходите себе, куда хотите. И тому нашему слову азовские казаки крепко поверили, да от азовских казаков к нам мурза приехал, Меретekom зовут. Да с нами накрепко говорил, да и мы с Меретек-мурзою говорив, к азовским казакам Чакрака да Янкувата послали есми, чтобы те азовские казаки, пришедши, негде поближе стали; а приказывал есми к ним так: аз о вас у великого князя печалую, чтобы вам дал место, где летовати, да где зимовати. И Меретек-мурза в головах, и все азовские казаки ныне о том тебе бьют челом: только нас князь великий хочет себе слугами учинити, и он бы нам астраханцев дву[х], Ян-Чуру да Ян-Асана, из тюрьмы вынял да нам дал: свершено бы нашему холопству примета то была. А Меретек-мурза с братом с[о] своим с меньшим ныне уже у нас, а едет царёвы казны провожати, а коши его в Путивле, а проводив назад казну – будет часа того, а приехав – тебе холопом будет и на твоём деле будет. А и белгородские казаки со мною говорили, что все хотят тут же, у тех казаков, быти: как им весть будет, и они все будут тут же у них» [56, с. 613, 618].

Хотя часть азовских казаков и перешла на сторону московского государя, большинство этих людей, кочевавших по степи, представляло угрозу жителям Путивльского уезда. Город Азак (Азов), находившийся в устье Дона и с 1471 года являвшийся владением Османского султаната, был одним из важнейших торговых пунктов Причерноморья. Именно туда стека-

¹ Белгородские казаки представляли собой ряд военизированных групп, состоявших из жителей подвластной Османской империи области Буджак, центром которой выступал Белгород-Днестровский (Аккерман), и примкнувших к ним крымских выходцев [122]. Азовские же *«являлись в основной массе татарами исчезнувшей Большой Орды, не пожелавшими подчиниться победителям – крымским Гиреям»* [117, с. 174].

лось награбленное номадами, здесь же перепродавали пленных. Нрав тогдашнего Азова описал Владимир Сыроечковский: *«Мелкие набеги азовских казаков, то самостоятельные, то в соединении с крымцами или ордынцами, на Путивль, Белёв, под мордву, на Цну, на рязанскую и мецёрскую Украину не поддаются исчислению. Азов чуть не пустеет во время набегов. В 1515 г. возвращавшиеся домой московские дети боярские не могли получить в Азове конвоя: "которые наши казаки азовские были у нас, и те ныне казаки пошли добываться, а в Азове ныне нет никакого человека и проводить их ныне некому". Наряду с набегам на Украины продолжались и грабежи в степи»*. К примеру, в декабре 1515 года московскому князю Василию III сообщали, что из Азова *«под Рязань, под Путивль и под Белёв пошли безголовные люди [нападать] на зимовники¹, а люди немногие»* [114, с. 206; 56, с. 231]. Дворянин Иван Семёнович Брюхово-Морозов, направленный в 1523 году послом к турецкому султану Сулейману I в Константинополь, сообщал: *«которые наши люди украинные ходят по Украине [в] свои ухажая, а иных наших людей украинные наши наместники посылают отведывати людей на поле, нечто которые люди, наши недруги, похотят придти на наши украинные места и лихо хотят учинити, и они б безвестно не пришли, и твои казаки азовские тех наших людей имеют на поле, да водят в Азов, да их продают; а емлют с них окупы великие, и лиха нашим людям от твоих казаков азовских много чинится»* [112, с. 3].

Следует заметить, что далеко не все казаки имели тюркское происхождение. Многие из них были выходцами с окраин Великого княжества Московского, занимавшимися отхожими промыслами в лесостепи. По мнению Олега Комарова, *«ситуация "военной границы", где жили южные казаки-промысловики, приводила к тому, что они занимались в том числе и "военными промыслами" (разбойные набеги). Местные власти периодически привлекали этих казаков к военной службе или покровительствовали их набегам. Социальное отличие от традиционного воинского (всаднического) класса проявилось в том, что казаки воевали преимущественно на судах или пешими»* [37, с. 25]. Так, в 1517 году князю Василию Шемячичу предписывалось выделить *«сверюков своих, доколе пригоже, немалых людей»* для сопровождения посольства в Крым. В случае, если *«будут на поле снега великие»*, он должен был отправить с посольством *«из Путивля своих казаков, людей многих»* [56, с. 493]. Весной 1522 года путивльские казаки *«Федко да Увар были вверх Ворскла под Благим курганом»*. Один из них впоследствии сообщал, что на Северском Донце *«виделся с казаком с азовским, с Куземкою, а видел татар человек с двадцат[ь], а поехали по Дону»* [21, с. 34]. В 1538 году ногайский мурза Кель-Магмет писал в Москву о нападениях на его подданных, устраиваемых казаками. Московское правительство отвечало ему так: *«На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни-казаки; а из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди как вам тати, так и нам тати и разбойники»*. Путивльский воевода Михаил Михайлович Троекуров в 1546 году извещал московского князя Ивана Васильевича (в позднейшей историографии – Грозного): *«Ныне, государь, казаков на поле много, и черкасцев, и киян, и твоих, государевых; вышли, государь, на поле из всех украин»* [112, с. 3–4].

Власти всех государств, граничащих со степью, старались использовать стихийные казачьи объединения в своих интересах. Так, 8 августа 1548 года *«путимльские казаки Михалко Черкасенин да Истомка Извольской Тулянин с товарищи на Дону, на Великом Перевозе, побии крымского князя Аманака да черкасского казака Елбулзлука, и азовских людей многих побии, и семь пушек у них отняли, и к царю и великому князю привезли. А приходил к ним Елбулзлук с нарядом на Дон острогу имати»* [127, с. 294]. В 1549 году Иван Грозный *«велел казакам своим путимльским и донским крымские улусы воевати»*. Вскоре после этого к нему

¹ Зимовники – отдалённые скотоводческие и промысловые хозяйства.

поступила жалоба от ногайского князя Юсуфа: «в нынешнем году наши люди в Москву или для торгу, а осенью, как шли они назад, ваши казаки, севрюки, которые на Дону стоят, пришли на них ...и куны их взяли» [80, л. 86; 112, с. 10–11]. В 1570 году некий «оскольский казак Иванко Матвеев» докладывал о набеге крымцев: «видел вверх Котла и Потудони сентября в 7 день многих людей, а по сакме тысяч с тридцать» [76, с. 234–235]. В то же время крымский хан Девлет-Гирей, идя с войском к Астрахани по Царёву шляху, разгромил в низовьях Северского Донца «казацья атамана, Иваном зовут, Мотякин, а с ним было казаков человек с сорок, и прислал деи к турскому гонца, что он на Донце взял казачий город, атаманов и казаков убил, сказал, с пять тысяч» [75, с. 83].

Северский Донец в XVI веке периодически использовался в качестве водного пути: к примеру, именно по этой реке московский посол Иван Петрович Новосильцев направлялся в Константинополь. 10 марта 1570 года он писал государю из Рыльска: «Снега на поле очень велики, и осеренило их с великого мясоеда, отчего с лошадьми идти вперёд нельзя, серень не поднимает: мы думаем взять салазки, а сами пойдём на ртах к Северскому Донцу»¹. Новосильцев с казачьим конвоем отправился «на ртах пешком» и к 1 апреля добрался до пристани на Северском Донце, где приказал «делать суда, на которых нам идти водяным путём к Азову». Работы затянулись на неделю, поскольку «у Мишки Черкашенина, у атаманов и казаков не у всех были суда готовые старые на Донце, и они делали себе каюки» [107, с. 695–696]. Судя по всему, речь в вышеприведённых посланиях идёт о пристани, располагавшейся у впадения в Донец реки Везеницы (Везёлки), действовавшей и в конце XVI века: по описанию 1596 года, здесь «делают суды и ездят вниз Донцом в Дон» [46, с. 2–3]. По мнению В. Загоровского, эта пристань существовала с 1559 года, когда перешедшему на русскую службу литовскому князю Дмитрию Ивановичу Вишневецкому было поручено «идти к Северскому Донцу, построить там мореходные суда, выйти Северским Донцом и Доном в Азовское море» и напасть на крымские берега [31, с. 134]. Впоследствии было подсчитано, что «от судовой пристани, что на Донце на Северском усть речки Везеницы, ехати в судах на низ Донцом до Чугуева городища судном 4 дни, а от Чугуева городища до Раздоров Донецких езду 3 недели, а от Раздоров Донецких до Азова езду 4 дни» [46, с. 4]. Из Путивля и Рыльска сюда обычно добирались «новою дорогою на Карпова сторожевища» [3, с. 14], которая позволяла проходить купеческим и посольским караванам, курсировавшим между Москвой и Крымским ханством. Вскоре этот путь приобрёл название Посольской дороги (впоследствии – Старой Посольской, в отличие от Новой, ведшей на юг из города Ливны²). Интересен применённый к местности термин *сторожевище*, сконструированный по аналогии с *городищем* или *селищем* и понимаемый как «место, где был сторожевой пост» [102, с. 98]. Заметим, что в конце XVI века это урочище использовалось как база для разъездов станиц по степи, вследствие чего именовалось уже сторожевьём, а не сторожевищем [3, с. 60]. По сведениям 1639 года, «на Карповом сторожевьё городища» не было, «только-де перекоп по ровному месту». Однако в 1643 году белгородский воевода Никита Михайлович Боборыкин обнаружил на Карповом сторожевьё признаки городища и даже обмерил его [82, л. 19; 83, л. 97–99]. В 1644 году здесь выстроили стоялый острог, одна из башен которого (Нижняя, стоявшая «над рекою над Ворсклом») расположилась «от старого валу» [29, с. 77]. Очевидно, что со-

¹ С.М. Соловьёв писал: «Здесь ясно значение слов *серень* и *осеренить*: говорится об оттепели, которая сделала снег рыхлым, так что лошади в нём проваливались» [107, с. 739]. «На ртах» – то есть на лыжах [101, с. 224].

² Согласно исследованиям Э. Кравченко, «Новая Посольская дорога, как и прилегающий к ней участок Изюмского шляха, представляла собой реальную набитую грунтовую дорогу, пролегающую через степь. Вероятно, такой вид имели и прочие степные пути» [40, с. 683].

оружие первых укреплений на этом месте следует отнести ко времени до 1571 года: по видимому, в этот момент сторожевой пункт на Ворскле находился в заброшенном состоянии, почему и был назван сторожевищем.

В последней четверти XVI века отдельную опасность для жителей Путивльского уезда стали представлять бывшие в подданстве Речи Посполитой «воровские черкасы», которые грабили население, вели незаконные промыслы и даже устраивали на русской территории свои слободы и «станы». Например, в 1588 году были *«посыланы из Путивля на поле, в проезжую станицу на Донец, голова станичная Афанасий Панютин с товарищи, и того Афанасия черкасы на поле, на Донцу, убили до смерти, а товарищей его разгромили и переграбили. Да и во всё лето, которые ни ездили в проезжие станицы, и тех всех громили и грабили, и до смерти побивали, ни одной станицы не погромая не отпустили»*. А в 1589 году *«из Путивля ж и из Рыльска посылали на поле, на Донец, станичных голов Василья Оладьина, Игнатъя Тютчева, Третьяка Кузьмина с товарищи, и на поле, и на Донце, приходили на них черкасы многие из Канева и из Черкас, и из Новагородка, и из Переяславля, да тех станичных голов громили и пограбили, а иных побили до смерти. И пришед в Путивльский и в Рыльский уезд[ы], в бортные ухажая, северюков побили, и борти драли, и в звериные ловли вступаются через старые рубежи, и людей порубежных бьют и грабят, и убытки чинят»*. К 1592 году подданные князя Александра Михайловича Вишневецкого из путивльских волостей *«северюков ...выбили, одного летошнего лета до смерти больше дву[х]сот человек побили»*. В Мужецкой волости они *«Гришу Коровина да Треньку Козлова убили сама-четверта, а взяли животных их на 40 на 9 рублёв, да Лукьянка, Спас[с]кого попа бортника, сама-пята, а взяли у них на 50 на 7 рублёв»*, а также *«[и]ссекли бортников Тонкого Шелепнева сама-третья, а взяли у них на 20 на 4 рубли»*. В Донецкой же волости черкасы *«в помес[т]ных ухажаях [и]ссекли бортников Богдашка Деревню сама-пята, а живота их взяли на 50 на 7 рублёв»* [78, л. 69, 143 об.–144, 68, 131, 132 об.].

В 1589 году *«из Запорожья на Донец»* перебралась группа казаков во главе с атаманом Матвеем Фёдоровым. Запорожцы обещали *«государю служить и над крымскими людьми промыслять государевым делом»*. Дабы удостовериться в их честности, к ним послали станичных голов Фёдора Киреева из Тулы и Афанасия Фёдоровича Зиновьева из Путивля. В русском правительстве опасались, что запорожцы войдут в число казаков, *«которые ныне на Донце, и на Осколе, и на Семи живут и воруют, ...и ходят по Осколу, и на Семи воруют, станичников громят и грабят»*. Предводителем разбойников выступал *«Мишук с товарищи, а бывал путивлец, казак»*. Весной 1589 года эти *«воры ж, черкасы с Оскола»*, набегали на стада в окрестностях Новосилия [2, с. 249–254].

Григорий Анпилов приводит некоторые сведения о Донецкой (Милолюбской) волости и людях, населявших её в XVI веке: *«В челобитной, поданной царю в 1588 г. путивльцем, сыном боярским Савкой Карповым Домниным, сообщается о том, что у него на Северном Донце отобрано пожалованное ему поместье и отдано по государеву указу донским казакам. У путивльских станичников, детей боярских Ивана Соломы Оладьина, Ивана и Жадена Милковых, в этой волости поместья были также отобраны и отданы прибранным на полевую службу донецким казакам. В 1588 г. путивлец, казак полевой службы Суетко Обакумов Дончанин, подал царю челобитную с просьбой дать ему в г. Путивле жеребий беглого белодворца Иванки Орешника и служить ему государеву службу с белодворцами. Эти факты показывают поселения в 70–80-е годы XVI в. в Донецкой вол[ости] Путивльского уезда кон-*

ных казаков для несения полевой службы»¹ [10, с. 112–113; 81, л. 1, 7–8; 88, л. 294–295]. Из отдельной книги 1599 года известно о переселённом в Белгород путивльском воже Фёдоре (Федке) Васильевиче Поуцком [93, л. 62]. 15 ноября 1613 года в Печатном приказе была зарегистрирована запись «о поместном и денежном верстанье» путивльца Николая (Микулы) Уданина с товарищами, а в декабре того же года путивлец Дмитрий (Митка) Уцкий был помещен землёй в размере 110 четвертей [20, с. 324, 334, 336]. В путивльской писцовой книге 1628–1629 годов упомянут Андрей Фёдорович Уцкий, владевший поместьями в деревнях «у Девичья городища на речке Берюхе ...меж логов Спас[с]кого и Муравинского» и Малушиной² [90, л. 8 об., 12 об., 43 об.–44]. По-видимому, все три фамилии произошли от названия реки Уды, протекавшей в Донецкой волости. Эта волость разделялась на промысловые участки, первоначально именовавшиеся ухожьями, а с конца XVI столетия – юртáми³. Историками выяснено, что ухожьи «делились, подобно поместной земле, на жеребьи и, кроме того, на "кабицы"»⁴. «А владеют тем бортным ухожеем по кабицам» – замечают писцы, различая при этом "кабицу" переднюю, заднюю и боковую. "Кабица" значило на местном говоре "очаг"; оброчники и бортники делили, значит, свои ухожее по месту нахождения своих куреней, в которых у них были "кабицы". <...> Как результат крайне экстенсивного хозяйства, бортные ухожее могли существовать только при большой редкости населения. И действительно, мы видим, что в продолжение XVII столетия они начинают исчезать и заменяться насеками, хотя в более глухих местах края продолжают конкурировать с последними» [47, с. 124–125].

В опубликованной более ста лет назад выписке из путивльской писцовой книги 1591 года значился «в Донецкой волости ухожей бортный Охмятинский, лужей от ровни по дорогу, а вниз рекою по пески, что ходил тот ухожей Васька Татарин да Маса, оброку давали с того ухожья с бобровых гонов к Пречистой в монастырь на год 6 пуд[ов] мёду, да куницу, а по новому листу тот ухожей ходит на Пречистую бортник Гриша Степанов сын Семёнов, зять Хохлушина; оброку платить ему в монастырь – тот же старый оброк» [54, с. 18–19]. Очевидно, в процитированный выше текст закрался ряд ошибок, поскольку выписка из писцовой книги 1557 года даёт несколько иную информацию: «ухожей Пр[е]ч[и]стые Молчинского м[о]н[а]ст[ы]ря от Мяти по [л]ужок, от Ровни по дорогу, а вниз рекою [к] Песку, а придали ему тот ухожей сотцкой [Д]онецкой волости, а дают с того ухож[ь]я [с] году на год оброку игумену шесть [п]уд[ов] мёду да куницу, а тот ухожей написан во Еван[г]елье, а ходит тот ухожей Васка Татарин да Маса⁵ [...] а в том его ухожье бортных дерев[ьев] со пчёлами и безо пчёл бортей нету ж, а дают оброк с бобровых гонов» [79, л. 142].

¹ Из отдельной книги 1594 года выясняется, что к Донецкой волости была приписана «рыбная ловля, ниже Путивля 7 вёрст на речке на Семи, озерко Ольшаница, да того ж озерка исток Закот». Там же упоминаются донецкие помещики Азар Гаврилович Алябьев по прозвищу Солгак (Сайгак) и Роман Михайлович Ширяев, владение которого было «взято у него на Донце и отдано по государеве грамоте путивльским самопальникам». Судя по фамилии, к числу людей, связанных с Донецкой волостью, можно отнести и казака Ивана Изюмского [88, л. 294–294 об., 9 об.–10, 239, 242].

² В десятне 1626 года фамилия Андрея Фёдоровича указывалась как «Удской» [115, с. 101]. Деревня у Девичьего городища со временем превратилась в село Уцково и вошла в состав Сумской области Украины.

³ Термин *юрт* имеет ордынское происхождение и в XIII–XIV веках понимался как чьё-либо владение, часть улусного кочевья, стойбище или жилище [119, с. 44]. Заимствованное южнорусским населением, слово *юрт* стало обозначать выделенный кому-либо участок промысловых угодий, временное (сезонное) поселение.

⁴ Очевидно, имеется в виду слово *коби́ца*, восходящее к корню *-коб-*, означающему нечто неровное, изогнутое, углублённое или выпуклое, упрямое [16, с. 34–37].

⁵ Возможно, Маса (Мася) являлось краткой формой христианского имени Моисей.

Согласно отдельной книге 1599 года, «*волость Донецкая по реке по Донцу*» была передана из Путивльского уезда в новообразованный Белгородский. На тот момент в ней насчитывалось «*за помещики 14 ухаж[ь]ев бортных с рыбными и с[о] звериными ловлями, с бобровым[и] гоны*» [93, л. 119]. В этом же источнике упоминалось 12 юртов: Катковский (Конковский – в окрестностях Котковского городища, между Константиновским и Становым озёрами-затонами), Бабкинский (между реками Бабкой и Роганью), Мохначёвский (у одноимённого городища, к северу от починка Гурова Поляна на левом берегу Донца, ограничен рекой Уды и Кобыльим колодезем), Можевский (между Гуровой Поляной, Ореховым затоном и устьем Мерефы), Витовский (Виловский – у Змеева городища, между Виловым оврагом, реками Мжа и Гомольша), Коменшенский (Гоманшенский, Гомольшенский – у Каменного городища и Абашкина перевоза, до Тюндикова болонья), Тюндиковский (Талдиковский – от урочища Тюндик до устья Балаклеи), Башкеенский (Булыклейский – от Балаклеи до Савинского перевоза), Чепелевский (в излучине Донца, между Савинским перевозом и рекой Чепель), Берецкий (от устья Чепеля до устья Емельянова колодезя) и Изюмский (от Солёного озера до устья Оскола)¹. Ещё один юрт принадлежал Никольской церкви (ныне Успенско-Николаевский собор в Белгороде), основанной в 1597 году. Вот как обозначалась его территория в то время: «*по речке по Удам вверх от Жевагани рыбные и звериные ловли до речки до Харьковы, и речка Харьковка вверх с упалыми речками, да упалая речка Лопина, что упала в Харьковку*»². Это же церковное владение упоминалось в 1654 году, когда на поведение черкас, поселившихся в Донецкой волости, стали жаловаться священнослужители: «*государь, черкасы твоего указу не слушают, строятся все в Белогородском уезде, в Никольской вотчине, и станы, и пасеки завели, и зверь, и рыбу ловят, и со пчёлами деревья секут дельные, и севрюков наших грабят*» [93, л. 119 об.–122, 114; 13, с. 9].

Иван Миклашевский упоминает ставшие известными позднее Салтовский (с 1622 года – у Салтановского городища, от устья Старицы до устья Хотомли), Псецкий (на реке Бабке), Тетлегинский (Тетлецкий – выделен из Бабкинского, между Тетлегой и Роганью, у Чугуева городища) и Гниловский (в 1616 году выделен из Мохначёвского – в окрестностях рек Гнилица и Гнилушка) юрты, а также безымянный юрт, в 1620 году отданный «*беломестному атаману Ореху Фёдорову*», который занимал верховья реки Гостёнки «*до устья Угрим-колодезя*» и долину реки Уды от истока до устья Харьковы [47, с. 107]. В том же 1620 году впервые упоминаются Топлинский и Старицкий (Стариковский) юрты³ [74, с. 173, 182], отделявшиеся друг от друга устьем реки Нежеголь и, по-видимому, Напрасным яром (Нежегольским колодезем).

¹ Катковский юрт до 1599 года числился в поместье за Демидом (Дёмой) Оладиным, Бабкинский и Мохначёвский – за путивльцем Иваном Милковым, а Можевский, Виловский и Тюндиковский юрты входили в число поместных земель Азара Алябьева (Сайгака) [93, л. 119 об.–121]. При этом протекавшая через них «*река Мож от усть[я], от] Донца и до верховья и с упалыми речками и со всякими угоды*» до передачи в ведение белгородских воевод арендовалась (была «*на оброке*») группой донецких атаманов во главе с Иваном Черновым [89, л. 538]. В бассейне реки Мож, близ села Знаменка, «*при входе в пещеру нашли каменную плиту*», на которой была «*следующая латинско-малорусская надпись: Radiorum argenteus ordo axe року ...1605*» [12, с. 90]. А на территории Тюндиковского юрта была найдена «*серебряная денга царя Ивана IV (1533–1584), битая после 1547 года*» [19, с. 395].

² Согласно отказной записи от 3 мая 1625 года, духовенству Никольской церкви было подтверждено право на владение большей частью данной вотчины. От неё отмежевали лишь территорию, ограниченную реками Рогань и Немышля, которая получила название Жероганского (Жерейсанского, Роганского, Резанского) юрта. 20 мая 1625 года беломестный атаман Михаил Стариков был испомещен землёй «*в диком поле в Жероганском юрте на речке Уде*» [94, л. 5].

³ Самые поздние сведения о Старицком юрте датированы 1702 годом [116, с. 27–28].

В состав Донецкой волости не входили юрты, располагавшиеся к востоку от Оскола, хозяйственная деятельность в которых велась вольными казаками и долгое время не контролировалась государством. Из их числа известны Крестовский, Репин (Репный), Сухарев, Краснянский, Боровский, Трёхизбенский, Айдарский, Теплинский, Луганский, Гундоровский и Банный юрты [121, с. 87–89]. В 1599 году Борис Годунов приказал воеводам города Царёв-Борисов¹ Богдану Яковлевичу Бельскому и Семёну Романовичу Алфёрову *«тотчас послати на Донец и на Оскол, и по иным речкам, и велети со всех рек атаманам и казакам лучшим быти к себе в город, да тем атаманам и казакам гос[ударево] ...жалованье сказать, что их гос[ударь] ...пожаловал теми реками, Донцом и Осколом, и со всеми речками, которые впади в Донец и в Оскол, велел отдать им, донецким и оскольским атаманам и казакам безданно и безоброчно, и атаманы б, и казаки по Дону и по Осколу по своим юртам жили и угоды всякими владели безданно и безоброчно, а государю б те донецкие и оскольские атаманы и казаки служили и вестей проводывали»* [46, с. 10].

В донецких юртах практически не было постоянного населения. Впрочем, Антон Слюсарский считал, что *«невозможно представить, чтобы бобровые гоны, рыбные, пчелиные и другие промыслы на территории, простиравшейся на сотни квадратных вёрст, могли обходиться без хотя бы немногочисленной рабочей силы. Эти люди вместе с уходниками играли большую роль в начале заселения края и его хозяйственном освоении»* [105, с. 34].

Что касается Мужецкой волости, то в 1599 году большая её часть была поделена между Белгородским и Курским уездами. Границу провели *«от устья Пселецкого вверх по Псельцу»*. В документах сохранились сведения о бортном ухажье *«Захара Маркова сына Тиханина з детьми, да брата его Михалка Тиханина, на реке на Псле, да на Бояни, да на Псельце»*. Часть («жеребей») этого ухажья была отделена белгородскому Николаевскому монастырю, *«игумену Никифору с братьею»* [93, л. 122 об., 98 об., 115 об.]. Сведения о топонимике той части Мужецкой волости, что перешла в Белгородский уезд, встречаются в отказной записи от 27 марта 1641 года, согласно которой *«белгородец, с[ы]н боярской Исая Кондратев с[ы]н Гостищев, приехал в Белгородской уезд, в Саженской стан, <...> и приехал на дикое поле <...> по Тёплую дубровку, по Псел[ь]ской колодезь[ь], что вышел из-под Съезжей сторожи², да ото Псла, от гатища, вниз по Пслу да вверх по Мощеной Солотине, по обе стороны той Мощеной Солотины с Черемошными и с Пенским верхов[ь]ем, и с Красным буераком, и с В[о]рскломским верхов[ь]ем по Олонною да по Круглою яруги от Ворскла к Тетеревиному лесу, <...> и на том диком поле переписал урочища и присады, и на пашню дубровы и всякое угод[ь]е, и измерил в десятины»* [58, с. 29].

К 30-м годам XVII века в состав Курского уезда перешли земли по берегам реки Бояни (Обояни, Обоянки). На это указывает отказная запись, составленная 30 июня 1636 года, согласно которой *«по челобитью курчан Гаврила Малышева да Федосея Малютина курченин Фёдор Позняков, взяв с собою тутюшних и сторонних попов и диаконов, и старост, и целовал[ь]ников, и крестьян, скол[ь]ко ч[е]л[о]в[е]к пригож[е], в Курский уезд, в Подгородной стан, на реку на Псел на Обоянскую пустошь ездил, да в той Обоянской пустоши по сыску*

¹ Царёв-Борисов (ныне – село Оскол Харьковской области) был основан в 1599 году, но через тринадцать лет сгорел и был покинут жителями [120, с. 216–223]. Этот город находился на восточной границе Донецкой волости и выступал в роли передовой крепости, не образывая собственного уезда. Вероятно, населённый пункт на месте Царёва-Борисова существовал и в ордынский период [39, с. 437].

² Съезжая сторожа (сторожевой пункт) находилась в верховьях Липового Донца, близ современных хуторов Лучки (Съезжие Дворы) и Озеровского (Городного). Это же место упоминается в отказной записи от 12 апреля 1635 года как Липовское городище [58, с. 23].

своему написал усадище по реке по Псле усть речки Обояни с мел[ь]ничным прудищем, по обе стороны речки Обояни на дву[х] старых Обоянских городищах и селищах, да к тому усадищу дикое поле и дуброва на пашню от усть речки Обояни вниз по [ре]чке по Пслу до усть речки Трубежа, а от реки Псла и от усть речки Трубежа вверх по речке по Трубежу и по речке Обояне, и с Обоянским ровнем по верховья речки Трубежа и речки Обояни, а от верх[овий] речки Трубежа и речки Обояни по речку по Ол[ь]шаницу и по речку Пселец, а речкою Ол[ь]шаницею и речкою Псельцом вниз по реку по Псёл и вниз по реке по Пслу со Псынским колодезем с другую сторону Псла реки, со Псынским займищем до усть речки Обояни» [58, с. 151–152].

В это время под путивльской юрисдикцией продолжала находиться только часть земель Мужецкой волости: от Ворожбы на западе до Трубежа на востоке. В 1649 году на берегу Обояни был заложен одноимённый город, и вскоре здешний воевода Иван Никитич Колтовский получил указание «закрепить за путивльскими оброчниками и бортниками, имевшими здесь издревле "ухожие места", татарские перелазы, броды и стёжки от Обояни вниз по Пслу, чтобы теми перелазами "впредь татарове в летнее и в зимнее время не проходили". Аналогичный указ, по-видимому, был направлен и в Путивль. 29 августа 1649 г. Колтовский послал к путивльским бортникам "на Псёл в их севрюжские юрты" отряд обоянских детей боярских во главе с Григорием Лунёвым. Однако, несмотря на все посулы и увещевания, бортники во главе со своими сотенными наотрез отказались выполнять царский указ и "со Псла съехали в Путивль"» [11, с. 40; 85, л. 203–208]. Упомянутые в документе «ухожие места» (то есть ухожьи), после 1649 года прекратившие существование, находились восточнее реки Стригосла, по берегам Рыбницы и Псла. С этого времени большая часть Мужецкой волости оказалась разделённой между Хотмыжским, Карповским и Обоянским уездами¹. Во власти путивлян остался лишь фрагмент, ограниченный реками Ворожба (Воробжа) и Стригосла, но в 1665 году и он вошёл в состав другого уезда – Суджанского. Этот год для Мужецкой волости можно считать последним, в источниках более позднего периода упоминания о ней уже не встречаются. Донецкая волость также перестаёт существовать во второй половине XVII столетия. Крайней датой можно считать 1659 год, когда её остатки были разделены между новообразованными Харьковским и Салтовским уездами.

Библиографический список

1. Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. История присоединения Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с.
2. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / сост. А. Юшков. – Ч. I. – М., 1898.
3. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / под ред. Н.А. Попова. – Т. I. – СПб, 1890.
4. Акты Оскольского края (из собрания старинных актов о Курской губернии князя Н.Н. Голицына) // Труды Курского губернского статистического комитета. – Вып. 1. – Курск, 1863. – С. 355–483.

¹ В основу Хотмыжского уезда легла одноимённая волость, к которой примежевали юго-западный край Мужецкой и часть Желвацкой волости. К Карповскому уезду отнесли юг Мужецкой, небольшой фрагмент Желвацкой и, может быть, восточную окраину Хотмыжской волости, а к Обоянскому (помимо земель вдоль Рыбницы) – юг Подгородного стана Курского уезда и северо-западную часть Саженовского стана. 2 октября 1650 года датируется межевание порожних земель «по обе стороны реки Пены вниз от Мелового колодезя, за Хотмыжскою дорогою, с Карповской и Хотмыжской стороны, от путивльской и обоянской земли», а 21 декабря того же года «к городу Карпову» была примежевана «путивльская земля» [86, л. 644 об.].

5. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. 2. – СПб, 1848.
6. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 1(6). Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ.: М.Е. Бычкова (отв. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. С.М. Каштанов. – М.–СПб.: Нестор-История, 2012. – 664 с.
7. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учреждённую при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Ч. 1. Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648 гг.). – Т. VI. – Киев, 1883.
8. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб, 1838.
9. Александров Ю. [Липкинг Ю.А.] Поиски древнего Рима // Знание – сила. – 1968. – № 8. – С. 19–21.
10. Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1967.
11. Бабин И.П., Озеров М.М. Об основании и строительстве Обояни // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: сб. мат. межрег. научн. конф. (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский. – Обоянь, 2013. – С. 32–46.
12. Багалеи Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. – Т. I. – М., 1905. – С. 1–92.
13. Багалеи Д.И. Материалы для истории г. Харькова в XVII веке. – Харьков, 1905.
14. Багновская Н.М. Севрюки: население Северной земли в XIV–XVI в. – М.: Палеотип, 2002. – 48 с.
15. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 5. – Казань, 2012. – С. 53–70.
16. Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии (*opoка; *nadovъсь и *nadovъсьнь; *žēžel'ь; *kobica, *zakobень и др.; *xogoъь и *xogxogiti se) // Этимология. 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 28–42.
17. Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 50–71.
18. Города и сёла Белогорья: Шебекинский, Волоконовский, Валуйский, Вейделевский, Ровеньский районы / Карабутов Л.Г., Кряженков А.Н., Пчинов-Образумов А.А. и др.; под общ. ред. В.В. Горошников. – Рыбинск: Медиарост, 2018. – 176 с.
19. Данилевич В.Е. Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской губернии // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. – Т. I. – М., 1905. – С. 374–403.
20. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1994. – 479 с.
21. Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке: историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст. по документам Московского архива Министерства иностранных дел. – М., 1916.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. Л.В. Черепнин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
23. Дьяченко А.Г. Городище Крапивное – город-крепость на юго-восточном пограничье Руси // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: матеріали міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В.Й. Довженка (Чернігів – Шестовиця, 16 – 19 липня 2009 р.). – Чернігів, 2012. – С. 102–105.
24. Дьяченко А.Г. Памятники раннего железного века и эпохи Средневековья в лесостепном междуречье Ворсклы и Среднего Дона // Русский сборник. – Вып. 8. – Т. 1. – Брянск: РИО БГУ, 2016. – С. 54–73.
25. Дьяченко А.Г. Сведения письменных источников и историографическая традиция о Полатовском вале Изюмской черты // Filo Ariadne. – 2020. – №4. – С. 41–52.

26. Евсюков Д.Е. Оскольский уезд: административно-территориальные преобразования после основания города Яблонова (конец 1630-х – начало 1650-х годов) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 2. – Белгород: Константа, 2017. – С. 43–47.
27. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / відп. ред. О.С. Стрижак. – Київ: Наукова думка, 1985.
28. Ефименко А. Дворищное землевладение в Южной Руси // Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. – Т. I. – СПб, 1905. – С. 370–412.
29. Жигалов В.М. Описание и реконструкция крепостных сооружений двух городов Белгородской черты: Болховца и Карпова // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 4. – Белгород: Константа, 2019. – С. 74–93.
30. Загоровский В.П. Исследования и заметки по исторической географии Центрального Черноземья XVI века // Историческая география Чернозёмного Центра России (дооктябрьский период). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – С. 5–29.
31. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
32. Звагельский В.Б. О некоторых особенностях сухопутных коммуникаций Среднего Левобережного Поднепровья // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 62–68.
33. Звагельский В.Б. О локализации летописного Римова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 1. – Ч. 1. – С. 61–64.
34. Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской уkraine» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974.
35. Качало С.І. Прикордонна роль давньоруських пам'яток в басейні Сіверського Дінця // Праці Центру пам'яткознавства. – Вип. 26. – Київ, 2014. – С. 105–111.
36. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. – Т. 1. – Одесса, 1912.
37. Комаров О.В. Казаки – многообразие социального явления XV–XVI вв. // Valla. – Т. 3. – 2017. – №5(12). – С. 14–29.
38. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Восточная литература, 2006. – 328 с.
39. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинёв: Stratum Plus, 2015 – С. 411–478.
40. Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Т. 2. – Кишинёв: Stratum Plus, 2019. – С. 669–690.
41. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии / Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. – Т. 2. – М.: ОГИЗ, Географгиз, 1948.
42. Кучкин В.А. Датировка списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – №3(61). – С. 72–73.
43. Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури: Зб. наук. праць. – Вип. 18, спецвипуск 7: Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / Упоряд. О. Кузьмук. – Київ: Фенікс, 2007.
44. Левитский И. Город Путивль // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. – Т. III. – М., 1905. – С. 111–164.
45. Ляскоронский В.Г. Поход кн. Витовта на татар и его битва с последними на р. Ворскле в 1399 г. // Труды тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. – Т. II. – М., 1908. – С. 513–531.
46. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. – Харьков, 1886.

47. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. – М., 1894.
48. Моргунов Ю.Ю. К изучению летописного города Римова // Советская археология. – 1989. – №1. – С. 206–218.
49. Моргунов Ю.Ю. Ещё раз о «полезной площади» городищ // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 100–105.
50. Населённые пункты ЦЧО / тех. ред. П.К. Захаров. – Воронеж: Коммуна, 1932.
51. Никулов А.П. Старый Оскол (историческое исследование Оскольского края). – Курск: ГУИПП «Курск», 1997. – 576 с.
52. Никулов А.П. Переписная книга 1646 года [текст и комментарий] / Оскольские древности. – Ч. III. – М.: Изд-во РОСА, 2017. – 228 с.
53. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
54. Палладий, игумен. Историко-статистическое описание Молчанской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни и состоящего при ней скита во имя пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна, находящихся в Курской епархии. – М., 1914.
55. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными / под ред. Г.Ф. Карпова / Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 41. – Спб, 1884.
56. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными / под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана / Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 95. – Спб, 1895.
57. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I / под ред. Г.Ф. Карпова / Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35. – Спб, 1882.
58. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. – М.: Наука, 1977.
59. Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492–1506 гг.) // История военного дела: исследования и источники. – Спецвып. V. – Ч. II. – Спб, 2016. – С. 390–448.
60. Пилипчук Я.В., Бабенко А.А. Чернигово-Северская земля и татары (литовский период) // *Parabellum novum*. – 2019. – №10(43). – С. 63–79.
61. Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. – Вып. 99. – М.: Наука, 1964. – С. 24–33.
62. Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2014. – №4(58). – С. 111–125.
63. Полехов С.В., Зайцев И.В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радивилу (1512–1513 гг.) // Золотоордынское обозрение. – Т. 7. – 2019. – № 4. – С. 720–732.
64. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. II. Ипатьевская летопись. – 2-е изд. – Спб, 1908.
65. ПСРЛ. – Т. IV. – Ч. 1. Новгородская четвёртая летопись. – 2-е изд. – Вып. 3. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
66. ПСРЛ. – Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – Спб, 1856.
67. ПСРЛ. – Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Спб, 1859.
68. ПСРЛ. – Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Спб, 1897.
69. ПСРЛ. – Т. XVIII. Симеоновская летопись. – Спб, 1913.
70. ПСРЛ. – Т. XXIII. Ермолинская летопись. – Спб., 1910.
71. ПСРЛ. – Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

72. ПСРЛ. – Т. XXXII. Хроники: Литовская и жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М.: Наука, 1975.
73. ПСРЛ. – Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. – М.: Наука, 1980.
74. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский. – М., Наука, 1983.
75. Путешествия русских послов XVI–XVII веков. Статейные списки / подгот. Я.С. Лурье и Р.Б. Мюллер; отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
76. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот., ввводн. ст. и ред. В.И. Буганова. – М.: Наука, 1966.
77. Разрядная книга 1475–1605 гг. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. – Т. III. – Ч. III. – М.: Наука, 1989.
78. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Книги и дела. Кн. 22.
79. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1636 год. Кн. 6. Статейный список межевых судей, князя Фёдора Волконского, Луговского и Шипулина, бывших на съезде с польскими межевыми судьями Гаврилом Стемповским с товарищи для размежевания в первом месте меж Путивля с Черниговым и другими местами земель.
80. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Посольские книги и дела. Кн. 3.
81. РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1588 год. Д. 1.
82. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 1. Стб. 113.
83. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 1. Стб. 184.
84. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 1. Стб. 224.
85. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ч. 1. Стб. 290.
86. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Л. 614–667. Реестр книг Белгородской губернии, присланный из Разрядного архива, разных годов и городов.
87. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Л. 16–35. Реестр писцовой книге Путивльского уезда письма и меры Петра Мусорского да подьячего Гаврилы Фёдорова 136-го и 137-го годов, в коей явствует, за каким владельцем какие сёла, деревни, пустоши, селища, займища, пожни, погосты и прочее состояли.
88. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Кн. 367. Книги путивльские письма и меры Ивана Семеновича Вохромеева да подьячего Алексея Малахова оброчных и сыскных земель и раздачи самопальникам 102-го году.
89. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Кн. 368. Подлинная писцовая книга государевых оброчных, поместных и монастырских бортных ухажьев и всяких угодий в волостях Желвацкой, Городецкой, Мужецкой, Биринской, Ницанской, Хотмышской, Тешковской, Печерской, Залуцкой, Лосицкой, Немирской, Клепецкой, Корельской, Хотенской, Синецкой и Ордынской письма и дозора Петра Ивановича Мусорского и подьячего Гаврилы Фёдорова.
90. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 2–52. Реестр III-го отделения Московского архива Министерства юстиции писцовым и межев. кн. по городу Путивлю 136 и 137 г.
91. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 73. Л. 314–319 об. Реестр по городу Владимиру списку с переписной 154 году книги переписи Никифора Бабарыкина посадским дворам.
92. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 92. Л. 83–98 об. Реестр имеющейся в 4 отделении архива по городу Белгороду отписной и отдельной книги.
93. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 92. Кн. 15828. Отписные и отдельные книги, а которого года начала и окончания, не значит[ся].
94. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 156. Л. 1–26. Реестр по Белугороду отказной и отдельной разных годов первой книги первой половины.
95. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 213. Ч. 1. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами наличных дач Курской губернии Дмитровского уезда.
96. Русина О.В. До питання про київських князів татарської доби // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Т. ССХХV: Праці Історико-філософської секції. – Львів, 1993. – С. 194–203.

97. Русина О.В. Из спостережень над «Реєстром Чернігівських границь» з 20-х років XVI століття // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Т. ССХХV: Праці Історико-філософської секції. – Львів, 1993. – 293–306.
98. Русина Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. – Вып. 10. – М.: Наука, 2001. – С. 144–152.
99. Русина О. Путивльські волості XV – початку XVII ст. // Студії з історії Києва та Київської землі. – Київ, 2005. – С. 114–136.
100. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – Вып. XLIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 3–44.
101. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 22. – М.: Наука, 1997. – 298 с.
102. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 28. – М.: Наука, 2008. – 303 с.
103. Словохотов А. Муравский шлях как граница между Донецкой и Хотмыжской волостью Путивльского повета. – 2019. – URL: <http://old-kursk.ru/book/slovohotov/st1906182.html>
104. Словохотов А. Исторические дороги верхнего Псла. – 2019. – URL: <http://old-kursk.ru/book/slovohotov/st200917.html>
105. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. – Харьков: Харьковское книжное изд-во, 1964.
106. Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594–5 гг. – Киев, 1910.
107. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён / отв. ред. Л.В. Черепнин. – Кн. III. – Т. 5–6. – М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1960.
108. Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. [Гл. XL. Сборник XVI–XVII века с выписками из древних книг] / Приложение к XI-му тому Записок Имп. Академии наук. – №2. – Спб., 1867. – С. 95–100.
109. Стародубцев Г.Ю. Продолжение исследований цитадели городища «Царский Дворец» // Археологические открытия. 2017 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 157–158.
110. Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А. Римов – Мужеч – Гочево: три имени одного комплекса? // Русский сборник. – Вып. 9. – Брянск, 2019. – С. 201–209.
111. Сухобоков О.В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. (по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное). – Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. – 376 с.
112. [Сухоруков В.Д.] Историческое описание земли Войска Донского. – Т. 1. – Новочеркасск, 1869.
113. Сушко М.В. Лексика тематической группы «питание» в одном ряжском говоре // Тульская историческая весна – 2020. Кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное: материалы всероссийской научной конференции молодых учёных, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула, 2020. – С. 307–311.
114. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношения Москвы с Крымом на рубеже XVI века // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. – Вып. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1932. – С. 193–237.
115. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. – Т. 1. – М., 1913.
116. Терновский Д.А. Старицкий юрт Белгородского уезда // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – №6. – С. 23–28.
117. Тrepавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. моногр. – Казань, 2018. – С. 173–201.
118. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. А.А. Зимин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
119. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
120. Фоминов А.В. Нерешённые вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валук и гибель Царёва-Борисова // Очерки феодальной России. – Вып. 16. – М.–Спб: Альянс-Архео, 2013. – С. 202–230.
121. Фоминов А. К истории донецкого казачества // Старый цейхгауз. – 2014. – №5(61). – С. 82–90.

122. Хазов Н.К. «Белгородские казаки» на рубеже XV–XVI веков // XLVIII международные научные чтения (памяти С.О. Костовича): сб. ст. междунар. научн.-практ. конф. (2 мая 2019 г., г. Москва). – М.: ЕФИР, 2019. – С. 28–31
123. Хоруженко О.И. Метрические данные Росписи польским дорогам и локализация Еголдаева городища // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2008. – №4. – С. 302–311.
124. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: населённые пункты. – Изд. 2-е, дополн. – Вологда, 1993.
125. Чучка П.П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник. – Ужгород: Лира, 2011. – 432 с.
126. Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В. К истории Харьковского Поудья в золотоордынское время // Поволжская археология. – 2017. – №4(22). – С. 147–164.
127. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. – Т. VII. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 254–299.
128. Шумкин А.В. Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции // Золотоордынское обозрение. – Т. 4. – 2016. – №4. – С. 698–723.
129. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. – Вологда, 1974. – С. 3–118.
130. Яценко А.И. Микротопонимы Посемья, образованные от терминов антропогенного ландшафта // Вопросы географии. – Сб. 110. Топонимика на службе географии. – М.: Мысль, 1979. – С. 63–70.
131. Carte de la province de Voronej / par Karnie Borodavski et Nikita Somorokov, géodésistes. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003140r>
132. Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – Ks. 10. – Wyd. 2. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 383 s.
133. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: Brill, 2011.
134. Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy / Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego. T XXXIII; Seria Prac Komisji dla Badań Zagadnień Polsko-Ukraińskich. Z. 2. – Warszawa: Zasiłek Funduszu Kultury Narodowej, 1936.
135. Lietuvos Metrika. Knyga nr. 3: (1440–1498) / parengė L. Anužytė, A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 1998 (Kaunas: Aušra). – 166 p.
136. Lietuvos Metrika. Knyga nr. 4: (1479–1491) / parengė L. Anužytė. – Vilnius: Žara, 2004 (Kaunas: Spindulys). – 285 p.
137. Lietuvos Metrika. Knyga nr. 5: (1427–1506) / parengė E. Banionis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994. – 402 p.
138. Lietuvos Metrika. Knyga nr. 8: (1499–1514) / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 710 p.
139. Polechow S. Itinerarium wielkiego księcia litewskiego Witolda: 4/5 sierpnia 1392 – 27 października 1430 // Rocznik Lituanistyczny. – 2019. – №5. – S. 9–120.

Сведения об авторах:

Чурсин Дмитрий Игоревич – член Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории». E-mail: cizmandavid@gmail.com

УДК 94(47).03.(282.247.224)

V. Yakunina

CONFISCATION OF GOODS BY THE ORDER'S AUTHORITIES OF NARVA ON THE LIVONIAN-RUSSIAN BORDER IN THE 15TH CENTURY: THE ANALYSIS OF THE LEGAL AND EXECUTIVE PRACTICE*

Abstract: Narva was an important trade artery of the medieval Livonian-Russian trade space. Seeking the constant flow of goods from Russia, the town administration controlled quality of exported goods in order to prevent counterfeit and fake products from leaving Livonia, because this could lead to decrease of trade activity of the town and degradation of its welfare. Not only products of poor quality (most common counterfeit and fake products were honey, wine and wax) could be hold, but also goods those were prohibited for export to Russia, such as weapons or big horses. By using of materials from the Tallinn city archive (TLA, f. 230. BB-52, BD 8 I), the author reconstructs the mechanism of working with confiscated goods and attempts to find out their further fate, as well as determines degree of involvement of representatives of the Order and town administration in quality measurement of products and their confiscation.

Keywords: Narva, Livonian Order, bailiff (Vogt), confiscation, Livonian-Russian trade

В. А. Якунина. Конфискация товаров орденскими властями Нарвы на русско-ливонской границе в XV в: анализ судебной-исполнительной практики.

Аннотация: Важной торговой точкой средневекового русско-ливонского торгового пространства являлась Нарва. Заинтересованная в постоянном потоке товаров из России, администрация города следила за качеством экспортируемых товаров, с тем чтобы не допустить выхода фальсифицированной продукции за пределы Ливонии, поскольку это могло привести к снижению торговой активности города и ухудшению его благосостояния. Задержаны могли быть не только товары плохого качества (наиболее распространена была подделка меда, вина, воска), но и товары, запрещенные к экспорту в Россию, такие как оружие или крупные лошади. Опираясь на материалы из Таллиннского городского архива (TLA, f. 230. BB-52, BD 8 I) автор реконструирует механизм работы с конфискованными товарами и предпринимает попытку выяснить их дальнейшую судьбу, а также определяет степень участия представителей орденовой и городской администрации в определении качества продукции и ее изъятии.

Ключевые слова: Нарва, Ливонский орден, фогт, конфискация, мед, русско-ливонская торговля

Narva had a special place in the Livonian-Russian trade. It was not included into the Hansa [22, p. 23], but it strove for acceptance in league with [18, № 2040, 2153; 19, № 489, § 3]. But even without the Hanseatic privileges, the town drove a good trade with Novgorod and Pskov. The Hanseatic-Russian and Livonian-Russian trade, as well as Narva's participation in it, have been studied in details by both Russian and foreign historians (N. Kasakova [5-6], A. Horoshkevich [9-10], I. Kleinenberg [7-8], M. Bessudnova [1-2], P. Johansen [14-15], N. Angermann [11]). Also, different aspects of the relations between Reval and Narva in trade and military-political spheres got extra covered (A. Flötmann [12], S. Weede [30]), as well as the issue of the participation of the Order administration in trade affairs (J. Kreem [16-17]), but at that point, such a micro-plot as the mechanism of the Narva administration's dealing with confiscated goods and their afterlife was not presented, that gave occasion to write this study.

The source base of the research for us is, in the first instance, the materials stored in the fund 230 in the Tallinn City Archive (Tallinna Linnaarhiiv), in particular the letters of bailiffs (folder BB-52 I) and the town council (folder BD 8 II) of Narva to Reval. Also the published archival materials in the collections Liv-, -Esth- und Curländisches Urkundenbuch [18-21] in Middle Low German and documents about life of the German mission in Novgorod translated and published by M. B. Bessudnova [3] are used.

* This study is done with the support from the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

In the 15th century the key role in the management of Narva was played by representatives of the Livonian Order – the bailiffs, who were engaged in all fields of the town's life such as legal-administrative and trade-economic spheres. Protecting trade interests of Narva merchants, the bailiffs kept a close watch on the exchange of goods and strove to prevent overgrowth of business competition, which could result in reduced income. So, on May 20, 1429, the bailiff Tom Wolf von Sponheim wrote to Reval the following letter: «...часть ваших граждан и жителей торгуют на реке, именуемой Луга (Lawke), тогда как никто не имеет права торговать [там], кроме как служащих замка Нарвы и бюргеров, у которых есть письма от его королевской милости по этому поводу. В связи с этим <...> запретите вашим [людям], что бы они больше там не торговали» [29]. (... some of your citizens and inhabitants trade on the river called the Lawke (Luga river), while no one has the right to trade [there], except the employees of the castle of Narva and the burghers who have letters from his Royal Grace on this point. In this regard, < ... > forbid your [people] that they would no longer trade there»). It would be a real overstating to say that Reval fully complied with expectations of Narva's bailiffs. In reaction to the above-mentioned letter, the Reval town council informed that since olden days their town had rights and freedoms to trade up to Novgorod, and thereafter, their merchants on the Luga river had to be allowed to trade [20, № 7]. In this respect if verbal persuasion did not work, the bailiff could detain merchants who, in his opinion, violated any of the prohibitions or nibbled away at the privileges of Narva. As usual, merchants detained along with their goods were taken to the castle of Narva and stayed there until the conflict was resolved [23].

Taking care of a good reputation of Narva merchants, the bailiff actively clamped down on counterfeited goods entering Narva. Whereas honey [25, 27, 28] was most often of low quality, which next to salt was one of the prime goods imported to Novgorod [13, s. 316], the purchase of large lots of counterfeited goods and their next resale to Russians could lead to the loss of cooperation partners and potential purchasers. The purchase of honey by merchants from Narva was also made through Reval both by separate lots [25], and together with some other goods [27]. Considering the fact that during the 15th century a conflict took place between Livonian and Russian merchants about honey, wine and wax, specifically, sales by weight or volume [1, c. 201], so the quality of products was under close control.

Not only low-quality products could be prohibited for export, but also special goods falling within the category of strategically important items, most often this included weapons and horses [18, № 1964; 21, № 872]. In the middle of the 15th century, it was possible to export horses purchased in Livonia only against a special permit to the bailiff of Narva and payment of one ferding, “big” horses, i.e. suitable for use for military purposes, the bailiff of Narva had the right to block in. “новгородцу взять с судьи [фогта – прим. автора] те деньги, которые он дал за лошадь и судье взять лошадь; а без денег судье лошади не брать” [4, № 73] (“but in this case it was necessary for a Novgorodian to take from the bailiff the money that he gave for the horse and the bailiff could take this horse; and without money the bailiff could not take the horse”). However, if a merchant or someone else tried to hide the purchase of a horse and cross the border not entering Narva, the horse was seized without any compensation.

The operating principle of dealing with confiscated goods (if this product was not included into the embargo list) during the 15th century did not actually change and looked as follows: if necessary, the lot of goods delivered to Narva was checked for conformity of quality, usually by several experts from the town council [24], and if the quality was poor, this lot was placed into the Narva castle and banned for resale and use. The bailiff applied to Revel to find a bad supplier (if this was not known). However, even if the supplier was not found personally and could not be put to justice, the guilt was placed on the town council of that town the merchants came from, so the bailiff de-

manded from it to replace a product with the corresponding one [25].

It should also be stated that bailiffs detained in Narva not only goods exported to Russia, but also imported to Livonia [3, № 7]. . In December 1403, the merchants of Novgorod mission reported to Reval that the Novgorodians intended to send legation to the Livonian master to resolve multiple disputes, including *«и о товарах, что у них забрали в немецкой Нарве, а также по поводу произвола, который <...> им учинил фогт Нарвы»* [3, № 24]. (“about the goods that were taken from them in German Narva, as well as about lawlessness that <...> the bailiff of Narva made”). An interesting case is to be found in a letter dated July 6, 1412. One Russian Boris Kuzin took by force a German in Novgorod and put him into the storage space underneath, where he treated him harshly for eight days, because *«убытки же, которые Борис понес из-за нарвского фогта, он должен взыскать на ордене и на купцах»* [3, № 35] (“the losses Boris suffered because of the Narva bailiff, he must call to account for the Order and merchants”). Oftentimes, bailiffs refused to compensate for losses those the merchants suffered because of them as merchants said. So, on March 9, 1465 the merchants of German mission complained to Reval *«фогт Нарвы написал в Новгород и не выразил готовности выплатить по счетам деньги, которые русские взыскивали с купцов из-за ордена, что явилось несправедливостью в отношении купцов»* [3, № 69]. (“The bailiff of Narva wrote to Novgorod and did not express his willingness to pay money that Russians recovered from the merchants because of the Order resulting in an unfairness towards the merchants”). Unfortunately, we don’t find in the above letters any information about the reasons for the capture of Russian goods. It should be realized that often the goods were seized by the Order because of deteriorating political background or as a way of influencing on the business “partner”.

Most difficult for the researcher is to determine the fate of the seized property, because each case was the exception rather than the rule. So, in case of low-quality goods from Livonia, most often the bailiffs required the replacement: *«есть ли там кто-либо, кому это принадлежит и при этом [он] желает оставить [товар], пусть прибудет, потому что следует ему дать управу. Если вы не хотите ее дать, чтобы это таким образом было, тогда могли бы вы одного [из вас] к нам послать, который лучший товар, чем этот сейчас здесь [доставит]»* [25]. (“if there is anyone there who owns it, and [he] wants to leave [the product], let him come, because he should be given justice. If you don't want to give it that way, then you could send one [of you] to us who [will deliver] a better product than this one here now”). At the same time, we have a remarkable letter where the bailiff reports that, to his deepest regret, salt from Reval stored by his predecessors *«...в конечном счете исчезла и никто от нее пользы не получил»* [26]. (“...eventually disappeared and no one benefited from it”). By analyzing the data knowing to us, we can simulate several variants of the afterlife of the confiscated goods: the first and most common is the return to the owner with penalties, or to the town council where the merchant came from, followed by replacement with quality goods; the second one that can be traced only as exemplified by strategically important goods – is the legal alienation of property to the benefit of the Order in connection with the violation of transportation rules over the border; and, finally, the third – the “weird” vanishing of goods the afterlife of those is impossible to reconstruct.

Thus we see that the town administration, represented by the Order’s bailiffs and supported by the town council, controlled the quality of exported goods, because they got personally interested in a stable flow of goods through the town, and also on the lines of the decrees of the Livonian Order in an attempt to prevent leaving the counterfeited goods from Livonia, since this could lead to decreased trading activity of the town and degradation of its prosperity.

Библиографический список

1. Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. – М.: Квадрига, 2015. –488 с.
2. Бессуднова М.Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней

- трети XV века. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – 464 с.
3. Бессуднова М.Б. Корреспонденция новгородского Немецкого подворья из Таллиннского городского архива: 1346-1521. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. – 237 с.
 4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / ред. С.Н. Валк. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 409 с.
 5. Казакова Н.А. Русско-ганзейский договор 1514 г. // Вопросы историографии и источниковедения. – М.-Л., 1963. – С. 557-586.
 6. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI вв. – Л.: Наука, 1975. – 360 с.
 7. Клейненберг И. Э. Мероприятия Русского государства по укреплению нарвской границы в конце XV века // Военно-исторический журнал. – 1960. – №6. – С. 125-127.
 8. Клейненберг И. Э. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 3. – Л.: Наука, 1970. – С. 130-149.
 9. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV –XV веках. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 366 с.
 10. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI вв. – М.: Наука, 1980. – С. 131-168.
 11. Angermann N. Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. Und 17. Jahrhundert // Novgorod – Markt und Kontor der Hanse. – Köln: Böhlau Publ., 2002. – S. 97-115.
 12. Flöttmann A. Der Revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. – Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. – S. 111-136.
 13. Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg: L. Friederichsen, 1916. – 394 s.
 14. Johansen P. Der hansische Rußlandhandel, insbesondere nach Novgorod in kritischer Betrachtung // Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West. – Köln: Opaden, 1963. – S. 39-57.
 15. Johansen P. Der Prozeß des Erzbischofs Michael Hildebrand von Riga mit der Stadt Narva // Zeitschrift für Ostforschung. – Marburg: Herder-Institut, 1970. – Bd. 19, № 4. – S. 676-699.
 16. Kreem J. Stadt und Landesherr als Geschäftspartner. Die Handelsangelegenheiten in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und der Stadt Reval // Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. – Lüneburg: Carl Schirren Gesellschaft, 2003. – S. 93-112.
 17. Kreem J. The Town and Its Lord: Reval and the Teutonic Order (in the Fifteenth Century). – Tallinn: Ilo, 2002. – 213 p.
 18. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 1. Bd. 5. Reval, 1867.
 19. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 1. Bd. 7. Riga, Moskau, 1881.
 20. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 1. Bd. 8. Riga, Moskau, 1884.
 21. Liv, - Esth- und Curländisches Urkundenbuch Abt. 2. Bd. 1. Riga, Moskau, 1900.
 22. Selart A. Die kleine städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse // «Hansisch» oder «nicht-hansisch» das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse. – Wismar: Callidus, 2019. – S. 23.
 23. Tallinna Linnaarhiiv (Tallinn city archive, далее – TLA), f. 230. BB 52 I. Fol. 41.
 24. Tallinna Linnaarhiiv, 230. BD 8 II. Fol. 6, 12.
 25. TLA, 230. BB 52 I. Fol. 11.
 26. TLA, 230. BB 52 I. Fol. 15.
 27. TLA, 230. BB 52 I. Fol. 23.
 28. TLA, 230. BB 52 I. Fol. 24.
 29. TLA, 230. BB 52 I. Fol. 9.
 30. Weede S. Der Revaler Rußhandel im Mittelalter // Reval: Handel und Wandel vom 13. zum 20. Jahrhundert. – Lüneburg, 1997. – S. 87-110.

Сведения об авторе:

Якунина Валентина Андреевна – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. г. Великий Новгород, Россия. E-mail: valjajastrebova@mail.ru

УДК 94(474.2-5)

А.В. Ушаков

«НОВГОРОДСКИЕ ГОСТИ» ЛЮБЕКА В XV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА: КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ*

Аннотация: исследование «Русской Ганзы» сложно представить без привлечения зарубежных источников, составленных преимущественно на средненижненемецком языке, также именуемым «ганзейским диалектом». Развитие предпринимательской деятельности «новгородских гостей» Любека и особенности функционирования гильдии неразрывно связаны с развитием русско-ганзейских отношений в целом. Ввиду фрагментарности источниковой базы торговая активность «новгородских гостей» в XV–первой половине XVI века недостаточно представлена в исторической науке. Данное исследование обусловлено необходимостью увеличения количества привлекаемых к анализу источников, способных пролить свет на особенности развития корпорации в рассматриваемый период. Изучении подобных документов позволит сфокусироваться на проблемах организации гильдии, а также определить ее место в русско-ганзейской торговле.

Ключевые слова: «новгородские гости», русско-ганзейская торговля, Любек, Ревель, источниковедение

Ushakov A. V. "Nowgorodfahrer" from Lübeck in the 15th – first half of the 16th Centuries: Brief Source Analysis

Abstract: it's complicated to imagine the study of the "Russian Hansa" without foreign sources mainly in Middle Low German language that is also called the "Hanseatic dialect". The development of commercial activities of the "Nowgorodfahrer" of Lübeck and the features of guild's functioning are intimately connected with the development of Hanseatic-Russian relations taken as a whole. In view of the fragmentary source base, the trade activity of the "Nowgorodfahrer" in the 15th – first half of the 16th centuries is underrepresented in historical studies. This study is conditioned by the need to enlarge the number of sources involved to analysis that can provide insights into specifics of the corporation development in the affected period. The studying of such documents will make it possible to focus on problems of the guild structure, as well as to define its place in the Hanseatic-Russian trade.

Keywords: "Nowgorodfahrer", Hanseatic-Russian trade, Lübeck, Reval, source studies.

«Новгородские гости» представляли собой специализированную купеческую корпорацию, ориентированную на русский рынок и занимавшую важное место в восточно-балтийской торговле. Купцов гильдии связывали крепкие партнерские отношения с магистратами Любека и Ревеля (Таллинна) – двух участников Ганзейского союза, городские архивы которых сохранились до наших дней и доступны исследователю. Усиление роли «новгородских гостей» в русско-ганзейской торговле относится ко второй половине XV века, что, безусловно, связано с переходом контроля над Немецким подворьем в Новгороде и в целом русско-немецким товарообменом к ливонским городам – Риге, Ревелю и Дерпту (Тарту). Во многом благодаря «новгородским гостям» магистрат Любека сохранял возможность влиять на русско-ганзейскую торговлю, и в то же время купцы гильдии старались использовать авторитет любекских ратманов для достижения собственных интересов. В контексте своеобразной системы отношений, сложившейся между «новгородскими гостями» и магистратами Любека и Ревеля, а также, учитывая особенности русско-ганзейской торговли указанного периода, наиболее интересно рассмотреть специфику развития предпринимательской деятельности гильдии, характерные черты организации и механизмы функционирования, так как это позволит в очередной раз взглянуть на устройство Ганзейского союза изнутри.

История гильдии «новгородских гостей» XV–первой половины XVI века не часто попадала во внимание исследователей. Кратких описаний Н. Г. Райзенкампа [35, s. 62] и Л. К. Гетца [8, s. 227–229] явно недостаточно для создания полной картины, раскрывающей роль корпорации в восточно-балтийской торговле, а работы Э. Хардер-Герсдорфф [18, 19, 20] посвящены истории гильдии периода «Поздней Ганзы», то есть относятся ко времени кризиса и окончательного упадка торгового союза.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

Подобный недостаток обстоятельных исследований, по всей видимости, обусловлен фрагментарностью источниковой базы. Принимая во внимание наличие архива «новгородских гостей», хранящегося в архиве ганзейского города Любека, целью данной статьи является расширение круга источников путем поиска материалов, не входящих в данную коллекцию.

Изучение «Русской Ганзы» нельзя представить без собраний Таллиннского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv, TLA). Для настоящего исследования наиболее важна папка BE 14–IV, помимо прочего, содержащая письма «новгородских гостей» к советам Любека и Ревеля, а также к купцам новгородского Немецкого подворья. Большая часть документов из этой папки была опубликована в многотомных сборниках «Liv- Est- und Kurländisches Urkundenbuch» и «Hansisches Urkundenbuch», однако, письма, относящиеся к первой половине XVI века, на данный момент не обработаны. При этом не все документы из этой папки принадлежат «новгородским гостям». Четыре письма составлены от имени «купцов Немецкой Ганзы», находившихся в Нарве [37, fol. 3, 4, 5, 6], два из них переведены на русский язык и изданы М. Б. Бессудновой [2, № 62, 67]. Первые три документа относятся ко времени русско-ливонской войны 1480–1481 годов. В них купцы просили магистрат Ревеля прислать наемников и вооружения для обороны города, а также указывали ратманам на притязания ливонского магистрата Бернда фон дер Борха на принадлежавшее купцам серебро. В одном из источников сказано, что в Нарве пребывали лишь гезеллен (*kaufgesellen*) – торговые приказчики, совершавшие сделки с имуществом состоятельного купца от его имени. Не исключено, что упомянутые гезеллен работали на «новгородских гостей», имевших в Нарве свои товары, однако, прямых указаний на это нет, хотя торговые приказчики, торговавшие от имени купцов гильдии, в указанное время определенно могли быть в Нарве [17, № 458]. С четвертым письмом, относящимся к 1510 году, ситуация аналогичная. Согласно его содержанию, нарвский фогт арестовал товары ганзейских купцов в городе, а также корабли, идущие по Нарове. Никаких указаний на то, что среди упомянутых купцов были «новгородские гости» или их служащие, нет. Пятый документ из рассматриваемой коллекции, который сложно отнести к авторству купцов гильдии, содержит пересказ просьбы графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству. Граф надеялся на содействие ганзейцев его шкиперам и каперам, что было выгодно купцам, и потому, передав просьбу графа ревельскому совету, они рекомендовали ратманам поддерживать Филиппа фон Клеве ради общего блага, несмотря на общеганзейский запрет на сотрудничество с иностранными конкурентами [7]. Письмо составлено олдерменами всех купцов Немецкой Ганзы, пребывавшими в Антверпене. Никаких указаний на участие «новгородских гостей» в данной инициативе документ не содержит, однако, купцы гильдии имели коммерческие дела в Антверпене в указанный период [11, № 737] и могли быть к ней причастны. Принадлежность «новгородским гостям» остальных писем, представленных в папке BE 14–IV, очевидна.

Дискуссионным остается вопрос о первом появлении «новгородских гостей» в ганзейских источниках. Л. К. Гетц указал на то, что уже в 1373 году купцы гильдии являлись активными участниками русской торговли [8, s. 227–228]. В тексте пятой редакции новгородской шры – устава немецких купцов ганзейской конторы в Новгороде – упоминаются «новгородские гости» (*Naugardersvarers*) [38, V, § 137]. Причем В. Шлютер для ясности именно так транскрибировал данный термин из следующего фрагмента: «...пребывает... множество жалоб от «новгородских гостей» («...quam... vele klage van Nogarders varen») [22, № 1095]. По всей видимости, В. Шлютер прав, и приезжавшие в Новгород любекские купцы, указанные в данной статье устава, принадлежали к рассматриваемой гильдии. В таком случае остается неясным утверждение Э. Хардер-Герсдорфф, писавшей, что впервые «новгородские гости» появились в ганзейской переписке в 1409 году [18, s. 98]. Действительно, первый документ, подписанный «в присутствии нас, всех «новгородских гостей», в настоящее время пребывающих в Любеке» («*Bi uns gemeinen Novgardenvarer, nu tor tid to Lubeke wesende*»), относится к 22 апреля 1409 года и связан с участием любекских купцов в деле Бернда фон Вреде – несостоятельного торгового приказчика, заключившего кредитную сделку и покинувшего Новгород, оставив русского партнера без выплаты. «Новгородские гости» арестовали гезелле в Любеке до выяснения обстоятельств [23, № 1788; 31, № 243]. Последовало долгое разбирательство, в котором решалась судьба Бернда фон Вреде [23, № 1837; 15, № 954; 3, № 30, 32]. Очевидно, на момент начала XV века

гильдия занимала важное место в русско-ганзейской торговле, и время ее основания относится к более раннему периоду, однако, уточнить его на сегодняшний день не представляется возможным.

Значительная часть документов «новгородских гостей» связана с механизмом комплектования торговых судов наемниками [24, № 58, 60; 32, № 737; 33, № 679, 849, 850; 25, № 520; 26, № 49, 500, 503; 16, № 90, 604; 27, № 152; 37, fol. 9, 12; 10, № 335; 17, № 56, 571, 808; 12, № 435; 30, № 600]. Переписка олдерменов гильдии и магистратов Любека и Ревеля содержит множество сведений о специфике оплаты солдат, размере их жалования, количестве воинов на борту, а также о стоимости перевозимых на кораблях грузов. Противоборство пиратской угрозе занимало немаловажное место среди коммерческих расходов гильдии, и, стоит признать, при всем стремлении к сокращению сопутствующих торговле затрат, «новгородские гости» не жалели средств на обеспечение сохранности перевозимых товаров, что обусловлено их высокой ценностью, так как, согласно верному замечанию Э. Хардер-Герсдорфф, гильдия формировалась из наиболее влиятельных и солидных любекских купцов, которые привыкли вести масштабную торговлю [18, s. 99]. Несколько документов из данной категории использовались Л. К. Гетцем при описании корпорации [8, s. 228] и Ю. Кремом в статье, посвященной наемничеству в средневековой Ливонии и Ревеле в частности [21, s. 32–35], а также Т. Вольфом в статье о грузоподъемности ганзейских судов [39, s. 154, 171].

Затруднительно проследить роль гильдии в судьбе новгородского Немецкого подворья. Помимо того, что один из купцов корпорации, Рихард Ланге (*Richart Lange*) исполнял обязанности олдермена на подворье летом 1407 года, имеется письмо магистрата Любека к советам Ревеля и Дерпта с просьбой посодействовать назначению Генриха Патберга (*Hinrike Patberge*) на должность священника в церкви святого Петра [24, № 57]. Несмотря на то, что правом назначать священника обладали исключительно олдермены подворья, которыми могли являться лишь купцы Любека и Готланда, причастность «новгородских гостей» к судьбе Генриха Патберга доказать невозможно [6, с. 429].

Стоит признать, что магистрат Любека старался всячески отстаивать интересы «новгородских гостей». Наиболее ярко лояльность любекских ратманов к купцам гильдии прослеживается в контексте утверждения нового порядка фрахтования судов, проложенного корпорацией. Согласно ему, товары из Ревеля в Любек могли отправляться лишь на кораблях, зафрахтованных фрахтхерен из числа олдерменов гильдии, находившихся в Ревеле. Корабли не имели права заходить в иные порты, будь то Кенигсберг, Данциг или Стокгольм, а также товары, предназначавшиеся для сухопутной отправки в Нарву, Дерпт и Новгород, не могли быть вывезены в другие города [17, № 458]. Подобный порядок существенно ущемлял свободу ливонских купцов, в связи с чем ревельский совет старался препятствовать нововведению. Данная группа источников [17, № 477, 571, 747] красноречиво демонстрирует специфику взаимоотношений «новгородских гостей» и магистратов Любека и Ревеля.

Особый интерес представляют документы, касающиеся выплаты фунтовой пошлины (*punttoll*), особого сбора со всех пришедших в гавань кораблей и товаров на военные и другие нужды [36, s. 70]. «Новгородские гости» не раз выступали против введения фунтовой пошлины, так как это значительно увеличивало их затраты при торговле [26, № 88; 29, № 461; 37, fol. 11]. В 1516–1517 годах разгорелся конфликт между купцами гильдии и магистратом Ревеля по поводу нового счета по пунтцоллю, предоставленного ревельскими ратманами. «Новгородские гости» постатейно разобрали данный счет, указав на то, что по некоторым статьям они уже платили в 1498 году в связи с арестом ганзейских купцов после закрытия Немецкого подворья в Новгороде и прекращением торговли. По иным статьям «новгородские гости» попросту отказались платить, сославшись на то, что действия ливонцев не были одобрены на всеобщем ганзетаге, или же по отдельным спорным вопросам ревельцы не предоставили соответствующих доказательств [13, № 709; 14, № 44]. Ревельские ратманы в ответ на подобные обвинения справедливо заявили, что переговоры 1510 и 1514 годов по возобновлению русско-ганзейских отношений необходимо было произвести в кратчайшие сроки для всеобщего блага [14, № 54]. Действительно, ливонцы находились в затруднительной ситуации и были вынуждены действовать быстро, не дожидаясь одобрения других ганзейских городов [4]. Но в купеческих делах, особенно, когда речь шла о крупных суммах, а рассматриваемый эпизод, безусловно, относился к таковым, все должно было быть точно, в связи с чем претензии обеих сторон вполне обоснованы, и разобраться, кто прав в данном конфликте, затруднительно. При этом не стоит забывать, что в 1499

году магистрат Ревеля отказался пустить часть средств фунтовой пошлины на покрытие ряда расходов совета Дерпта, аргументируя свое решение тем, что «новгородские гости» не согласятся оплатить эти траты [28, № 826; 17, № 1150]. Можно наблюдать, конечно, со стороны ревельских ратманов умелое манипулирование чужими интересами ради собственной пользы, но то, что выплата гильдией фунтовой пошлины была важным поступлением в городскую казну, отрицать нельзя.

Документы «новгородских гостей» изобилуют антропологическим материалом. К примеру, касаясь вопроса берегового права средневекового Новгорода, темы достаточно дискуссионной [1; 5], в одной из жалоб «новгородских гостей» к магистрату Ревеля детально изложен механизм нападения русских на проходящие по Неве торговые суда [26, № 79]. Источник позволяет окунуться в повседневную жизнь ганзейского купца, полную рисков и опасностей. К проблеме применения берегового права в Балтийском регионе относятся также документы, описывающие ситуацию, когда судно шкипера Ханнеке Фроме (*Hanneke Vrome*) село на мель, а магистраты Любека и Ревеля попытались спасти корабль и товары [26, № 629, 633]. В очередной раз обратить взгляд на устройство Ганзейского союза и специфику его функционирования заставляют материалы, касающиеся конфликта «новгородских гостей» с олдерменами трех ревельских гильдий [9, № 832], или же разбирательства, производимого советом Стендаля, по поводу товаров, утраченных любекскими бургомистрами и купцами [34, № 341]. Так как основу источниковой базы «новгородских гостей» составляет купеческая, сугубо деловая переписка, в них читается своеобразная модель ганзейских купцов и некоторые особенности их мировоззрения, без анализа которых нельзя представить рядовых участников русско-ганзейской торговли.

Последние три письма относятся к начальному этапу Ливонской войны и датированы 1560 годом. В них «новгородские гости» жаловались магистрату Любека по поводу новых сборов, учрежденных советом Ревеля, для ремонта городского больверка и других оборонительных сооружений, что было крайне невыгодно любекским купцам. Помимо этого, ревельские ратманы распорядились взвешивать как завозимые в город, так и вывозимые из него товары дважды, каждый раз взимая соответствующую пошлину, что противоречило старине и не устраивало любечан. В контексте расширения торговой кооперации ганзейских купцов, а также перемен в организации торговли, данные документы интересны с точки зрения восприятия «новгородскими гостями» роли гезеллен при осуществлении товарообмена. Если в конце XV века купцы гильдии противились расширению прав торговых приказчиков [17, № 593], в начале XVI века судились с неким посредником Иоахимом Шумахером (*Joachim Schomaker*) [29, № 227], то в середине столетия они отстаивали интересы гезеллен, защищая их право на торговлю без непредусмотренных обычаем пошлин и поборов, однако, нельзя сказать, касалось ли это заступничество самостоятельной торговли гезеллен. Несмотря на это, есть все основания полагать, что «новгородские гости» весьма объективно воспринимали изменения в политической ситуации на Балтике и в организации предпринимательской деятельности и были готовы к пересмотру устоявшихся традиционных норм ради получения наибольшей выгоды.

Изучение развития гильдии «новгородских гостей» в XV–первой половине XVI века усложняет необходимость расширения источниковой базы, ввиду отсутствия единых комплексов материалов, освещающих специфику функционирования гильдии. Помимо коллекции «новгородских гостей», хранящейся в городском архиве Любека, документы корпорации пришлось собирать по крупицам, отыскивая их в опубликованных и неопубликованных собраниях. Несмотря на свою фрагментарность, представленные выше источники позволяют выявить ряд проблем, достойных исследования, будь то, к примеру, механизм комплектования купеческих судов наемниками или характерные черты взаимодействия гильдии с магистратом Ревеля. Так как представленные документы выполнены на средненижненемецком языке с редкими вкраплениями латыни, их перевод позволит расширить имеющиеся представления о «Русской Ганзе», а дальнейшее изучение заставит в очередной раз обратиться к особенностям функционирования русско-ганзейской торговли накануне Нового времени. Так как «новгородские гости» занимали важное место в восточно-балтийском товарообмене, исследование предпринимательской активности гильдии путем проработки погруженных в исторический контекст микросюжетов с последующим их объединением в отдельную концепцию позволит выявить

состоятельность или несостоятельность имеющихся в историографии выводов, касающихся торговли на Востоке Балтике в рассматриваемый период.

Библиографический список

1. Бессуднова М. Б. Береговое право средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // Новгородский исторический сборник. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015. № 15 (25). С. 135–147.
2. Бессуднова М. Б. Первая ливонская война. 1480–1481 гг. Документы. СПб.: Евразия, 2019. 312 с.
3. Бессуднова М. Б. Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346 – 1521 годы. Письма и материалы. СПб.: Евразия, 2019. 288 с.
4. Казакова Н. А. Русско-ганзейский договор 1514 года // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., Л.: Издательство АН СССР, 1963. С. 557–586.
5. Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X – XII вв. берегового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 2. С. 158–161.
6. Ушаков А. В. К вопросу об идентификации «новгородских гостей» Любека в ганзейских источниках // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2021. С. 428–430.
7. Ушаков А. В. Обращение графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству: к вопросу «авантюрной торговли» на Балтике конца XV века (по материалам Таллиннского городского архива) // Vita Memoriae: Теория и практика исторических исследований. Нижний Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2021. С. 29–31.
8. Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. 572 s.
9. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 2. Bd. 5. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1888. 647 s.
10. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 2. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1883. 687 s.
11. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 3. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1888. 590 s.
12. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 5. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1899. 785 s.
13. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1883. 863 s.
14. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 7. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1905. 941 s.
15. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 5. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1899. 639 s.
16. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 9. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1903. 751 s.
17. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 11. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1916. 899 s.
18. Harder- Gersdorff E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs // Hansische Geschichtsblätter. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. Bd. 120. S. 97–147.
19. Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert (Ersten Teil) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1961. Bd. 41. S. 43–114.
20. Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert (Zweiter Teil) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1962. Bd. 42. S. 5–54.
21. Kreem J. The Business of War: Mercenary Market and Organisation in Reval in the Fifteenth and early Sixteenth centuries // Scandinavian Economic History Review. Odense: University Press of Southern Denmark, 2001. Bd. 49 (2). P. 26–42.
22. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch Ab. 1. Bd. 3. Reval, 1857. 800 s.
23. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch Ab. 1. Bd. 4. Reval, 1859. 948 s.

24. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 8. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. 687 s.
25. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 11. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1905. 783 s.
26. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 12. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1912. 542 s.
27. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 840 s.
28. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1900. 900 s.
29. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 2. Bd. 2. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1905. 760 s.
30. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 2. Bd. 3. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1914. 827 s.
31. Lübeckisches Urkundenbuch. Bd. 5. Lübeck: Ferdinand Grautoff, 1875. 836 s.
32. Lübeckisches Urkundenbuch. Bd. 8. Lübeck: Edmund Schmersahl, 1889. 884 s.
33. Lübeckisches Urkundenbuch. Bd. 9. Lübeck: Edmund Schmersahl, 1893. 1023 s.
34. Lübeckisches Urkundenbuch. Bd. 11. Lübeck: Lübeck & Nöhring, 1905. 765 s.
35. *Reisenkampff N. G.* Die Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schließung durch Iwan Wasiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat: Schünmann's Wittwe & C. Mattiesen, 1854. 129 s.
36. *Sarnowsky J.* The „Golden Age“ of the Hanseatic League / A Companion to the Hanseatic League. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 64–100.
37. Tallinna Linnaarchiv, f. 230. BE 14–IV. fol. 2–20.
38. *Schlüter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. 145 s.
39. *Wolf T.* Tragfähigkeiten, Ladungen und Maße im Schiffsverkehr der Hanse. Köln; Wien: Böhlau 1986. 246 s.

Сведения об авторе:

Ушаков Артем Владимирович – магистрант 2-го курса обучения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 173003, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. г. Великий Новгород, Россия. E-mail: demiardo13@gmail.com

“PAGES” OF TRANSILVANIAN HISTORY OF THE END OF MEDIEVALTY AND THE BEGINNING OF THE NEW TIMES (15TH AND 17TH CENTURIES) ACCORDING TO THE RUSSIAN SOURCES

Abstract: Transylvania In the end of the Middle Ages - the beginning of the new time was between the Hungarian kingdom, the principalities of Valahia and Moldova, Galitskaya Rusy as part of the Polish kingdom and the growing Ottoman Empire. In the XV century He headed her princes of governors from Valashine Dracula, in the XVII century. - Hungarian clan Racots. In 1482, in search of allies Ivan III sends a diplomatic mission to the courtyards of the King of Hungary Matyas Korvin and the Lord of Moldova Stephen Great. On the way from Buda to Iasi, the Dyack of the Embassy Order Fedor Kuritsyn drove Transylvania, collecting stories about the recently dead prince Vlad IV Dracula. The second source represents the "diary" of the famous mercenary and commander of the 2nd half of the XVII century. Patrick Gordon, Scots by origin, but the Swedish, Polish, and then the Russian service. He gave the most detailed and reliable description of the camist of Transylvanians and Cossacks led by Prince Dierem II Rakoki to help the Swedish king Karl X Gustavu, as well as its causes and consequences. The value of both sources is that their authors recorded information about the events for fresh traces, and were their witnesses and participants.

Keywords: Transylvania, Dracula, Rakoki, Patrick Gordon, Russian sources

Е.А. Шинаков. Страницы истории Трансильвании конца Средневековья – начала Нового времени (XV и XVII вв.) в источниках российского происхождения

Аннотация: Трансильвания, или Семиградье – исторический многонациональный регион на стыке Юго-Восточной и Центральной Европы. В конце средневековья – начале нового времени он оказался между Венгерским королевством, княжествами Валахия и Молдова, Галицкой Русью в составе Польского королевства и растущей Османской империей. В XV в. он находился под сюзеренитетом Венгрии, в XVII в. – империи Османов, но в их составе сохранял автономию (самоуправление, внутренний суверенитет и элементы самостоятельности во внешней политике). В XV в. во главе её находились князья-воеводы из валайского рода Дракула («Дракон»), в XVII в. – венгерского клана Ракоци (в XVI же веке ей правил известный полководец Иштван Батори, ставший королем Речи Посполитой под именем Стефана Батория). Уже это имя связывает историю Семиградья и России – вспомним конец Ливонской войны. Впрочем, будучи отдаленным от России, это край и до, и после Ливонской войны привлекал внимание нашей дипломатии и нашёл отражение в источниках российского происхождения. В последней трети XV в. это было связано с выходом России на историческую арену, особенно после женитьбы Ивана III на Софии Палеолог и присоединения Новгородской земли. В середине XVII в. Россия совершила новый скачок на Запад, присоединив при Алексее Михайловиче Запорожское Гетманство – историческое ядро Украины. В 1482 г. в поисках союзников в предстоявшей борьбе с Великим княжеством Литовским и Польшей за власть над всеми русскими землями Иван III посылает дипломатическую миссию ко дворам короля Венгрии Матиаша (Матвея) Корвина и господаря Молдовы Стефана Великого (отца невестки Ивана III Елены). На пути из Буды в Яссы дьяк посольского приказа Федор Курицын проехал через Трансильванию, собрав рассказы (возможно, часть он слышал при венгерском и молдавском дворах) о недавно умершем ее князе Владе IV Дракуле, которые были обработаны монахом Ефросином и увидели свет уже в 1486 г. Так появился первый русский источник о событиях в Семиградье. Второй источник представляет «Дневник» знаменитого наемника и военачальника 2-й половины XVII в. Патрика Гордона, шотландца по происхождению, но шведской, польской, а затем российской службы. Написанный и впервые частично изданный на английском языке, он обрабатывался и большей частью создавался на территории России. Имеет отношение и к Деснинскому региону, в котором начинал после поступления на русскую службу в 1661 г. и перехода в российское подданство (до этого он сохранял британское) свою карьеру в качестве командира пограничного полка, расквартированного в Брянске, Трубчевске, Новгороде-Северском. К сожалению, дневник сохранился и опубликован только частично, причем в разных странах и на разных языках. К счастью, страницы, посвященные участию Гордона в событиях «Польского потопа», в котором он воевал на разных сторонах, сохранились и опубликованы полностью. Он дал наиболее подробное и достоверное описание похода трансильванцев и казаков во главе с князем Дьердем II Ракоци на помощь шведскому королю Карлу X Густаву, а также его причин и последствий. Российский (да и турецкий) интерес к этим событиям заключался в том, что и Ракоци, и казачий гетман Богдан Хмельницкий явно превысил полномочия, вступив в войну против Речи Посполитой без «высочайшего соизволения» своих российского и османского сюзеренов. Планы турецкого вассала Ракоци по примеру другого трансильванца – Иштвана Батори – стать независимым от Высой Порты польским королем -явно не устраивали султана. Что же касается России, то она как раз тогда прервала свою войну с Речью Посполитой, заключив с ней перемирие и начав войну со Швецией. Недовольство Алексея Михайловича своеволием престарелого гетмана было перенесено и на князя Семиградья, и поэтому он не ответил на просьбу последнего о помощи после поражения в Польше и сожжения та-

тарами его столицы Дьюлафехервара (ныне Альба-Юлия). Ценность обоих источников не только в том, что их авторы записывали сведения о произошедших событиях по свежим следам, а то и были их свидетелями и участниками, но и в подчеркнутой непредвзятости. Автор «Повести о Дракуле» не осуждает героя своего повествования, просто излагая факты. Он даже хвалит его за справедливое, равное (хотя и равно жестокое) отношение к простолюдинам и знати, за борьбу за нравственность (опять же – жестокими методами), непримиримую борьбу с неверными за православную веру. А осуждает только за одно – переход в конце жизни в католицизм. Объективность, скрупулезность (иногда даже излишняя) описания, отсутствие тенденциозности, зато наличие профессионализма и последующего глубокого анализ причин и следствий событий, отличает и повествование Патрика Гордона. В данной статье представлены материалы докладов, прочитанных на ежегодной международной конференции «Межэтнические отношения в Трансильвании» в 2017 и 2019 гг. в Сибии (быв. Германиштадт) рядом научно-культурных учреждений этого крупного по трансильванским масштабам города при поддержке Департамента межэтнических отношений Правительства Румынии. Тезисы второго доклада для данной статьи расширены, по докладу опубликована отдельная статья¹. Перевод на английский сделан автором и А.В. Федосовым, карты по материалам автора подготовил А.А. Чубур.

Ключевые слова: Трансильвания, Дракула, Ракоци, Патрик Гордон, русские источники.

1. Military aspects of Dracula's activity according to the russian source of the end of XV century

Fig.1. Left is the most famous portrait of Vlad Dracula. Right portrait of Dracula in full growth stored in the Art Museum of Zurich [8].

The history of intercourse, including military one, of Wallachia and Moldavia with Russia goes back centuries. In the fifteenth century Grand Prince and Gospodar of All Rus' (a Wallachian title) Ivan III married his son Ivan to Stephen the Great daughter Elena Voloshanka, and concluded an alliance with Matthias Corvinus of Hungary - the liege of Vlad the Impaler. It explains the enhanced interest of the Russian chroniclers to the Danubian Principalities. In the beginning of the 1490-s monk Ephrosin of the Cyrill-Belozersk monastery wrote "A Story of the Muntenian Voivode Vlad Dracula" (hereinafter "Story...") [1; 6; 7; 17].

The author, who finished his work with February 13, 6994 AM, or 1486 AD, was a skilled and informed writer. He participated in the writing of the story about the major military event in the

¹ Shinakov E, Golovko I. Participation of Transylvania in the Polish-Swedish war in 1657 (according to Patrick Gordon's diary) // Relații Interetnice în Transilvania Militaria Mediaevală în Europa centrală și de sud-est. Sibiu, 2020.P.83-92.

Russian history of the fourteenth century - the Battle of Kulikovo, and also copied “The Wandering of Hegumen Daniil to Jerusalem and back” (twelfth century) and even Joseph Flavius’s “The Jewish War”. It means, Ephrosin was not only literary talented, but also possessed a wide geographical and military scope, and, what is more important, he wrote short after Dracula’s death and had good informers in the “junior court” of heir Ivan and his wife Elena Voloshanka. He couldn’t mutilate and falsify the real events, because his work could have been read by Grand Prince Ivan III the Terrible or the Great himself (Ivan IV got these nicknames for the second time). One of the informers was Fyodor Kuritsin, whom some scholars also call the real author of this “Story...”. In 1482 Kuritsin was sent to Matthias Corvinus, and then - to Stephen the Great to conduct negotiations about alliance and dynastic marriage. In this case, Ephrosin was only an editor and a copier of the information, which Kuritsin had collected hot on the traces in Hungary and Moldavia [4].

In this work the activities of Vlad Dracula, including severe penalties for high treason and for lesser crimes, are given a moral and political esteem. But we are more interested in how the Russian-Orthodox publicistic and historical thought reflected the military activity of the close territorial and mental neighbour. Ephrosin gives detailed description of the military activity of the Muntenian voivode and Wallachian Gospodar.

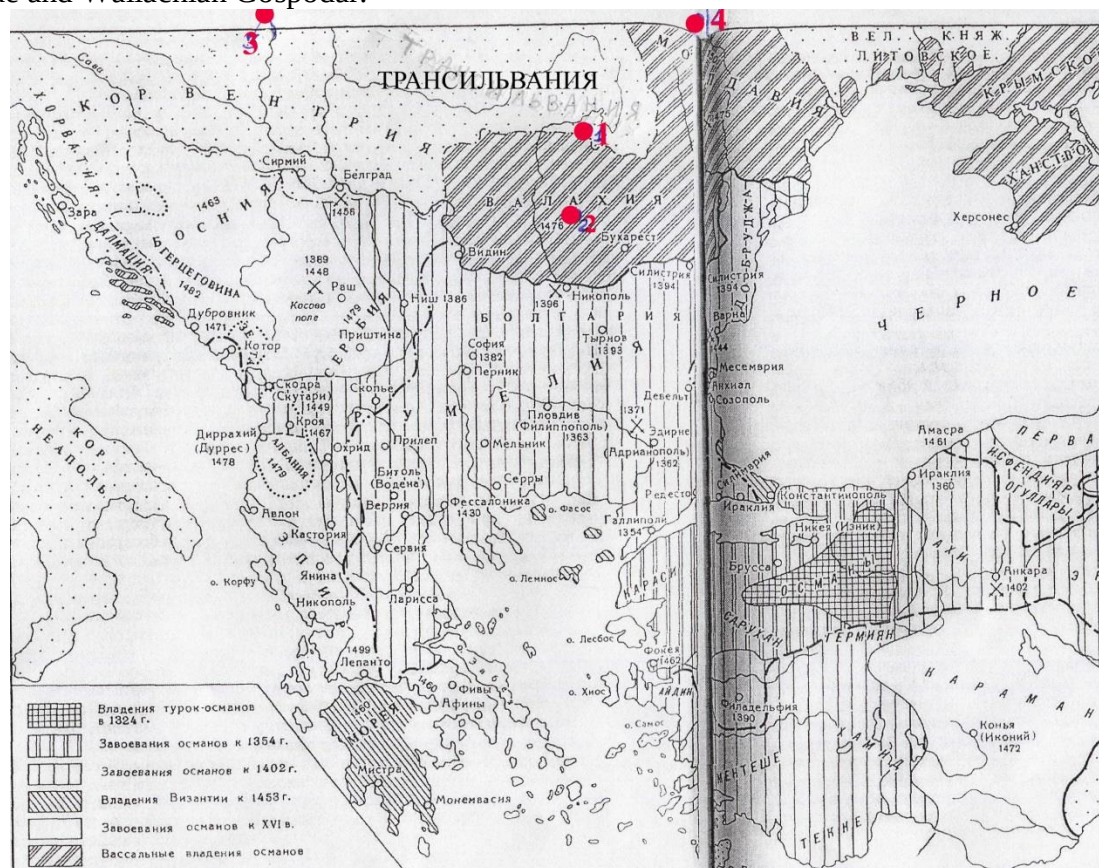

Fig.2. 1 - Bran Castle, Dracula Residence in Transylvania; 2 - Targovishte - the capital of the Munts and Valahia; 3 - the capital of Hungary at Matyas Korvin - Buda; 4 - the capital of the Principality of Moldavia in Stephana Great – Iasi. (по [3]).

1. The first encounter with the Ottomans, according to Ephrosin, was provoked by Dracula himself, ordering to nail the headwear (“kapa”) of the Ottoman ambassadors to their own heads, after they refused to bare heads before him. After that he waited for the Ottoman army invading his country, and then, with only a small army, attacked it and slaughtered many of them. During these events he showed his ruthlessness and knowledge of warriors’ psychology. He ordered to honour

those, who had wounds on the front side of the body and execute those with wounds on their backs. For further campaign he enlisted only volunteers. When Sultan (Mehmed II) found it out, he ordered to retreat. It seems, that the event described was The Night Attack at Târgoviște (June 17-18 1462).

2. During the second military conflict with the Ottomans, Dracula, according to the author of the Russian "Story...", deceived Sultan and invaded Bulgaria - a part of the Ottoman Empire back then. The Ottomans had used the military forces of such "vassals" before, for example, in 1396 the cavalry of the Serbian Prince Stephen Lazarevich fought alongside with the Ottomans against the Crusaders at Nicopolis, and in 1405 - against Timur-Tamerlane at Ankara, where it was one of the most die-hard and persistent part of the army. And in 1461 the Ottomans fought with the Empire of Trebizond, the Turkmen state Aq Qoyunlu and the Karamanids [История Востока. 4: II. С. 503]. Wallachian warriors could have been useful at these wars, and so Vlad Dracula could use this excuse to invade Bulgaria. Anyway, according to the "Story...", his fraud worked well. Dracula's forces peacefully were marching on Bulgaria for five days, when they suddenly started to capture and burn towns and villages, slaughtering all Muslims, including infants. This event really took place in January 1462, before the invasion of the Sultan's army of Wallachia, which was a response to the Dracula's assault on Bulgaria. This assault had to intimidate the Muslims, and not only the Ottomans, but also the Bulgarians, converted to Islam. Another goal was to loot and capture Bulgarian Christians to settle them in Muntenia.

Describing these events in the letter of February 2, 1462 to Matthias Corvinus, Dracula mentions 23 884 killed Ottomans and Bulgarians, and underlines that the main goals of the assault were to enhance the glory of the King of Hungary and to save the Christian world. He also asks Corvinus for military support, which was granted, but rather moderate one - the King sent only Hungarian garrisons of Kiliya and Belgrad. Eventually, even though Sultan Mehmed II left Wallachia, he left there his puppet Radu, and Dracula had to seek ways to flee.

Fig.3. Siege of Temesvár, 1552 Turkish art, Islamic paintings.

3. The third military event is connected with the Catholics. Dracula impaled a Catholic monk, an ambassador of the King of Hungary, for condemning the cruelty of the Wallachian ruler towards his subjects. Matthias Corvinus invaded Wallachia and there happened a short battle, which is not mentioned in other sources.

Dracula was betrayed by his own people. In reality Matthias Corvinus led his army to Braşov to prevent the Ottoman invasion of Transylvania, and Dracula surrendered to him himself through the mediation of the Slovak allies, which had been sent by the Hungarian King in 1462. But Fyodor Kuritsin got information about the encounter between the Wallachians and Hungarians from somewhere.

Then a twelve-year imprisonment of Dracula in Vyşyhrad is described. At first he was kept in prison, and then - in a town house. Here he too showed his features, like sadism, willfulness and fearlessness. During this time Wallachia was governed by a new Voivode, appointed by Matthias Corvinus, though it is not clear, whether it was the Ottoman puppet Radu or another person.

But here begin the differences between the Russian “Story of the Muntenian Voivode Vlad Dracula” and other sources, which claim Dracula died in prison. According to “Story...”, he converted to Catholicism and, in return, was granted the Voivodeship of Wallachia once again by the King of Hungary and also married Matthias Corvinus’s sister, who bore him two sons, and after that ruled in Muntenia for another ten years. It gave reason to connect another military event with him and his death. It happened 22 years after, in 1484, which couldn’t have been real, for since 1481 Wallachia had been ruled by a new Gospodar – Vlad IV the Monk, an appointee of Stephen of Moldavia.

It was another battle with the Ottomans, which invaded Wallachia once again (in reality there was a campaign against Moldavia at these years). Dracula secured a flawless victory with the help of cavalry, which chased and eliminated the defeated without any mercy. Dracula, being glad and bold, climbed atop a hill to watch the slaughter. But his fellow-in-arms somehow mistook him for an Ottoman and started to stab him with spears. He defended with his sword, killed five of them, but eventually was killed himself.

Summing up the views and ideas of the author of “A Story of the Muntenian Voivode Vlad Dracula” or his informer on the personality and activities of Vlad Dracula in military sphere, we can specify the following:

1. His military campaigns against the Ottomans and Muslims on the whole get a high level of approval, though his unexpected ruthlessness (executions of infants) is also mentioned.
2. His “cruel justice” towards his own allegedly coward warriors is not condemned, for it makes enemies fear and increases the morale of the brave.
3. Dracula’s personal bravery and generalship are specified, as well as his peculiar grim humour.
4. His equal attitude towards all classes of the Wallachian society and foreigners, regardless of faith, is approved.
5. The inevitability of punishment (though not its excessive severeness), even for simply immoral actions, is a model to emulate. Here, perhaps, the monk status of the author played its role. That is why, though the image of Dracula is rather controversial, at large he is shown as a model of ruler to emulate. The worst deed of Dracula, apart from his sadism, was his conversion to “Latin” faith - Catholicism – in exchange for power.

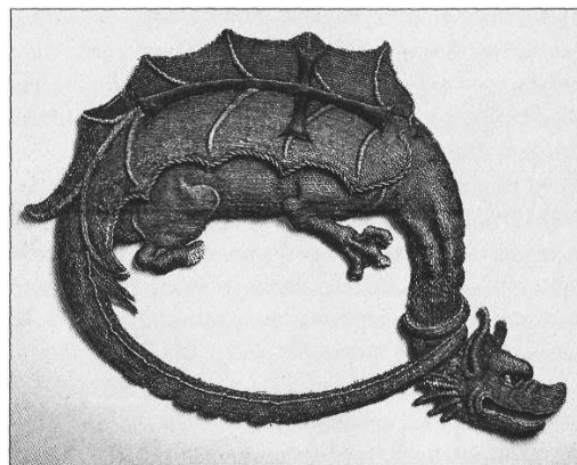

Fig.4. The emblem of the Order of the Dragon
Putting the Dracula nickname [8]

Fig.5. The Governor of Transylvania Yanke (Lanta) Hunedoara. Heraldic black dragons and red lions on the shield appear attention. The miniature from the collection of E. Shinakov.

Fig. 6. Hunedoara's castle is a residence of the Governor of Transylvania Yanke (Lanta), which was ruled in the middle of the 15th century on behalf of Matyas Korvin. It is also considered the royal residence (Photo E. Shinakov, 2015).

II. Transylvanian participation in the military campaign of 1657 in Poland, its causes and consequences (basing on Patrick Gordon's "Diary")

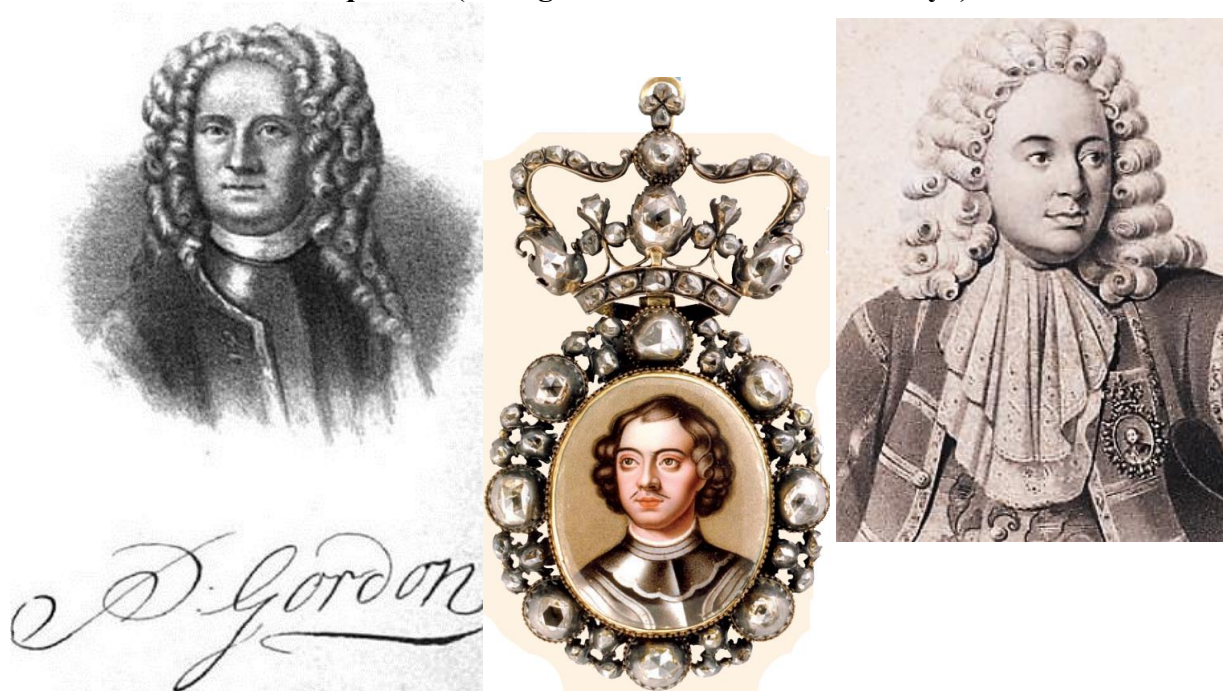

Fig.7. Patrik Gordon and the print of Patrik Gordon with the awarding enamel portrait of Peter the Great. Type of artist G. Kneller.

Patrick Gordon was a prominent military commander of the second half of the eighteenth century and an author of the "Diary", one of the most valuable source in the political and military history of Central and Eastern Europe of that time [12]. In his later life Gordon became a Russian general, one of the most valuable associates of Peter the Great and the founder of the new Russian regular westernized/Europeanized army. He started his military career in Poland, where he served in the Swedish army during the infamous "Deluge" in 1655. Being captured, he was in the army of the Polish-Lithuanian Commonwealth, and in 1661 he came over to Russian side and became a Russian subject (while he served the Swedes and the Poles, he kept his British allegiance), and lived there till his death in 1699. He left the records about all these events, which he made, checked, corrected and complemented with the original documents till his death. That is why his "Diary" is a valuable, authentic and elaborated source for historians of different countries. It was quoted since the eighteenth century, and though it was written in English (although the author himself was the offspring of a noble Scottish family), its parts were translated into Russian, German and Scottish (Scots).

Patrick Gordon defended the borders of the Bryansk-Sevsk region from the incursion of the Crimean Tatars as a commander of the regiment, deployed in Bryansk, Trubchevsk, Novgorod-Seversky and other sites along the Desna river [14; 15]. He was promoted to general and made a governor of Kiev in recognition of his leading the Russian troops against the Turks and Hetman Doroshenko in 1677-78 at Chyhyryn. The parts of the "Diary" dedicated to the "Swedish Deluge" in Poland are considered the most objective, detailed and unique, because he took part in those events on different sides of the conflict [9].

For instance, he describes the participation of the troops of the Transylvanian Prince Rakoczi on the side of Sweden, Brandenburg and the Ukrainian Hetmanship of Bogdan Khmelnytsky against Poland, since the negotiations of 1656 on the military alliance and its terms and till the re-

treat of the Transylvanian troops in the end of 1657 [2; 15]. The main reason for Rakoczi's participation in the anti-Polish war were his claims on the Polish crown, which are reflected in his "Manifesto", quoted by Gordon, which was accepted by the king of Sweden and prince-elector of Brandenburg - duke of Prussia. The most important event was the conquest of Warsaw by the Swedish and Transylvanian armies (the latter surpassed the former and consisted of 36 000 international soldiers) [16].

Fig.8. I.The probable direction of the route from the south border till Pinczow (Pinchuv) and Krakow. II.The part of the march till joining with the king Karl X Gustav's army in Miedziebeze near Sandomierz. III.The "offensive" part of the Rakoczi's march in consolidation with the Swedish troops from Miedziebeze till Warsaw. IV.The route of the retreat of the main part of the Transilvanian army (without the garrisons of Krakow and Brest) from Warsaw till the Podolian boundary. V.The probable pathway of George II Rakoczi accompanied by 1500 warriors and Polish convoy to the Rzeczpospolita frontier. VI.The route of the rest of Transilvanifn's army under Kemeni command after the Cossacks and Moldavian's detachments, also – Rakoczi's leaving it to the point of capitulation and then –to the Crimean prison. On the map the key-points of the Transilvanian march mentioned by Gordon are marked with the Arab figures. 1 –Pinczow(Pinchuv); 2- Zawichost; 3- Kozienice; 4 –Wegrow; 5- Mezeboze.

King Karl understood the importance of the Transylvanian participation that is why even in the key strategical cities like Krakow and Brest-Litovsky the Transylvanian garrisons were deployed. Also, Gordon describes the reasons for the retreat of both the Swedes and Transylvanians (due to the rally against Sweden of the Holy Roman Empire and "the king of Hungary and Bohemia", of Denmark and the Crimea Khanate, while the war with Russia was low-grade), the reasons for heavy losses of the "Hungarians" from the Crimean Tatars (treason and withdrawal of the Cossacks and the Moldavian infantry) etc. Analyzing the course of the events, Gordon names the main reason for the departure of Moldavians and Cossacks –unwillingness to fight against the Crimean Tatars. There were other reasons for the elderly hetman of Ukraine: resentment against Rákóczi for the fact that in Brest, which the hetman already considered his own, it was not a Cossack but a Hungarian garrison. Besides, Khmelnytsky needed a strong patron [10; 11; 13] and when Carl X left Poland and Rákóczi began to suffer defeats, he ceased to be necessary to him [16]. The

Ottoman Empire stood behind the Tatars but the Sultan did not want to strengthen the independence of Transylvania if their prince also became the king of the Commonwealth. “The Turks will not allow the Transylvanian to consolidate his power and power in this way,” Gordon writes.

Fig.9. Jerzy_II_Rakoczy ang his soldiers

Fig.10. The castle of Mezeboze in Podolia – the “turning point” of march under the command of general Kemeni.

Moscow (legally - overlord of the hetman) was then still in a state of truce with Poland and, albeit rather formal, but the war with Sweden. On September 25, at the request of the Turkish ambassadors, the State Assembly deposed Gyorgy II Rákóczi and elected a new prince, Ferenc Redey. But the first continued the struggle which caused the invasion and ruin of the capital – Alba Julia - Tatar-Moldavian-Cossack detachments and the payment of indemnity and tax to the Ottoman Empire. In November 1659, Rákóczi turned to Alexei Mikhailovich with a request for an alliance [5], but the letter was sent until the beginning of 1660, and in April a new Tatar-Cossack invasion of Transylvania began. On June 7, the prince died from wounds received at the Battle of Saxfenesh. Transylvania became a direct vassal of the Ottoman Empire until the battle of Zent in 1697, when

Eugene of Savoy inflicted a crushing defeat on the Turks. The year before the Russian troops led by Tsar Peter and General Patrick Gordon took the Turkish fortress of Azov and although for a while opened the way for Russia to the Sea of Azov [18].

References

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (акты Южной и Западной России). СПб., 1863 – 1892. Т.3,4,7, 11.
2. Докоменти Богдана Хмельницкого, 1648 – 1657. Київ, 1961.
3. История Востока в шести томах. Т. II. Восток в Средние века. М.: Восточная литература, 2009.
4. История русской литературы X–XVII веков. Под ред. Д.С. Лихачева и др. М.: Просвещение, 1980.
5. Перевод письма Ракоци к Алексею Михайловичу//Исторические связи народов СССР и Румынии в XV–начале XVIII в. Документы и материалы. В трех томах. М., 1968. Т.2. 1633-1673. С. 314-315.
6. Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я.С. Лурье. М.; Л., 1964.
7. Повесть о мутьянском воеводе Дракуле//Древняя русская литература. Хрестоматия. Изд. 2-е, дополненное. Сост. Н.И. Прокофьев. М.: Просвещение, 1988.
8. Эрлихман В. Граф Дракула: человек-загадка. М.: Вече, 2014.
9. Dukes P. Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters //Scottish Slavonic Review. 1988. №10.
10. Erdelei orszaggyulei Emlekek. Monumenta comitialia Transsylvaniae, 1540-1699. Szerk. S. Szilagyi. Vol.11. Bp., 1875 -1898.
11. Erdely es az eszakkeleti haboru. Levelek es okiratok//Kozzelette S.Szilagyi. Bp., 1890.I.kot; Bp., 1891.II kot.
12. Gordon Patrick. Diary 1635–1659. Перевол, статья и примечания: Д.Г. Федосова. М. Военно-исторический архив РФ, Российская академия наук, 2001.
13. Khavanova O.V. The Foreign policy of the Principality of Transylvania in the context of international relations in the middle of the 17th century// Russian and Ukranian Diplomacy in Eurasia: 50th years of XVIIth century. By red. B.N. Floria and others. Moscow: Institute of Slavic Investigation RAofS, 2000. P.133–150.
14. Konovalov S. (ed.) Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. XI.
15. Konovalov S. (ed.) Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Oxford Slavonic Papers. 1967. Vol. XIII
16. Szilagyi S.II. Rakoczi Gzorgy, 1621 1660. Bp., 1891.
17. The State archives of the ancient acts of RF – Fund 9,11, 142,150, 158,159,210.
18. The State military-historic archives of Russian Federation(Moscow). Fund 846. Description list 15. The units of keeping 1-6.

Сведения об авторе:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, проф. каф. Отечественной истории, директор научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. Shinakov@mail.ru

Историография

УДК 908 (470.332/333)

А.А. Чубур

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ ПАЛЕОЛИТА: УЧЕНЫЙ ХОРОВОД ВОКРУГ ГАМКОВСКИХ НОСОРОГОВ

Аннотация: В статье излагается история изучения местонахождения плейстоценовой фауны Гамково (Смоленская область) и поисков там следов палеолита в 1910-1953 гг. Даются краткие биографические очерки основных участников событий. Впервые публикуется ряд документов, в том числе полевой дневник раскопок в Гамково К.М. Поликарповича в 1953 г.

Ключевые слова. Гамково, Смоленская губерния, Смоленская область, плейстоценовая фауна, шерстистый носорог, поиски палеолита, история науки.

Chubur A.A. In pursuit of the ghost of Paleolithic: The scientists around Gamkov rhino.

Abstract: The article outlines the history of the study of the location of Pleistocene Fauna in Gamkovo (Smolensk region) and searches there traces of Paleolithic in 1910-1953. Brief biographical essays are given the main participants in the events. For the first time a number of documents are published, including a field diary of the excavation in Gamkovo K.M. Polycarpovich in 1953

Keywords. Gamkovo, Smolensk province, Smolensk region, Pleistocene fauna, woolly rhino, searching for Paleolithic, history of science.

На юго-западной окраине современного Смоленска, к югу от известного своими древнерусскими памятниками археологии Гнёздово и печально известной массовыми расстрелами репрессированных советских граждан и польских военнопленных Катыни несет свои воды небольшой левый приток Днепра – река Уфинья. Уфинья берет исток близ д. Лоева и течет на северо-запад, впадая в реку Днепр ниже д. Нижняя Уфинья. Длина реки всего 18 км. В Уфинью справа впадают два притока – Хохловка и Гороховская, а слева только один небольшой приток – Красовская. В настоящее время на Уфинье населенных пунктов осталось немного, многие сёла и деревни прекратили существование в годы Второй мировой войны и после, при «укрупнении сёл». Однако на довоенной карте РККА №36(А) и на карте Генерального Штаба Российской Империи (ряд XIII, лист 10) отмечена меж деревнями Верхняя Уфинья выше и Романовкой ниже по течению (от последней уже осталось лишь урочище Романово) совсем небольшая деревня Гамкова.

Рис.1. Местоположение д. Гамкова на штабных картах Российской империи и РККА.

Именно на левом борту впадающего в долину Уфиньи лога прямо у этой деревни, начиная с 1909 г. местные жители, учитель гамковской школы А.М. Карнеев, а затем краеведы и археологи начали находить в размывах древние кости – плейстоценовую мегафауну. Первое сообщение в ежедневной московской газете «Русское слово» датируется 14 апреля 1910 г. и дословно таково: «Смоленск, 14, IV. В овраге у деревни Гамково, Краснинского уезда, на двухсаженной глубине найден череп мамонта. Дальнейшие раскопки приостановлены до тех пор, пока не спадет весенняя вода».

С той поры и на полвека окрестности Гамковой (в научной литературе название деревни приобрело окончание, типичное для сёл – Гамково) регулярно привлекали искателей следов древнейших людей на территории Смоленского края, но «взаимностью» к этому «хороводу ученых», плененных надеждой открытий, не очень-то отличались. Мы впервые целостно рассмотрим историю этих поисков и – на её фоне – составим «портретную галерею» исследователей этого местонахождения – ярких личностей, на цементе которых крепла, в том числе, и региональная наука в Верхнем Поднепровье.

Первые пробные научные поиски в Гамково, принесшие череп шерстистого носорога (именно его корреспондент «Русского слова» принял за вымытый внешними водами череп мамонта), предпринял летом 1910 г. смоленский натуралист и естествоиспытатель Пётр Спиридонов. В 1911 г. он самостоятельно копал в Гамково почти неделю, добыв много костей носорога [20. С.496]. Петр Андреевич Спиридонов (25.06/7.07.1876-5.07.1925) родился в семье настоятеля Петропавловского храма в Глинках Гжатского уезда Смоленской губ. Андрея Андрияновича Спиридонова (1837-1910). Деревянная церковь там была отстроена еще в 1771 г., а, обветшав, к середине XIX в. заменена

1.

2.

Рис.2. Река Уфинья. 1 Среднее течение. 2. Устье (впадение в Днепр).
Фото М. Захарова (2019)

кирпичной. Место храма на окраине бывшего села сейчас отмечено отделённой от лесного массива рощей. Менее чем в сотне метров от нее есть вторая рощица, где старые липы образуют почти правильный круг: это и есть место, где стояла полтора века назад усадьба Спиридоновых. Петр поначалу пошел по стопам отца, в Волоколамское духовное училище (1890) и Вифанскую духовную семинарию (1896) [8, С.52; 32]. Дальнейший выбор, основанный еще на детском влечении к природе, пал не на клир, а на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Его Пётр окончил в 1900 г. Затем служил в феврале-ноябре 1901 г. чиновником Тверской казенной палаты, а после в Смоленской казенной палате [9].

Однако работа чиновника-счетовода была Петру «не по нутру», страсть к естественным наукам привела к смене работы. В ноябре 1903 г. коллежский советник Спиридонов стал преподавателем естествознания в Смоленской губернской гимназии (а в 1905-1906 гг. еще и учителем географии в Мариинской женской гимназии Смоленска) [18]. Несколько лет читал лекции открывшемуся в 1907 г. Смоленском народном университете [9; 11].

Рис.3. П.А. Спиридонов (справа сверху) с гимназистами во время полевой экскурсии

Знаковой датой стало 6 ноября 1908 г. - день создания Общества изучения Смоленской губернии (ОИСГ) [10; 11; 12]. Петр Спиридонов был в числе его учредителей и далее исполнял обязанности библиотекаря а, с 1914 г. секретаря общества. Он составил и опубликовал отчеты общества за период 1908-1915 гг., организовал при обществе музей естественной истории, став его хранителем (туда-то и попал череп носорога из Гамково). Музей, с 1914 г. получивший имя Н.М. Пржевальского, был открыт по выходным для бесплатного посещения. Создан был и кабинет-музей в Смоленской губернской гимназии [10].

После 1917 г. Петр Андреевич – школьный работник («шкраб», как было принято выра-

Рис.4. М.Е. Залесская-Мирчинк (1915)

жаться на большевистском «новоязе»), «заведывающий городскими школьными площадками и председатель комиссии о несовершеннолетних». Читал лекции по методике естествознания на дошкольных и школьных курсах в Смоленске, Демидове и Красном. С 1920 г. – преподаватель рабфака Смоленского политехнического института и кафедры методики естествознания Смоленского института народного образования и существовавшей при последнем Показательной школы. С образованием в январе 1922 г. Смоленского университета преподавал там на педагогическом факультете методику естествознания. С 1 апреля 1921 г. заведовал секцией естественно-исторических музеев и охраны природы Смоленского губмузея, в пользу коего был отчужден советами музей ОИСГ. В октябре 1923 г. был назначен заведующим организованной им же двумя годами ранее биостанцией на Купринском озере, а менее, чем через два года его не стало. Памяти Спиридонова посвящен III том трудов вскоре закрытой большевиками ОИСГ (Смоленск, 1926). Из свыше 570 томов собранной П.А. Спиридоновым библиотеки Общества, 132 оказались в современных фондах Смоленской областной библиотеки, судьба остальных неизвестна [11].

В 1910 г. по сведениям А.Н. Лявданского, местонахождение фауны Гамково обследовала также студентка Московских высших женских курсов, известных как курсы Владимира Герье (в дальнейшем II Московский университет) Мария Евгеньевна Залесская (1887-1978), одна из первых

женщин-геологов в России [26]. Найденные многочисленные кости носорога она увезла в Москву, на естественнонаучный факультет курсов Герье [20]. Историкам науки Мария Евгеньевна Залесская (Рис.4) более известна под фамилией мужа, создателя четвертичной геологии Георгия Фёдоровича Мирчинка. Мария и Георгий познакомились на XII съезде естествоиспытателей в 1910 году (съезд проходил в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г.) [7]. О Георгии Фёдоровиче у нас еще будет повод поговорить.

Что же касается Марии Евгеньевны, родилась Мария в небольшом поместье под Смоленском, окончила Смоленскую Мариинскую женскую гимназию (1905) и Московские высшие женские курсы (1910) и стала преподавать в школе и на Пречистенских курсах - бесплатных вечерних общеобразовательных курсах для рабочих в Москве. Близкое знакомство, дружба, а затем и свадьба с профессиональным геологом стимулировали интерес к науке. Мария стала специализироваться по палеонтологии под руководством профессора М.В. Павловой (1854-1918). Она специализировалась в области палеонтологии под началом первой в России женщины-палеонтолога (1913-1918) профессора Московского городского народного

университета им. А.Л. Шанявского Марии Васильевны Павловой (1854-1938). Пришедшая диктатура пролетариата принесла беду: брата Владимира, известного инженера, в 1922 г. расстреляли большевики, обвинив в мифическом международном религиозном заговоре [24] (вот когда начинаешь понимать лукавность поговорки «голь на выдумки хитра»). Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского был большевистской властью разогнан, его здание занял «Коммунистический университет имени Якова Свердлова» - будущая Высшая партийная школа [4; 5]. Время коммунистических мифов ушло, теперь в здании живёт Российский государственный гуманитарный университет. Когда университет Шанявского убили (1918) Мария Евгеньевна перешла трудиться палеонтологом в Московский государственный институт нефти (до 1939 г.), а затем в Геологический институт АН СССР. Она автор ряда работ по палеонтологии беспозвоночных, по истории науки. Кроме того, в 1925 г. Мария Евгеньевна сделала первый перевод на русский язык блистательную книгу Альфреда Вегенера «Происхождение материков и океанов» о движении литосферных плит. Дети Мирчинков тоже стали геологами и почвоведом, продолжив научную династию [5]. Что до естественнонаучных коллекций университета Шанявского, то, к счастью, они не были выброшены и в итоге оказались в Биологическом музее им К.А.Тимирязева. Возможно в его фондах нашли приют и добытые Марией Залесской кости носорога из Гамково – это еще предстоит уточнить.

Известно, что в 1922 и 1924 гг. некие работы в Гамково вел по собственной инициативе местный житель д. Маторы (10 дворов, ныне не существует), студент Петровско-Разумовской (будущей Тимирязевской) земледельческой академии в Москве И.Х. Иванов. Он заложил на склоне два небольших раскопа (Рис.7, II и III), носорожьи кости из которых попали в Москву в сельхозакадемию и в его отцовский дом в Маторах, откуда были после переправлены геологу Г.Ф. Мирчинку [20. С.496].

Среди археологов первым на Гамково обратил внимание Александр Николаевич Лявданский (29.08.1893–27.08.1937). Алесь родился в д. Юрьево Борисовского повета Минской губернии в большой (8 детей) сельской семье Николая Игнатовича и Анастасии Петровны Лявданских. Учился всем видам сельского труда, но в детстве сломал руку, которая потом неудачно срослась. Работником в деревне стать не вышло, но путь к знаниям оставался открытым. Окончив Петровское реальное училище в Ростове-на-Дону с 17 мая 1913 г. стал работать телеграфистом. Добровольцем ушел на Румынский фронт Первой мировой войны, похоронил там погибшего брата Петра, а после революции и демобилизации, вступив в ВКП(б), в 1918 г. поступил в Смоленское отделение Московского археологического института. Обучение там шло три года с итоговой защитой диссертации и присвоением звания «ученый-археолог» - такой диплом за № 709 Алесь получил 15.06.1922, а затем в 1925 г. окончил и Смоленский университет. В 1925–1927 гг. работал ассистентом археологического кабинета Смоленского университета и сотрудником Смоленского исто-

Рис.5. А.Н. Лявданский

рического музея. Во время разведок и раскопок на Смоленской земле А.Н. Лявданский открыл и классифицировал более 300 городищ, а также множество других памятников археологии. При изучении курганов (а их Лявданский за свою научную карьеру раскопал тоже около 300) он стал впервые применять метод раскопок «на снос», ныне обязательный для всех курганных археологов. Поражает его знание языков: Александр Николаевич владел не только родным беларусским и русским языками, но и румынским, латышским, английским, французским и немецким [22; 39].

Рис.6. Коллектив Смоленского музея. Слева направо: 1 ряд: Александр Николаевич Лявданский, Владимир Александрович Меландер, Иван Фёдорович Барщевский, Андрей Фёдорович Палашенков, Нил Александрович Яблонский. 2 ряд: в центре - Александр Павлович Мишонов, второй справа – Иван Макарович Хозеров.

А.Н. Лявданский в 1926-1927 гг. для обследования местонахождения Гамково собрал мощный научный коллектив (этнограф, хранитель отдела древностей Смоленского музея А.Ф. Палашенков, геологи профессора Г.Ф. Мирчинк (Москва), А.В. Костюкевич-Тизенгаузен (Смоленск), аспиранты Д.И. Погуляев и Д.Н. Тарасов (Смоленск) [20].

Осенью 1926 г. Александр Лявданский совместно с профессором-геологом Смоленского университета Александром Власьевичем Костюкевичем-Тизенгаузенем, а весной 1927 г. самостоятельно заложил в Гамково пять шурфов, в том числе на месте ям, оставленных студентом Ивановым [20. С.496-497]. Согласно приведенному исследователем описанию, первый принес несколько десятков костей носорога (рёбра, позвонки, кости конечностей), лежавших в слое мощностью 0,5 м. Второй, третий и пятый шурфы содержали мелкие обломки таких же костей. Четвертый находок не дал вовсе (Рис.8). В мае 1927 г. Александр Николаевич вместе с приехавшим Г.Ф. Мирчинком и А.В. Костюковичем и его аспирантами заложил

ли еще один шурф и траншею. Вновь было выявлено лежащее в полуметровой мощности слое скопление костей (в основном ребер и позвонков) шерстистого носорога, но ни одного кремня или уголька. Геологические условия гамковского местонахождения в шурфах А.Н. Лявданского описал Г.Ф. Мирчинк, описав такой разрез [23. С.16-17]:

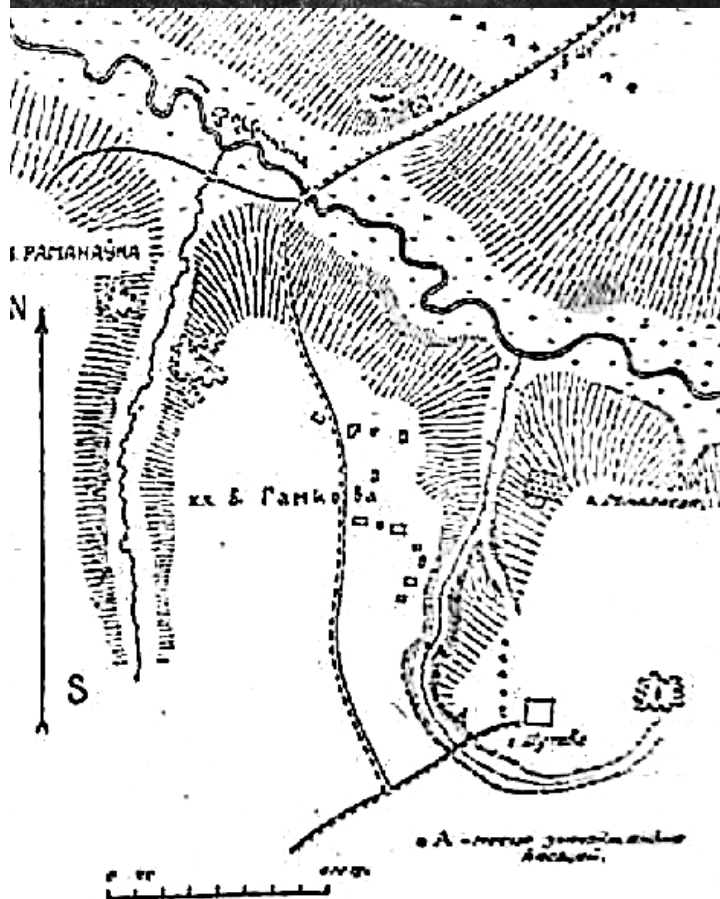

Рис 7. Гамково. План (по А.Н. Лявданскому, 1930). Фото, вид с севера (архива К.М. Поликарповича).

(почти как в обнаруженном примерно в то же время Амвросиевском костеище с костями сотен бизонов) не было встречено практически ни единого артефакта. Да, по словам местных

- «1. Слабо окрашенная сверху гумусом лёссовидная супесь - 1.2 м
2. Глянцево-черный суглинок - 0.35 м
3. Буро-желтый, лёссовидный суглинок с вертикальными тонкими черными ходами и черными примазками - 0.55 м
4. Серовато-желтый лёсс с ржавыми мелкими пятнами - 0.25 м
5. Такой же лёсс с мелкими известковыми дутиками; количество ржавых пятен книзу увеличивается - 0.65 м.
6. Такой же лёсс, но без дутиков, с многочисленными пятнами ортштейна - 1.2 м
7. Серовато-желтый лёссовидный суглинок, в котором замечается неоднородность 0.3 м
8. Прослой неоднородного песка с мелкими галечками кристаллических пород 0,1 м
9. Синевато-серый оглеенный суглинок 0.25 м
10. Песок, из которого начала проступать вода». Постелью водоносному горизонту служит, вероятно, морена рисской ледниковой эпохи.

В слое 7 на глубине более 4 м обнаружено большое скопление костей носорога

Наблюдения в сторону плато дали аналогичный геологический разрез. На основании собранного материала Г.Ф. Мирчинк заключил, что гамковские находки залегают на плато и их возраст «не моложе вюрмской ледниковой эпохи и не древнее конца рисской ледниковой эпохи» [23], что вполне отвечало, по представлениям того времени, эпохе мустье.

Беда в том, что при массе костей, принадлежащих одному виду животных

жителей какие-то кремни тут встречались. Но те же самые крестьяне эти кремни успешно и навсегда потеряли. Все найденные кости были переданы в Смоленский исторический музей и геологический кабинет Смоленского университета.

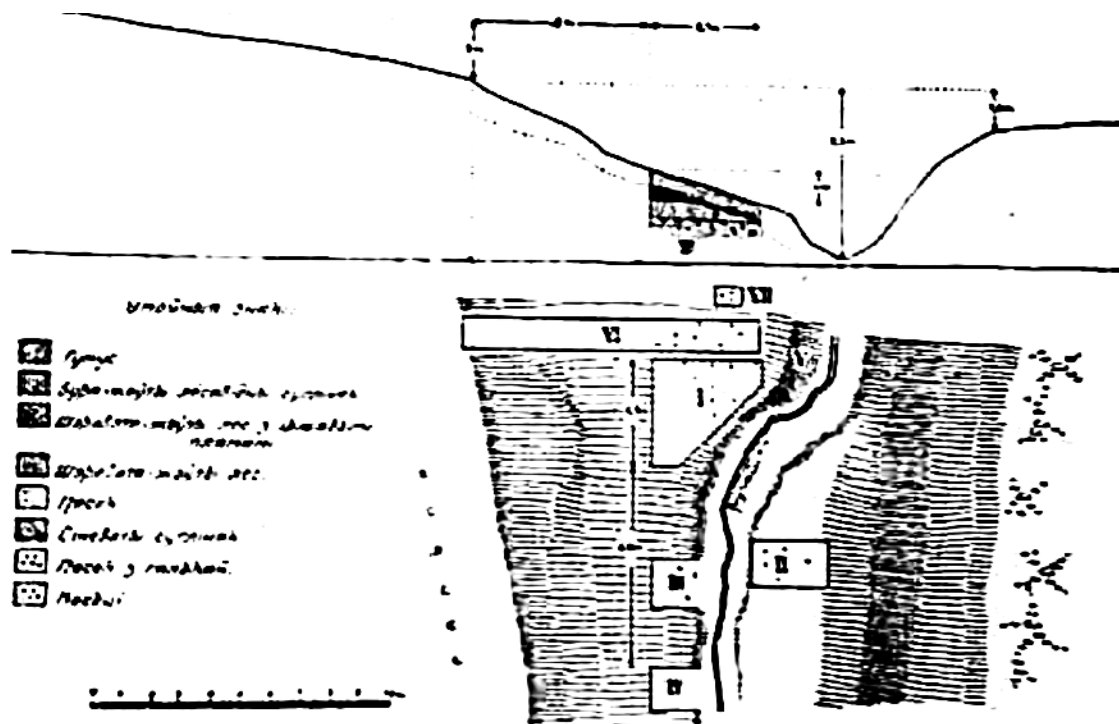

Рис.8. Расположение шурфов 1926-1927 гг. в Гамково (по А.Н. Лявданскому, 1930 [20]).

Как раз после работ в Гамково в 1927 г. А.Н. Лявданский перешел на постоянную работу в Инбелкульт (Институт Белорусской культуры, Минск), одновременно став заведующим отделом археологии Белорусского государственного музея. Причина? Она проста. Исторический факультет в Смоленске, где он трудился уже несколько лет, был закрыт большевиками, опасавшимися влияния на молодые умы старой мудрой профессуры. Такое вот радикальное решение проблемы: зачем история строителям «светлого будущего»? С 1931 г. он возглавил секцию археологии Института истории БАН, в который был преобразован Инбелкульт, и стал преподавателем Белорусского государственного университета. В 1934 г. А.Н. Лявданскому присуждена ученая степень кандидата исторических наук [39].

В 1932 г. вновь заезжавший в Гамково А.Н. Лявданский нашел там нуклевидный дисковидный кремль, который и он, и его коллега К.М. Поликарпович сочли похожим на мустьерское ядрище. Однако культурный слой так и не был найден [31].

Скажем немного о научной команде, собранной А.Н. Лявданским в Гамково.

Этнограф, музейщик и краевед Андрей Фёдорович Палашенков (Рис. 6, 9) прожил 84 года (17/29.10.1886–30.04.1971), но далеко не все эти годы были для него светлы и прекрасны. Родился он в большой крестьянской семье с. Надва Духовищенского уезда Смоленской губернии. Отца звали Фёдором Наумовичем. Мать, Агария Гавриловна, была песенница, да и сёстры Иулита и Евдокия тоже хорошо знали народные песни, так что не возникает вопроса, откуда у Андрея возник интерес к этнографии, пронесенный через всю жизнь. Окончив 4-классное Надвинское земское училище, а затем Алфёровскую учительскую семинарию он с 1907 г. стал заведовать Челновской земской школой (Дорогобужский уезд). Уже в 1914 г. перешел на преподавательскую работу в губернский центр – в Смоленскую мужскую гимна-

зию. Тогда же стал и действительным членом Смоленской губернской ученой архивной комиссии. В 1913-1922 гг. А.Ф. Палашенков без отрыва от работы учился на археографическом и на археологическом факультетах Смоленского отделения Московского археологического института, где познакомился с А.Н. Лявданским. Оба факультета Палашенков успешно закончил под научным руководством выдающегося этнографа Владимира Николаевича Добровольского. Параллельно в 1919-1923-м Палашенков прослушал курс словесно-исторического отделения Смоленского института народного образования и в 1918-1925 гг. преподавал в школах № 9 и № 17 Смоленска [15].

Рис.9. А.Ф. Палашенков (1950-е)

В 1920 г., еще во время запоздалого студенчества, 33-летний Андрей Палашенков был назначен директором объединённых музеев Смоленской губернии и и уполномоченным по охране и вывозу художественных и исторических ценностей из бывших «дворянских гнезд». Именно в этот период его упорством и старанием появились музей композитора М.И. Глинки (музыка которого стаконеце XX века гимном свободной России), дом-музей ученого, путешественника и офицера Н.М. Пржевальского, Музей старого Смоленска и Музей искусств и древностей. Был он и организатором этнографического отдела на Всероссийской выставке в Москве в 1923 г. [1; 15]. Успех и достижения всегда порождают зависть, а затем и ненависть у бездарей и подлецов. И их время вскоре пришло.

После Гамково наступил «год великого перелома» и началось невеселое время сталинщины. «Смоленск крепко меня обидел, - писал уже в 1956 году Палашенков старому большевику Ф.М. Горнову. – Работа по охране памятников и довела меня до Сибири. Спасая от разрушения Смоленскую стену, Большой Успенский собор, памятники 1812 г. и Кутузову, я приобрёл много недругов» [15]. Недруги писали доносы, и эти доносы с радостью принимали чекисты. 7 сентября 1933 г. состоялся арест, а 29 марта 1934 г. бывший директор объединённых Смоленских музеев был обвинен в шовинизме, в «противодействии проведению мероприятий Советской власти», осужден и выслан в Карлаг (Караганда) на 3 года. За ударную работу по созданию общелагерного музея срок был сокращен. Выпустили из концлагеря Палашенкова 27 марта 1936 г., однако в Смоленск ученый так и не вернулся: недолго поработал в Тюменском музее, а в ноябре того же года решает связать жизнь с Омском, где и остается навсегда – сначала сотрудником, а в 1943-1957 гг. директором Омского краеведческого музея. Смоленск потерял своего «гения места», а Омск, напротив, его приобрел и оценил по достоинству. Его активная деятельность по сохранению культурного наследия города, созданию новых музеев, спасению памятников архитектуры стала неотъемлемой частью истории красивого города. Но умер историк и этнограф Палашенков в Омске на 85 году жизни, все еще с незаслуженным сталинским клеймом «врага народа». Похоронен на Старо-Восточном кладбище, а реабилитирован уже посмертно, в годы Перестройки, 31 марта 1989 года [15].

Человек, описывавший и анализирувавший геологический разрез в мае 1927-го в Гамково, был уже упомянут как муж геолога М.Е. Залесской. Георгий Федорович Мирчинк (13.04.1889-25.05.1942) в довоенные годы – главный геолог-четвертичник страны, исследователь ледникового периода.

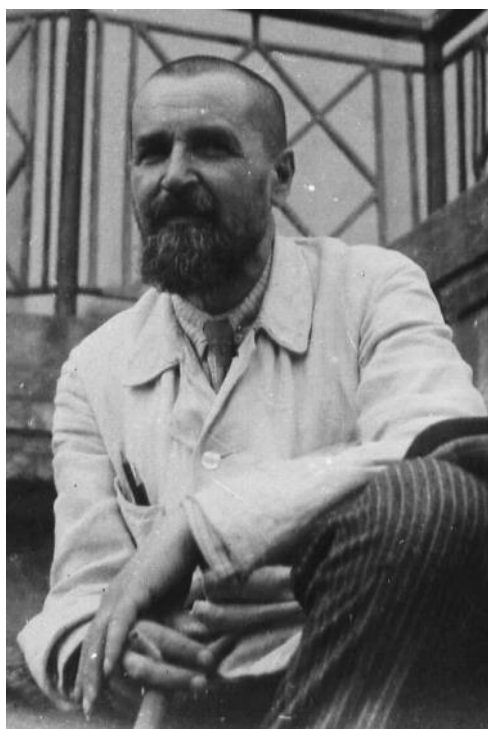

Рис.10. Г.Ф. Мирчинк

Коренной москвич из семьи просветителей. В 1900 г. поступил в Московскую Практическую академию коммерческих наук, где работал его отец. Окончил в 1907 г. с золотой медалью, званием кандидата коммерции и личным почётным гражданством. Следующей ступенью стало естественное отделение физико-математического факультета в Московском университете. Ученик академиков А.П. Павлова и А. Д. Архангельского, Жорж сам стал выдающимся ученым. Первая его научная статья увидела в свет в 1909 г. Летом 1911 г. участвовал в Пензенской почвенно-геологической экспедиции, а спустя год, по окончании университета был оставлен при кафедре геологии для подготовки к профессорскому званию. В 1915-м утверждён в должности приват-доцента Московского университета по курсу палеонтологии позвоночных. С 1912 по 1918-й участвовал в исследованиях верхнемеловых и нижнетретичных отложений фосфоритовых областей Беларуси и Украины [5].

Необходимая в те времена для утверждения в звании профессора магистерская диссертация «Послетретичные отложения Черниговской губернии и их отношение к аналогичным образованиям остальной России» (защищена в 1918 г., дав статус профессора Московского университета, издана в 1925 г.) поставила задачу корреляции четвертичных отложений на пространствах всей Восточной Европы и раскрыла значение ископаемой фауны и человека палеолита для геологии. К 1923 г. Мирчинк составил первую карту четвертичных отложений Европейской части СССР в масштабе 1:2500000, демонстрировавшуюся на Всероссийской сельхозвыставке. Уже в должности декана геологического факультета МГУ (1925-1930) Мирчинк изучал геологию палеолита верхнего Поднепровья (включая Гамково), занялся неотектоникой, палеопочвоведением. К 1928 г., будучи проректором МГУ, завершил работу по железнодорожной линии Орша–Ворожба. Став в 1932 г. главным консультантом по геологии на канале Москва–Волга, осматривал участки тянувшегося на сотню километров искусственного русла, ознакомился с выводами лабораторий Москвоволгостроя. По завершении строительства в 1934 г. принял награду – орден «Трудового Красного Знамени». Труды Мирчинка получили к тому времени международное признание. Уже в 1932 г. на II Международной конференции INQUA (Комиссии по изучению четвертичного периода) прозвучали сразу пять его фундаментальных докладов, в том числе – об эпейрогенетических колебаниях – поднятиях и опусканиях Европейской части СССР под влиянием ледниковых масс. На III Международной конференции INQUA в Вене (1936) в числе главных вновь блестящий доклад Мирчинка «Стратиграфия, синхронизация и распространение четвертичных отложений Европы». В 1940-м вышла в свет его обобщающая работа «Основные закономерности земного лика». Продолжалась и преподавательская деятельность: профессор Горной Академии, Межевого института, Московского геологоразведочного института им. Орджоникидзе. В 1936-1937 гг. Мирчинк заместитель директора, а затем зав. отделом четвертичной геологии ГИН АН СССР. В 1941 г. академик Мирчинк избран президентом советской секции Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода. В июне он возвратился из поездки в Новгородскую область, где велись изыскания на реке Мсте [5]. И тут началась война...

23 июня 1941 г. Георгий Федорович Мирчинк был арестован в рабочем кабинете по наскоро сфабрикованному чекистами обвинению в монархическом заговоре. В его квартире при обыске нашли золотую монету царской чеканки (память о свадьбе), ноты оперы «Жизнь за царя», журнал «Столица и усадьба» с фото царской семьи и – о ужас! – жетон в честь 300-летия дома Романовых. Реальные враги (и вчерашние соратники сталинских большевиков) – солдаты Вермахта уже топтали поля Родины, а фарисеи из НКВД, срочно выполняли спущенный с Лубянки план и «шили дела» на придуманных ими же «врагов народа». Но следствие затянулось. Фантастические обвинения было невозможно доказать, следователи менялись как перчатки – и всё с нулевым результатом. В феврале 1942 г. опального академика перевели, в надежде «расколоть» в Саратовскую тюрьму, а в мае, незадолго до 30-летия свадьбы, Марии, супруге Мирчинка сообщили, что ее муж скончался в застенках, так и не дожив до суда. Дистрофия и сердечный приступ – разве можно было ждать чего-то иного? Семья академика, к счастью, репрессирована не была: дочь Татьяна поступила в МГУ, вдове назначили пожизненную пенсию, восстановили льготы. В 1946 г. был опубликован некролог, по-смертно вышла в 1953-м статья о четвертичном периоде на территории СССР, в Музее Землеведения МГУ установили бюст. Но лишь в 1990 г., отойдя от чекистской казуистики («не был осужден – значит, невиновен, невиновен – зачем реабилитировать?») Георгия Федоровича Мирчинка посмертно реабилитировали. Советская власть, спустя полвека, признала вину перед великим ученым и мировой наукой [5; 37].

«Если я не возьму эту работу, то она не состоится», - говорил академик Г.Ф. Мирчинк. Сколько работы еще могло состояться, если бы не адская погоня параноиков и служака-карьеристов с голубыми петлицами за показателями по выявленным «врагам народа» ...

Еще один участник работ в Гамково – известный геолог и почвовед Александр Власевич Костюкевич-Тизенгаузен (10.11.1880, Житомир – 1942, Ташкент). Небезынтересно знать, что род баронов Тизенгаузен происходит из Тизенхузена в Северной Германии в Нижнем Везере. Первым упомянут Энгельбертус де Тизенхузен, который отправился жить в Лифляндию (Латвия). Но это историческая лирика, дела давно минувших дней. Александр, работая в Смоленске, а затем в Москве, старался никак не упоминать о предках-дворянах – не те времена. Принято было говорить и писать так: «Родился в семье служащего и рано лишился отца». Чтобы семья сводила концы с концами, будучи учеником Житомирской классической гимназии, сам давал уроки. После гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, но в 1905 г. за участие в студенческой забастовке был схвачен жандармами и сослан в Вологодскую губернию на поселение. Вернулся из ссылки обратно в университет и окончил его с дипломом I степени в 1911 г. [1] – на год раньше Г.Ф. Мирчинка. Не удивительно, что ученые знакомы со студенческих лет.

С 1912 г. работал в учебных заведениях Смоленска, а в 1919-м занял пост профессора и зав. кафедрой геологии и минералогии Смоленского института народного образования и, одновременно, профессора геологии Смоленского политехнического института, преобразованных в 1922 г. в единый Смоленский университет. В этом статусе он и участвовал в изучении Гамковского местонахождения. Ко второму году поисков в Гамково (1927) Костюкевич, без протекции Г.Ф. Мирчинка, вошел в состав Комиссии АН СССР по изучению четвертичного периода. Вскоре состоялся переезд в Москву. С 1932 г. он – профессор геологии I Московского университета имени Покровского (так тогда назывался МГУ) по курсам «Динамическая геология» и «Гидрогеология», Московского городского пединститута и Государственного института геодезии и картографии. Студенты искренне восхищались его несравненным лекторским мастерством. «Уже пожилой, седой, но стройный, с немного всклокоченной шевелюрой, он старался вложить в нас основные понятия геологической науки, при-

вить к ней интерес. Костюкевич хорошо знал немецкий язык, широко цитировал в своих лекциях работы известного ученого Штини – своего учителя – с ходу переводил их с немецкого на русский язык. Он умел выбрать наиболее сложные и актуальные проблемы с указанием пути их решения» [34. С. 90].

Среди научных заслуг Александра Власевича следует назвать выявление на западной окраине Смоленской области (граница с Беларусью) областей развития донной морены и вывод о несомненности как минимум трех оледенений. В 1923 г. им открыт погребенный торфяник у с. Микулино, ставший стратотипом тёплого Микулинского межледниковья: в торфе содержатся остатки растений, которые сейчас растут только в жарких странах – семена драхнии и сельдранды, других теплолюбивых деревьев. Кроме того он исследовал фосфориты в Дубровском районе на Брянщине, установив их залегание в альб-сеноманских слоях меловой системы [14] и изучал гидрогеологию г. Смоленска для водоснабжения города. Был он и инициатором создания в Смоленске естественнонаучного геолого-почвенного музея.

После начала войны, с другими сотрудниками ГИГК 60-летний Костюкевич 28 октября 1941 г. был эвакуирован в Ташкент. Коллегам запомнилось, как он частенько дымил своей трубкой в вагонном тамбуре ползшего на восток почти месяц московского «научного эшелона» [35. С.41, 44]. Спустя полгода Александр Власевич заболел и умер в Ташкенте, точно скорбную дату установить пока не удалось. Не успел он встретиться в Ташкенте с археологом Константином Михайловичем Поликарповичем: тот прибыл в «хлебный город» из Казахских степей лишь в декабре 1942-го, лишившись глаза на оловянных приисках [37]. А ведь им было о чем поговорить. И о раскопках в Гамково в том числе.

Рис.11 Г.А. Бонч-Осмоловский **Рис.12.** К.М. Поликарпович

В 1933 г. белорусские археологи Константин Поликарпович и Глеб Бонч-Осмоловский решили предпринять новую попытку «штурма» Гамковского местонахождения. Г.А. Бонч-Осмоловского привлек рассказ К.М. Поликарповича на состоявшемся осенью 1932 г. в Ленинграде Международном совещании Ассоциации по изучению четвертичного периода о местонахождении, как о возможной палеолитической стоянке, да к тому же мустьерской. Эпоха мустье была «коньком» Глеба Анатольевича, открывшего первое в Восточной

Европе неандертальское погребение в гроте Киик-Коба. Так у коллег родилась идея попытаться сообща организовать экспедицию. Если, конечно, удастся найти финансирование. Константин Михайлович Поликарпович (18.03.1889-20.02.1963) и Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (4.11.1890-1.11.1943) – два выдающихся археолога, родившихся на белорусской земле. К.М. Поликарпович появился на свет в семье приходского священника из с. Самотевицы Могилёвской губернии. Г.А. Бонч-Осмоловский имел корни в старинном дворянском роду, будучи сыном революционера-народника, политкаторжанина Анатолия Осиповича Бонч-Осмоловского и пришел в мир в родовом имении Блонь под Минском. Первый окончил Могилёвскую духовную семинарию, учительствовал, батрачил, работал страховым

агентом и, наконец, нашел себя сначала в Гомельском бюро краеведения, а затем в Инбелкульте в Минске – том же, в который после своих раскопок в Гамково пришел А.Н. Лявданский. Второй выучился в Минском коммерческом училище, а затем по естественному разряду на физико-математическом факультете в Петроградском университете, где потом в 1924-1930 гг. и работал ассистентом кафедры антропологии. Затем стал старшим научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры и специалистом Геологического Института АН СССР. Оба исследователя пришли в археологию далеко не безусыми юнцами, к тому же поначалу серьезно увлеклись этнографией. Оба страстно влюбились в каменный век и ледниковую эпоху, но первый вел поиски в основном в Верхнем Поднепровье, а второй преимущественно в Крыму, с которым его связали еще годы Гражданской войны в антиврангелевском подполье [2; 28; 37].

В конце весны Поликарпович получает письмо из Ленинграда: «14.V.1933. Дорогой Константин Михайлович! На днях добился постановления Президиума А.Н. о включении Гамково в план работ тек[ущего] года и ассигнования на них некот[орой], пока еще неясной суммы (в пределах 2000 р.) – просил 10.000. Хочу сам побывать там недельку-две и потом ехать в Крым. Как Вы к этому относитесь? Подаю заявку на продукты. Напишите поскорее, какое время для Вас удобнее и как вообще располагаете летним временем. Мне было бы удобней заехать туда в конце июня. Я давно уже от Сов[етской] Секции АИЧПЕ взял ходатайство о Гамкове, но дело задерживалось в связи с финансовыми причинами... Жму руку, Г. Бонч-Осмоловский» (ЮКМ. Ф.1. Оп.33. Д.3. л.5).

Следующее известие пришло спустя почти полтора месяца: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Простите за задержку, болел и был по горло занят подготовкой доклада о палеолите СССР к Вашингтонскому геологическому конгрессу. Посылаю Вам два экземпляра договора, которые прошу подписать и срочно прислать по адресу Ленинград, В.О., Тучкова наб., д.2, Геологический институт Академии наук. Серафиме Алексеевне Трусовой¹, она продвинет их дальше. Одновременно пришлите заявление на выдачу аванса, но для суммы оставьте место, проставим мы здесь. Мы с Грозовым хотим вас сосватать с геологом Микулиной (Москва)². Спешите с ней, пожалуйста, по адресу: Тамара Мих[айловна] Микулина, Москва-17... Очень хотелось бы, чтобы Вы выехали в Гамково к 25.VII. Я заехал бы тогда к Вам туда на несколько дней, привез бы денег и кой-какого снаряжения. Напишите что нужно (желатин и что там еще). Сообщите также как туда добраться. Пишите мне также по адресу Трусовой (Геол. музей) т.к. я завтра уезжаю до 15 июля на дачу под Ленинград. Ответьте поскорее. В случае чего срочного можно написать и на дачу по адресу: Ленинградская обл., ст. Вруда, Варшавская ж/д, д. Малая Вруда, Анне Крыловой для меня (договора вышлите непременно Трусовой, а не мне). Всего хорошего. Жму руку и желаю успеха. Г. Бонч-Осмоловский. 24.VI.1933» (ЮКМ. Ф.1. Оп.33. Д.3. л.6-7).

¹ Серафима Алексеевна Трусова – коренная петербурженка, закончила геофак Ленинградского университета (1925-1930) (ЦГА СПб, Ф.Р-7240, Оп.9, д.1220), работала в Геологическом институте, Кунсткамере и Эрмитаже. Супруга археолога С.Н. Бибилова (оба ученики Г.А. Бонч-Осмоловского и сотрудники его экспедиций). После эвакуации в Елабугу с мужем из блокадного Ленинграда 1942 г. умерла от истощения. У некоторых историографов указано недостоверное отчество Александровна.

² «Сосватать» Т.М. хотели, конечно, в качестве квалифицированного геолога для предстоящей экспедиции. Тамара Михайловна Микулина (1902-1993) родилась в Бугурусланском уезде Оренбургской губ.. Став ученицей академика Г.Ф. Мирчинка окончила геофак МГУ, здесь же встретила спутника жизни – Евгения Виргильевича Шанцера, специалиста по аллювию. На момент приглашения в Гамково, чета геологов уже растила 4-летнюю дочь Виргинию, спустя год у них появился сын Алексей. После войны проф. Е.В. Шанцер возглавил кафедру исторической геологии Московского геологоразведочного института, а доц. Т.М. Микулина работала на той же кафедре.

Договор был своевременно оформлен. В личном архиве К.М. Поликарповича сохранился экземпляр, подписанный директором Геологического института АН СССР академиком В.А. Обручевым – не только великим ученым, но и писателем, создавшим любимые многими поколениями «Землю Санникова», «Плутонию», «В дебрях Центральной Азии» и восхитительные приключенческие и фантастические рассказы.

Вскоре, 27 июня, приходит еще одно письмо: «Хотелось бы, чтобы Вы были в Гамково 20-25.VII, тогда и я смогу заехать по дороге в Крым и привезти деньги и еще прочее, что нужно. Возможно, деньги удастся переслать и раньше... Жму руку. Г. Бонч-Осмоловский» (ЮКМ. Ф.1. Оп.33. Д.3. л.8).

Телеграмма от Г.А. Бонч-Осмоловского от 28 июля датирует начало экспедиции: «Орша. Вокзал. До востребования. Поликарповичу. 28/7. Приеду Гамково пятого. Работы необходимо начать сейчас. Телеграфируйте. Бонч» (ЮКМ Ф.1. Оп.116. д.10. л.1).

«Работы в Гамково начаты 7.VIII с утра <...>. Наметили с Г.А. Б.-О. несколько шурфов – от места находки костей до северного края деревни» - пишет в полевом дневнике Константин Михайлович (ЮКМ. Ф.1. Оп.116. д.10 л.5). В работе участвовали преподаватели Смоленского пединститута Д.И. Погуляев и Н.В. Андреев. Увы, расширение фронта раскопок пятью новыми шурфами ничего, кроме еще десятка обломков костей носорога, не дало [30]. Сделанные сообща выводы были однозначны: местонахождение фауны следует пока исключить из списка археологических памятников. Поликарпович остался завершать работы, а Бонч-Осмоловский ринулся на юг разворачивать новую экспедицию.

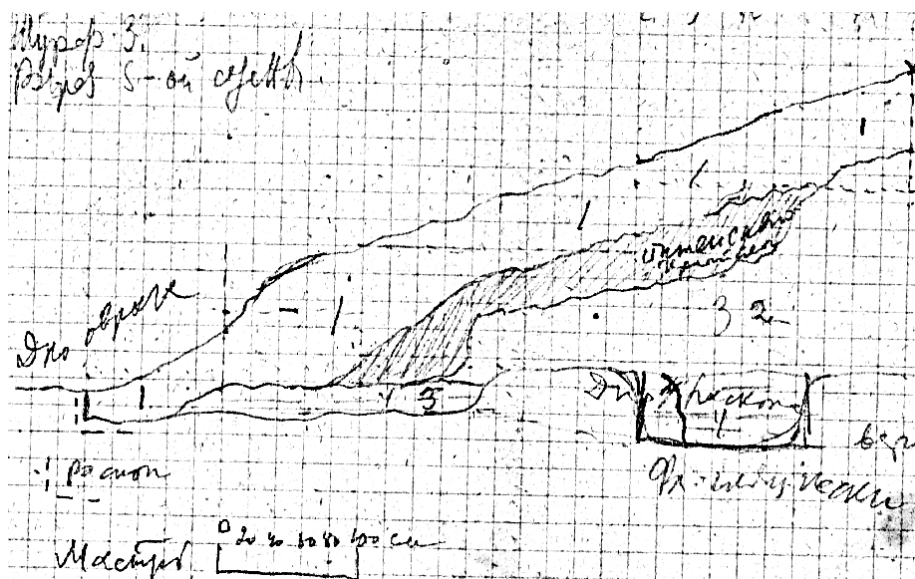

Рис.13. Гамково, 8 августа 1933 г. Геологический разрез стенки шурфа 3. Из полевого дневника К.М. Поликарповича (ЮКМ. Ф.1. Оп.116, Д.10).

Последнее письмо от Бонч-Осмоловского по итогам Гамковской экспедиции было написано 29 сентября 1933 г. «...С нетерпением жду от вас известий. Мирчинк очень сердит, что не вызвали его в Гамково. Но я право не виноват. Громов напутал письма, разминулись, и ничего больше нельзя было сделать. Наши выводы он оспаривает. Были ли Вы в Москве у него? Уговорили ли его ехать в Гамково? Жаль, если не заехали. Как можно скорее высылайте отчет. Нужно сдавать...». (ЮКМ. Ф.1. Оп.33. Д.3. л.13-13об.).

В литературе раскопки в Гамково настойчиво переносят с 1933 на 1934 г., когда они в принципе не могли состояться. Это недоразумение тянется с посмертно изданной монографии К.М. Поликарповича, куда вкралась опечатка [31. С.15-16; 25; 26, 2009. с.110].

В ноябре 1933-го переболевший два месяца назад в Крыму брюшным тифом и вернувшийся в Ленинград Бонч-Осмоловский был арестован по сфабрикованному ГПУ «Делу славистов», а в апреле 1934-го обвинён в создании мифической «Российской национальной партии» и незаконно репрессирован. Вернулся после пяти лет лагерей в Воркуте с запретом находиться в Ленинграде и Москве («выслан за 101 километр»), но тайно наведываясь в град на Неве, завершил и при поддержке коллег издал монографию о неандертальцах Киик-Кобы, за которую получил степень доктора наук без защиты диссертации. Перед войной был, наконец, официально допущен в Ленинград, а вскоре с другими ведущими учеными эвакуирован. Но здоровье было безнадежно подорвано и полученным на фронтах Первой мировой туберкулезом, следствием, лагерным сроком. В эвакуации в Казани 1 ноября 1943 г. Глеб Анатольевич скончался на руках сына-старшеклассника... Глубину научных прозрений ученого, опередившего и советскую и даже европейскую науку, смогли оценить лишь полвека спустя [2; 3; 28].

Черная тень сталинского террора накрыла не только Г.А. Бонч-Осмоловского. О судьбе А.Ф. Палашенкова, а позже – Г.Ф. Мирчинка мы уже говорили. А 19 мая 1937 г. был арестован по ложному обвинению в шпионаже А.Н. Лявданский. 27 августа того же года после скорого и неправого суда «тройки» он был расстрелян в Куропатах под Минском [18]. Красные варвары прервали еще один путь открытий и познания. Реабилитировали Александра Николаевича посмертно во время «Хрущовской оттепели» в 1958 г., но до самого краха СССР «органы» цинично скрывали и дату, и место, и даже причину его смерти.

После окончания войны еще два человека нового поколения попытались разгадать шараду Гамковского местонахождения. Один из них в предвоенные годы, еще школьником, участвовал в раскопках К.М. Поликарповича и справедливо считал его одним из своих учителей. Это проживший почти век Евгений Альфредович Шмидт (6.12.1920 – 27.04.2019).

Рис.14. Е.А. Шмидт

Родился Е.А. Шмидт в г. Рудня, а школьные годы провёл в рабочем городке Бежица, временно переименованном в память о пролетарском министре в трудновыговариваемый Орджоникидзеград. Отец его работал на почте, а сам он с начала 1930-х учился в школе №12 на ул. Почтовой. Среди учителей оказались бежицкие краеведы – увлеченные, образованные люди, талантливые педагоги – Игнатий Евстафьевич Благодатский и Николай Иосифович Лелянов. Именно они увлекли мальчика наукой вообще и археологией в частности: первыми его находками, оставившими впечатление на всю жизнь, стали наконецники неолитических дровиков с берегов озера Орлик, куда Лелянов, бывший держателем Открытого листа, профессионалом-археологом – организовал научную экскурсию. С той поры увлечение привело его в серьезные экспедиции Белорусской Академии наук и Смоленского исторического музея, возглавляемые К.М. Поликарповичем, Е.А. Калитиной. Но мы уже говорили: пришли черные времена. В конце 1937 года бежицкие краеведы были арестованы по так называемым «сталинским спискам» и вскоре

расстреляны без суда. Тогда же расстреляли за высказывания о голоде начала 30-х гг. и отца Евгения. Школу Женя окончил «сыном врага народа» и потому не мог и думать о поступлении в Московский или Ленинградский университеты, где имелись кафедры археоло-

гии. Мудрый Поликарпович дал ученику совет: поступай в Смоленский пединститут на естественнонаучный факультет: ведь такие знания нужны археологу не меньше, чем история. Поступил, но доучиться не пришлось: война. Во время бомбежек сгорел дом, к которому жила семья Шмидта. Фронт, бои, плен, рабство на немецком танковом заводе, освобождение. После репатриации и прохождения мучительных проверок в фильтрационном лагере Евгению удалось в 1947 г. завершить обучение в Московском пединституте. Распределившись в уже ставший почти родным Смоленск, он был принят на должности научного сотрудника Смоленского краеведческого научно-исследовательского института и заведующего отделом природы Смоленского музея. Через несколько лет профессию зоолога Е.А. Шмидт смог сменить на официальные занятия археологией и затем стал доктором исторических наук, профессором, ученым с мировым именем и одним из символов смоленской истории [38].

В Гамково Е.А. Шмидт был еще в статусе ученого-зоолога, но ведь это и было местонахождение древней фауны, не так ли? А вместе с ним в исследованиях участвовал профессиональный геолог: Иван Николаевич Салов (24.06.1919 – 14.06.1987) [1: 13; 36].

Родился И.Н. Салов в «хрустальном» городе Дятьково к северу от Брянска в семье служащего. В 1936 г. окончил там 10 классов фабрично-заводской школы, а в 1940 г. – факультет естествознания Смоленского госпединститута. Чуть меньше года – с августа 1940-го по май 1941-го он заведовал отделом Смоленского областного дома пионеров и руководил там геологическим кружком, собирався в аспирантуру (на руках уже было направление). В мае 1941 г., в преддверии большой войны, был призван в армию и направлен на «обновленную» в полном соответствии с секретными протоколами пакта Молотова-Риббентропа западную границу СССР. В июле 1941 г. в ходе боевых действий в районе Барановичей попал в плен. Как и его коллега Евгений Шмидт, более четырех месяцев находился в концлагере для военнопленных (а это были поистине адские условия), а затем был переведен «остарбайтером» на железную дорогу в Восточной Силезии. После освобождения из плена американскими солдатами 17 апреля 1945 г. вернулся в строй и со 2 мая дослуживал в 158-м гвардейском артиллерийском полке 78-й гвардейской стрелковой дивизии. После демобилизации в ноябре 1945 г. возвратился в Смоленск и до 1961 г. заведовал промышленно-природоведческой секцией Смоленского краеведческого НИИ, читая также лекции по геологии в Витебском пединституте. В этом статусе он и участвовал в Гамковской эпопее. В 1961 г., после ликвидации НИИ ушел преподавать в Смоленском пединституте. Там он из старшего преподавателя кафедры физической географии и геологии, получив в 1962 г. ученую степень кандидата геолого-минералогических наук по совокупности трудов, вырос до доцента, два срока был деканом естественно-географического факультета. Не дожив несколько дней до 69-летия, и не завершив докторскую диссертацию о стратиграфии плейстоцена Северо-Запада Русской равнины, Салов скоропостижно скончался во время проходившей в Брянске полевой практики по геологии. Нередко пишут, что главным его занятием было изучение строительных материалов региона. Да, в 1960 г. вышла в свет его монография «Строительные материалы Смоленской области», нужная для народного хозяйства, однако круг интересов был много шире. Огромное значение имеет созданный Саловым свод местонахождений плейстоценовой фауны [33]. А его труды по плей-

Рис.15. И.Н. Салов

стоцену высоко ценил создатель эволюционной географии Андрей Алексеевич Величко [36].

Ход и результаты раскопок 1948 г. в Гамково (а точнее на месте исчезнувшей уже деревни) сам И.Н. Салов описал кратко, но ёмко [33. С.323]: *«Раскопки производились шурфами, закладывавшимися у основания склона берегов оврага, и продолжались на 4 ж в нагорную сторону склона. Шурфы располагались на расстоянии 2-6 м от старых шурфов раскопок А.Н. Лявданского. Всего в 1948 году было заложено пять шурфов и одна расчистка, общей площадью около 30 кв.м. В результате раскопок в шурфе № 1 была найдена кость, принадлежащая, по определению В.И. Громовой, *Rhinoceros tichorhinus*; в остальных шурфах кости не были встречены. Таким образом, исследования 1948 года также не дали достоверных данных о наличии здесь палеолитической стоянки. Обращает внимание наличие в слое семи раковин пресноводных моллюсков, что свидетельствует о болотном режиме, существовавшем здесь во время захоронения костей».*

Планировавшееся совместно с Г.А. Бонч-Осмоловским продолжение поисков палеолита в Гамково, уже стареющий К.М. Поликарпович решил все же осуществить в начале 1950-х. Первыми шагами к ним стали письма в уже известный нам НИИ краеведения в Смоленске. В 1951 году Поликарповичу отвечают, что денег на раскопки нет и не будет. Но весной 1952-го он настойчиво пишет вновь.

«В Смоленский Областной Институт Краеведения

Обращаюсь в Институт в связи с вопросом о возможности постановки раскопок местонахождения костей шерстистого носорога и, может быть, мамонта в д. Гамково, недалеко от ст. Катыни Смоленского района.

Это местонахождение известно уже давно, но характер его не установлен точно и до сих пор. Так, напр., было высказано мнение, что нахождение в Гамково костей ископаемых четвертичных животных (носорог, мамонт) связано ни с чем иным, как с наличием здесь поселения палеолитического человека. Последнее, если судить по геологическим условиям залегания костей, должно было бы иметь довольно ранний возраст, соответствующий мустьерской эпохе. По определению геолога Г.Ф. Мирчинка, Гамково является одним из древнейших местонахождений четвертичной фауны в Смоленской области.

Ввиду большой важности вопроса о характере данного местонахождения и полной пока неясности в разрешении этого вопроса, обращаюсь в Институт с просьбой отпустить средства (порядка 10.000-20.000 рублей), необходимые для производства раскопок в Гамкове летом текущего года. Площадь намечаемых раскопок 100-200 кв. метров (при глубине около 5 м). Все добытые материалы поступают в распоряжение Института. Время раскопок между 1 июня и 1 сентября. Срок 15-20 дней.

Раскопки, если произвести их в намеченных размерах, дадут возможность установить хороший геологический разрез данной местности, собрать, далее, палеонтологический материал и, наконец, привести к точному установлению факта, имеется ли здесь действительно палеолитическое поселение, которое, в таком случае, явилось бы первым поселением палеолита в Смоленской области.

Мой адрес: Минск, Московская улица, 19, комн.54, Поликарповичу Константину Михайловичу. Заведывающий сектором археологии Института истории Академии наук БССР (кандидат исторических наук К.М. Поликарпович) 31 марта 1952» (ЮКМ. Ф.1. Оп.116, Д.6).

Письмо он просит передать старого знакомого Д.И. Погуляева, преподавателя Смоленского государственного педагогического института, долгое время до войны проработавшего директором НИИ Западной области, ставшим затем Смоленским НИИ краеведения. В данном повествовании он тоже уже упомянут в связи с раскопками А.Н. Лявданского как ученик

профессора Костюковича-Тизенгаузена¹. Уже в середине апреля Константин Михайлович получает весьма обстоятельный ответ от Даниила Ивановича.

Рис.16. Д.И. Погуляев

«12 апреля 1952 г. Дорогой Константин Михайлович! Получил Ваше отношение Смоленскому краеведческому научно-исследовательскому институту и передал его директору. Он развел руками и сказал: «Поздно! План работ областной уже утвердили и деньги распределены». Тогда я обратился с просьбой об отпуске денег для Вашей работы к директору областного краеведческого музея. Тот пока никакого ответа не дал. Обещал поговорить со своим начальством (зав. отделом культпросветработы обкома).

Сегодня я говорил со своим директором пединститута. Высказал ему свое мнение об участии в Вашей работе пединститута, при этом присутствовал Ник. Влад. Андреев². Последний поддержал мое предложение о необходимости отпуска хотя бы небольшой суммы денег на Вашу работу. Директор согласился и в отношении участия кафедр, и в отношении выделения Вам денег, но небольшой суммы.

Николай Владимирович передает Вам привет и просит

¹ **Даниил Иванович Погуляев** (22.12.1895–19.09.1974) родился в пос. Горы Могилевской губ. После семинарии, работал учителем Слободской земской школы. Окончив школу прапорщиков, воевал на Западном фронте в 1916–1917 гг., а в период Гражданской войны служил в штабе РККА Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского. В 1920 г., еще военнотружеником поступил на вечернее отделение Смоленского пединститута. После демобилизации, с декабря 1924 завершил учебу (1927), поступил в аспирантуру и окончил её (1930), став преподавателем в Смоленском пединституте. Вскоре в связи с переездом в 1931 г. проф. А.В. Костюкевича в Московский университет, он возглавил кафедру геологии. Перед войной Погуляев был деканом естественного факультета (диплом у него защищал бежицкий краевед Н.И. Лелянов), директором Западного областного НИИ, замдиректора пединститута по научной работе. В годы войны Погуляев политруком, старшим инструктором политотдела 1-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады РВГ и принимал участие в боях на Западном, Волховском, 1 Прибалтийском и 2 Белорусском фронтах. Награжден двумя орденами Отечественной войны II ст. (11.08.1944, 06.09.1944), орденом Красной Звезды (04.04.1944), Отечественной войны I ст. (09.06.1945), медалями. Вновь демобилизовавшись в 1946 г., гвардии майор Погуляев возвратился в пединститут. Защитил докторскую диссертацию «Геология и полезные ископаемые Смоленской области» (1957). Возглавлял объединенную кафедру физ. географии и геологии. Избирался в партийные и советские органы, возглавлял областную организацию о-ва «Знание». За многолетний труд и достижения награжден 2-мя орденами Трудового Красного Знамени (09.07.1954, 30.09.1966), Ленина (15.09.1961), Октябрьской Революции (20.07.1971) [1; 16; 21: 29]

² **Николай Владимирович Андреев** (21.10.1907–3.06.1970) родился в д.Байково Бежецкого р-на Тверской губ. Учился в Тверском пединституте (1926–1931), закончил аспирантуру Московского пединститута (1934). Работал учителем начальной школы в Весьегонском районе Тверской губ., в городском отделе народного образования в Серпухове Московской области, в педагогическом техникуме, зав. учебной частью рабочего университета (1932–34 гг.). С 1934 по 1969 гг. работал в Смоленском педагогическом институте (заведующим кафедрой всеобщей истории, деканом, проректором). В 1934 г. принимал участие в раскопках Гамково вместе с К.М. Поликарповичем, Г.А. Бонч-Осмоловским и Д.И. Погуляевым. Доцент (1941), кандидат исторических наук (1946). Во время войны в 3-м Ленинградском пехотном училище; затем 38 запасной стрелковый полк 18 зап. стрелковой дивизии. Окончил войну техником-интендантом 1 ранга в звании майора. Получил медаль «За победу над Германией» (ЦАМО, шк.ф 6, ящ.22). Краевед, популяризатор науки. Соавтор книг «Доисторические и исторические памятники Смоленска и его окрестностей» (1948), «Смоленский край в памятниках и источниках с древнейших времен до второй половины XIX в.» (1948), автор книги «О чем рассказывают курганы» (1961, спустя пять лет вышла книга Ю.А. Липкина с аналогичным скараментальным названием, но уже о древностях Курского края) и др. Автора статей по вопросам преподавания истории в школе, антирелигиозной тематике, брошюр и методических пособий [1].

ко закончили со своим переводом
и сейчас Вашу работу переводящей
на 1953 г. В этом году Вы ~~не~~ можете, а
в следующем году будете закончивать.
Буду Вам благодарен, если Вы хотя бы пару
слов напишете о своих Новозыбковских работах. Какие
результаты?
Я со своей стороны сообщу Вам окончательное решение
музея. Крепко жму Вашу руку. Общественно
искренне Ваш Д. Погуляев

Рис.17. Автограф письма Д.И. Погуляева к К.М. Поликарповичу

Рис.18. Н.В. Андреев

Вас принять в свою партию 2-3 его студентов для работы. Сам он будет проявлять особый интерес к полевой работе и примет участие в работе. Кстати, он обещал сегодня же переговорить с зав. отделом культпросветработы т. Винокуровым о том, чтобы тот не возразил музею заключить с Вами договор. Но, в общем, пока все неопределенно. Вчера, оказывается, директор краеведческого института уехал в Сочи. Хотя я и просил его передать Ваше письмо директору краеведческого музея, но не уверен в том, передал ли он ему. Завтра узнаю. Хорошо если Вы напишете официальное отношение и директору Смоленского обл. музея и директору пединститута об участии в Вашей работе музея, и пединститута.

Ввиду того, что Вы действительно несколько запоздали со своим предложением, не следует ли сделать Вашу работу переходящей на 1953 г. В этом году Вы можете начать, а в следующем заканчивать.

Буду Вам благодарен, если Вы хотя бы пару слов напишете о своих Новозыбковских работах. Какие результаты? Я со своей стороны сообщу Вам окончательное решение музея.

Крепко жму Вашу руку. Искренне уваж[ающий] Вас Д. Погуляев» (ЮКМ.ф.1.Оп.116,Д.6).

Выслушав старого знакомого и вняв его мудрым советам, Константин Михайлович с абсолютно аналогичным по содержанию письмом обращается 30 апреля, в Смоленский областной музей. Но в 1952 году организовать раскопки в Гамково, как и ожидалось, не вышло. Однако К.М. Поликарпович был мягок, но настойчив, и в 1953 г. его обращения в Смоленские инстанции с поддержкой старых товарищей и коллег наконец, после трехлетних мытарств, возымели успех, о чем мы узнаём уже из его письма, датированного 25 апреля 1953 г., приведенного ниже.

«Директору Смоленского Краеведческого научно-исследовательского института.

г. Смоленск, улица Маяковского, 3.

Сообщаю, что письмо Института от 22 февраля т[екущего] г[ода] № 210, о принятии Институтom моего предложения о проведении раскопок в Гамкове, и от 10 апреля т[екущего] г[ода] № 316, об ассигновании Смоленским облисполкомом на эти раскопки 10.000 руб., мною получены. Я предполагаю, что начать раскопки можно будет 16 июня. Устраивает ли Вас этот срок? Раскопки займут, вероятно, дней 10-15 не больше.

Для проведения раскопок Краеведческому Институту необходимо обратиться за разрешением в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (Москва, Пятницкая улица, 33). Проект соответствующего письма при этом прилагается. Получить разрешение Институту необходимо, так как частным лицам разрешения на раскопки не

выдаются. В состав научных сотрудников Гамковской экспедиции следует включить 1) Начальника экспедиции (по выбору Института), 2) руководителя раскопок, 3) одного или двух младших научных работников в помощь руководителю работ и 4) если потребуется, 2-3 лаборантов.

Кроме того, необходимо ввести в состав участников экспедиции 1) хорошего чертежника (для черчения плана места раскопок и нанесения на чертеж всех без исключения находок – костей, камней и т.д.), 2) геодезиста (все данные, по которым будет составляться план, должны быть вполне точными), 3) специалиста-фотографа для фотографирования основных моментов раскопок. Геодезистом и чертежником может быть и одно лицо.

Ассигнованная сумма позволяет наметить значительную площадь раскопок – 200 м. на одном, левом берегу оврага и 50 м. на другом, правом. Раскопки второй площади – 50 метров – вносятся на тот случай, если раскопки первой 200 кв.м. не дадут результатов. На обеих площадях глубина раскопок может быть определена в 4-5 метров. При площади 200 кв.м. вся первая выемка составит 1000 кубометров грунта, а вторая 250 кубометров, всего 1250 кубометров. Для выброски этого грунта придется затратить 300 человеко-дней.

Из инвентаря и материалов, нужных для раскопок, здесь пока можно указать следующее: 1) несколько тачек (к ним для откатывания их доски, либо, как на кирпичных заводах, железные полосы. 2) ацетон – 5 литров. 3) киноплёнка (в количестве одного обычного фильма) (ацетон и пленка нужны для приготовления клея), 4) оберточная бумага 10 кг. Вся работа по расчету с научным и техническим персоналом и рабочими, все закупки и оформление всякого рода дел, связанных с экспедицией, ложится на Институт.

Как я уже писал в своем обращении в Институт, характер местонахождения в Гамкове неясен. До сих пор нет данных для того, чтобы сказать уверенно, с чем мы здесь имеем дело: со стоянкой первобытных людей (орудий здесь не найдено) или только с местонахождением остатков четвертичной фауны. Раскопки и предпринимаются исключительно в целях выяснения этого темного вопроса.

Возможно, что в результате работ, проведенных с большой затратой средств, будет установлено, что 1) следов человеческой культуры здесь определенно нет и 2) самые остатки фауны крайне незначительны.

Я прошу Институт иметь в виду возможность такого результата работ в Гамково и не возлагать на меня какой-либо ответственности за возможную с точки зрения количества находок неудачу раскопок. Раскопки имеют определенно намеченную задачу, которая так или иначе этими раскопками будет решена, даже в том случае, если местонахождение в Гамкове не даст каких-либо особенных находок... 5 апреля 1953 г. К.М. Поликарпович» (ЮКМ. Ф.1. Оп.116, Д.6).

Ход и результаты раскопок 1953 г. легко восстановить по полемому дневнику Константина Михайловича, который впервые приводится практически целиком, раскрывая особенности методики и ряд историографических нюансов (ЮКМ. Ф.1. Оп.116, Д.9).

Рис.19. Здание, где располагался Смоленский областной НИИ краеведения (Смоленск, ул. Маяковского,3)
(фото А.А. Чубура, 2019)

«23 июня, вторник. Выезд курьерским поездом №4 (Брест-Москва). В 3-27. Смоленск – 10 с минутами. 11-12 Краеведческий институт, в нём Г.Т. Рябков (был в 1939 г. в Бердыже)¹, Д.И. Погуляев, И.Н. Салов, директор института Н. Митрофаненков, его заместитель Вольский М.С. Около 13-14 часов с Г.Т. Рябковым в Хохлово. Договорились с учениками. Чуть нашли место Гамкова и раскопок. Остановились в д. Романовка, Сыроквашинского сельсовета, Краснинского района.

24 июня, среда. В 8-10 с тремя рабочими заложили раскопки на месте, по видимому, моего раскопа 1934 г. Ведутся раскопки уступами. В 10-45 прибыли первые рабочие из Хохлова. 12-30: Раскоп 1 – 9 человек, 2 – 5 чел., 3 – 6 чел., 4 – 8 чел. С 11-30 прибавились 25 учеников Хохловской школы. 13-10 перерыв до 15-00, на обед. 15-00 начали работу после обеда. Очень жарко. Должны были к 11-00 приехать работники из Института, но до сих пор – 15-00 их нет. Раскопки ведутся по такому способу. земля выкидывается по вертикали на дно

оврага, по горизонтали до С-Ю, В-З. Вперёд, на дно оврага на пространство СВЮ. Таким образом, четырехугольником СЮЗ будет пустым до самого дна и на него можно выбрасывать землю с следующего с 3 четырехугольника. Так во всех четырех раскопах. Вода показалась в раскопах 3 и 4. Приезжал фотограф. Сделал снимков (Зорким)². Приехал после обеда Д.И. Погуляев и И.Н. Салов. Первый пошёл по Уфинье. Г.Т. Рябков уехал на той же машине. На этой же машине привезли 3 носилок, 16 лопат, 11 досок. 4-й час. С утра никаких находок.

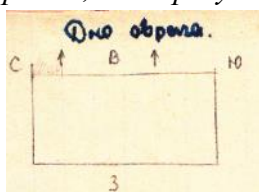

Рис.20. Г.Т. Рябков

¹ Первым К.М. Поликарпович упоминает **Георгия Трофимовича Рябкова** (24.11.1919–12.02.1993), принимавшего в 1939 г. участие в его раскопках палеолита на стоянке Бердыж на р. Сож, одновременно с будущим известным археологом-палеолитоведом А.Н. Рогачевым. Рябков избрал научной специализацией историю сельского хозяйства и крестьянства России эпохи феодализма, но это случилось позднее. Родился он в д. Окрутово Монастырщинского района в крестьянской семье. Окончил семилетку, учился в Соболевском педтехникуме. Уехав в Забайкалье к брату-пограничнику, продолжил учебу там, но вскоре вернулся в Смоленск и в 1938 г. окончил рабфак при Смоленском пединституте, в который затем и поступил. С началом войны вступил в Московское ополчение. 23.02.1942 был тяжело ранен и комиссован с 2-й группой инвалидности, получив орден Отечественной войны II ст. На ст. Зима Иркутской обл. был учителем начальной школы, зав. методкабинетом, зав. районным отделом образования. Учебу завершил в Московском пединституте им. Ленина, получив диплом учителя истории, в декабре 1943 г. вернулся на родину. Вновь прошел тот же карьерный путь: учитель, директор школы, зав. Монастырщинским райотделом народного образования, затем стал вторым секретарем Смоленского обкома комсомола и в 1948 г. был награжден орденом Трудового красного знамени. В 1949-1952 гг. учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где защитил кандидатскую диссертацию «Развитие капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве в конце XVIII–первой трети XIX вв.». Заведовал отделом науки и учебных заведений обкома КПСС (в этом статусе и курировал раскопки в Гамково, он же, скорее всего по старой памяти и помог «пробить» деньги на раскопки) и возглавлял кафедру истории в областной совпартшколе. С 1957 г. и до конца жизни трудился в Смоленском госупединституте. Заведовал там кафедрой отечественной истории, был деканом истфака, а затем проректором по научной работе. В 1970 г. под руководством академиков Б.Д. Грекова и М.В. Нечкиной защитил докторскую диссертацию, по которой изданы монографии «Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества», «Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII – первой половине XIX века». Был инициатором и руководителем многолетней экспедиции «Смоленская деревня», редактором и соавтором справочников и путеводителей по Смоленщине с 1957 по 1988 гг. [1]

² Фотоаппарат «Зоркий» - советская копия германского фотоаппарата «Leica II» образца 1925 г., выпускавшаяся с 1948 по 1956 гг. на Красногорском заводе под Москвой (А.Ч.).

25 июня, четверг. Начали работу в 8-00. Начали вторые очереди раскопов на раскопах 1 – 4. На р-1 9 человек, 2 – 5 чел., 3 – 7 чел., 4 – 7 человек... День ясный, жаркий.

Р.2. 5,4 x 2,5 x 1,70¹. Западная стенка 1 очередь. См. описание раскопа у И.Н. Салова.

1. Гумус.

2. Грязно-белый с железистыми вертикальными полосами мелкий глинистый песок.

3. Белый плотный глинистый песок.

Р.1. 7,8 x 2,0 x 1,5. Западная стенка.

1. Гумус – 0,60

2. Ржаво-рыжий слоистый суглинок (иллювиальный горизонт) – 0,4.

3. Грязно-серый глинистый спесок. Слоистый пылеватый суглинок – 0,50.

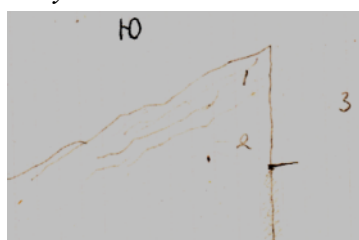
В правой стороне старая яма по стенке 3 м. до глубины начала слоя

3. Ни один слой не вскипает с HCl.

Р.3. 8,4x3,90x1,80. Западная стенка.

1. Почва темносерая до 0,70.

2. Супесь пылеватая светло-серая, с железистыми примазками, вскипает.

1,0.

3. Супесь пылев., желтовато-серая с железистыми примазками и ожелезнением по краям растений. Вскипает. Открыто 0,20.

Р.4а. 7,90 x 3,10 x 1,45. Юго-западная стенка.

1. Почва, гум. Слой – 0,40.

2. Супесь пылеватая серо-коричневая (охристого цвета) иллювиальный горизонт – 0,20.

3. Супесь пылеватая, светло-серая, не слоистая, местами с желт[ыми]. железн[ыми]. примазк[ами]. Вскипает с HCl. Валун и галька кристаллических пород не >0,10. Местами известковые конкреции и дутики до 0,03 в диаметре – 0,85.

4. Суглинок пылеватый, светло серый, с зеленоватым оттенком, с железистыми примазками. Вскипает. Открыто 0,10.

Р.4б, Западная стенка. Это разрез старого шурфов 3.4. шириной по верху около 3,0, по низу – ок. 2,0.

9-11 часов. Замерены все раскопы, очереди первые («а»). Записаны их западные разрезы. 5 часов (работы - А.Ч.). Приблизительно посредине по длине р.3, в нижнем 3 слое локоть волка, сломанный рабочим при вынимании. Нет дистальной половины. Заложена вторая очередь р.3, ширина 3 м. 15-20. Начали работу после обеда (до обеда 5 часов). Шестой час.

Около 12-30 приехал геодезист Юрченко из проектного бюро Смоленского областного управления сельского хозяйства и заготовок. С 15 часов он начал съемку плана места раскопок в масштабе 1:500.

7 часов. Р.2, С-В угол, самый низ. Белый суглинок. Два малых обломка большого ребра. Окончили работу в 18-20. Всего работали 8 человек.

26 июня, пятница. Начали работу в 8-20. Работают в 1 раскопе 8 чел., 2 – 6 чел., 3 – 6 чел., 4 – 7 чел. Раскопы 2 и 4 залиты водой. Заложили новые части раскопов. Всего работает 27 человек в раскопах, 3 человека на съемке, всего 30 человек. Р.1. кончают 2 очередь, Р.3 начали вчера 2 очередь, Р. 4 кончают вторую очередь. 3 часа. Раскоп 1 Ю стена. Средние и нижние слои совершенно горизонтальны.

¹ Здесь и далее дается размер раскопа или толщина слоя в метрах (А.Ч.)

Работы в общем продвигаются не быстро. Сказывается возраст рабочих. На 32 человека работающих сегодня и 28 копающих 13 человек в возрасте 16 лет (1937 г.), 5 человек в возрасте 17 лет (1936 г.), 4 человека в возрасте 18 лет (1935 г.), 3 человека в возрасте 15 лет (1938 г.), 2 человека в возрасте 14 лет (1939 г.), 1 человек в возрасте 20 лет (1933 г.), 1 человек в возрасте 24 лет (1929 г.). 10 часов 57 минут первые облака на ЮЗ внизу, ветер – С.

Запись с Д.И. Погуляевым. Р.1. Западная стенка, южная половина.

1. Темносерый гумусовый горизонт, нижняя граница неровная – 0,40-0,45. В СЗ углу мощность увеличивается до 0,58.

2. Белесоватый-ржаво-бурый, пятнистый, горизонт. Белёные пятна представляют собой подзоистую часть горизонта. 0,20. В СЗ углу этот горизонт почти отсутствует, и горизонт 1 гумусовый, залегает на черной, глянцевой глинистой породе, мощностью 0,30; сходит на нет на В направлении. 3. Горизонт 2 незаметно переходит с серо-бурый иногда сизовато-серый г-т, плотной суглинистой породы, разбитой трещинами в разных направлениях. В нем – редкие известковые конкреции, ржавые пятна. Это иллювиальный горизонт 3а,б. 0,30-0,35. Ближе к С стенке древний размыв с заполнением тонким глинистым, светло-серым, ржавого, серого, пятнистого (см. фото)¹. 0,60.

4. Суглинок лессовидный серый, с мелкими редкими ржавыми пятнами (кrapинками) 0,20-0,22.

5. Ржаво-бурый горизонт того же суглинка с пятнами голубовато-серого суглинка. 0,20-0,25. Ближе к краю горизонт отсутствует, будучи разорванным выше под 3а описанным заполнением. Переход к слою 4 и 6 более-менее резкий.

6. Суглинок лессовинный, серый, слаболесоватый (сизоватый). Его мощность 0,40. В Ю-З углу, на контакте 5 и 6 горизонтов, горизонт светло серого очень тонкого глинистого песка мощн. 0,03-0,04. Под горизонтом гумуса 1 в сев. стенке, в правой (т.е. вост. части) под гумусовым горизонтом вскрыта линза темной, глянцевой, черной сильно гумусированной глины, подстилается суглинком 2. 0,45. Общая глубина раскопа в южной половине 1,90.

Р.4. Западная стенка. Запись с Д.И. Погуляев[ым].

1. Гумус суглинистый. Горизонт черного цвета (очень похож на «культурный слой») – 0,80. Ближе к северной стенке с большим провисанием, глубина провисания 1,47-1,90.

2. Охристо-бурого цвета лессовидный суглинок. 0,29-0,34. Наклонно, повторяя провисание гумусового горизонта, причем в центре провисания прорван по вертикали. В нижней части провисания прослой гумусного горизонта (1) переслаивается с охристо бурый слоем (2).

3. Голубовато-серый суглин., с ржаво-бурыми пятнами и кrapинками, 1,27 до дна.

Южнее падают до 3 м слой 1 и 2, 2 увеличивается в мощности ближе к тальвегу, а 1 наоборот, уменьшается до 0,35. Обращает на себя внимание, что слой 3 не слоист ни горизонтально, ни наклонно.

Р.3 Западная стенка, на склоне.

1. Темносерый гумус, нижняя его граница волниста – 0,93.

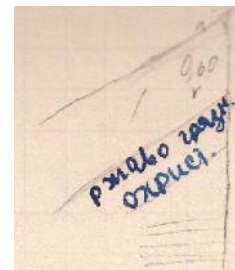
2. Охристо-бурый ржавый суглинок 0,34.

3. Сизо-сероватый суглинок 1,90. В этом слое 25/6 локоть волка в 4,0 от северной (новой 26/6 границы раскопа. Слой 3 – в нижней трети охристые примазки.

Р.2. Западная стенка.

1. Гумус темновато-серый, нижняя граница волнистая. 0,60-0,78.

2. Светло-серый слабо голубоватый с редкими ржавыми пятнами и кrapинками лессовидной супеси. В нижней части мощн. до 0,20, горизонт более ржавый (1,50 - 1,62 до дна).

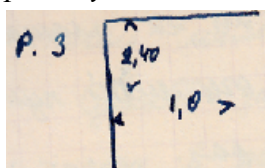
¹ Фото в архиве не сохранилось, А.Ч.

29/6: слой 3. Видимая часть. Грязносерый лессовидный суглинок 0,55.

Слой 4. Светлосерый крупный ржавый песок с валунчиками до 0.015 диаметром. 0,15 видимая часть. В южной стене, вторая очередь, как у И.Н. Салова.

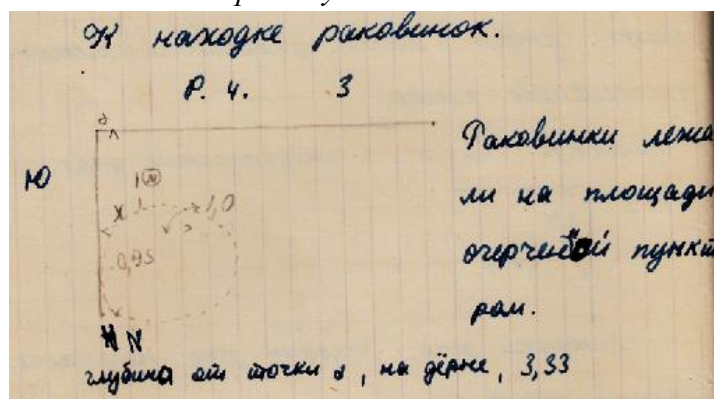
Вместе с Д.И. Погуляевым замеры слоёв во всех четырех раскопах. Предполагалось заложить раскоп на правом берегу оврага, против рр.1-4. Однако вести раскоп там трудно: корни и молодые пни (молодой лес: ольха, ель, орешник).

27 июня, суббота. Утром дождь. Начали работу в 9-35. Всего 16 человек. Пасмурно. Изредка солнце. Ветер. Тепло. На обед в 13-35. После обеда начали в 15-20. Рабочие подходили весь день, те же, что и вчера. Последние пришли в 4 (2) и (один) в 5 часов работы. Окончили работу в 18-30. Из Смоленска не приезжал никто.

28 июня, воскресенье. Начали работу в 8 часов, на обед в 13 часов. После обеда начали в 15 часов. Рабочих всего 18 человек. 5 ч. Р.3. На глубине 2,10 от нижней границы гумуса = мелкие раковинки (белые) в серозелёной глине. Юго западный угол. Холодный день. Не один раз начинался мелкий дождь. Рабочие не пришли в связи с воскресным днём. 8 – 10-45 –

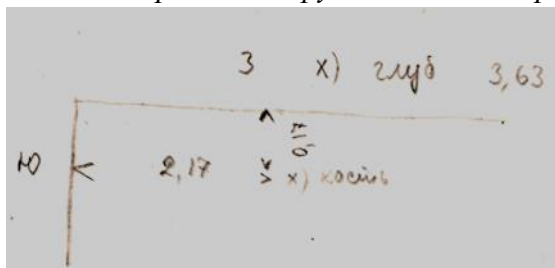
ходил в Сыровкашино к председателю сельсовета Филенкову, чтобы предъявить документы. В конце 15 часа ушел в Корытню Георгий Трофимович Рябков. 5-й час. Пришел сотрудник Смоленского музея Александр Азарович Ходченков¹. За весь день никаких находок кроме раковин. Окончили работу в 18 часов.

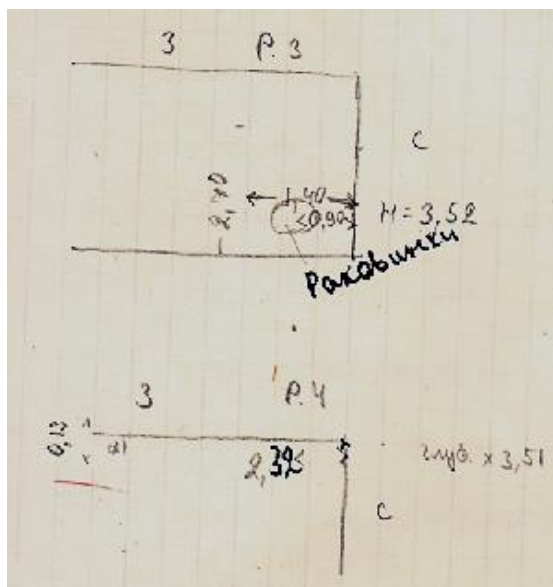
29 июня, понедельник. Начали работу в 8 часов. Рабочих 28, из них несколько новых. Раскопы те же. Р.2 и отчасти 1 – вода. 6 ч, Р.4. Кость в южной половине под западной стенкой. После 5 часа отпущены 7 новых рабочих, осталось 20 человек на 6-9 часов. Кость вырыта в середине 8 часа, маленькая. Сделана зарисовка А.А. Ходченковым на 6 и 7 часах в раскопах 1 и 2. Окончили работу в 18-40, 10 минут прибавлено за стояние и

разговоры. Работают рабочие очень плохо. Все школьники. В раскопе 3 ругаются «матерски». Не учеников был один рабочий, которому по окончании работы 27 июня сказано больше на работу, т.е. 28 июня не приходить: лентяй и хулиган.

30 июня, вторник. Начали работу в 8-30. 1 час – Р.4. сев ½ зап стены на уровне воды два крошечных обломка костей. От сев. угла р.1 до Ю. угла р.4 – 94 23/13.

¹ А.А. Ходченков (14.09.1920-30.03.1998), родился в д. Помельники Смоленского р-на. В 1938 г. закончил школу № 27 в пос. Колодня. Поступил в Смоленский госпединститут, к 1941 окончил 3 курса. Призван в армию и направлен в Ленинградское артучилище (окончил в 1942) оттуда – на Волховский фронт. Ранен в окружении, попал в плен. В начале 1945 г. бежал с группой пленных, оказался в интернациональном лагере. После освобождения отправлен в г. Козельск в 55-й запасной полк. В декабре 1945 г. демобилизован, вернулся в Смоленск, военруком в педучилище. Окончил Смоленский пединститут (1947), работал завучем Екимовичской школы, школы №1 Смоленска, в музее истории, инспектором по охране памятников. С 1963 г. директор новой художественной школы в Смоленске.

Размеры окончательные раскопов. Р.4. Ю-С 9.10 3-В (по югу) 2,43+5,60. Р.3. дл. С-Ю 6,12 шир. 3,8 + 3,7. Р.2. Дл. 5,30 шир 4,50. Р.1. Дл. 8,28 шир 7,28.

Окончили работу в 18-25, начали в 15-35. Раскопки закончены. Остается уточнить некоторые гипсометрические данные. Приехал через Корытню автобусом фотограф Николаев. Сделал снимки всех раскопов. После обеда приехал на грузовике заместитель директора краеведческого Института М.С. Вольский.

1 июля, среда. С утра ожидал топографа, который так и не явился. С 11-30 начали расплачиваться с рабочими за три последних дня. Уговорился с Николаем Мамонтовым относительно доставки чемодана в деревню Корытню, где в 15 часов бывает автобус по пути из Красного в Смоленск.

Назначил ему время 13-45. Он, вместо этого, явился с велосипедом только в 14-30. Чемодан повез на велосипеде и довез только к 15-15, когда автобус уже ушел в Смоленск (до Корытины – 2 км). Ждал какой-либо машины до 21. Уехал на пассажирской машине (20 р.). Ночевал в Смоленске в гостинице. Ясная погода.

2 июля, четверг. Утром – в Краеведческом Институте. Не получил ни копейки на расходы. Уехал в 12-57 в Минск. Приехал около 20-21 ч. Ясная погода».

Итак, при последней попытке найти в Гамково палеолит К.М. Поликарпович заложил там еще четыре раскопа, которые принесли всего четыре обломка костей (три, вероятно, носорожьих, и одна – волка), фрагменты раковин пресноводных моллюсков и вновь – ни одного расщепленного кремня. Более в вымороченную деревню Гамково археологи уже не возвращались.

Так в чем же дело? Почему при наличии огромного поначалу скопления костей, отчасти расколотых (поздние раскопы попадали скорее на периферию зоны концентрации, тем более как минимум один из них перекрывал старый раскоп 1933 года) не встречено никаких непосредственных следов палеолитического человека – используем модное ныне слово – артефактов? Наверное, потому, что не стоит искать черную кошку в темной комнате, когда её там попросту нет.

Еще выдающийся палеонтолог Валериан Иннокентьевич Громов в своей монографии, увидевшей свет в 1948 г. четко сказал, что «в Гамкове наличие даже стоянки еще не может считаться доказанным, не говоря уже о наличии здесь мустье. ... Гораздо важнее, что гамковская находка залегает в надморенных отложениях, образовавшихся в одну из фаз размыва этой морены и не в самом начале размыва морены... Гамковская находка перекрыта суглинками водораздельного типа». И, наконец, главное: «...эта находка представляет интерес, потому что большое скопление остатков носорогов является фактом, который лишней раз указывает на возможность таких скоплений и без участия человека» [6. С. 162-164] .

При этом расколотость многих костей легко объясняется не неандертальцами, дробящими костный материал (если трубчатые кости можно разбить ради добывания костного мозга, то чего ради колошматить рёбра ничего гастрономически привлекательного внутри не содержащие?), а банальными природными причинами, как то: растрескивание при высыхании, термическое (особенно морозобойное) раскалывание, разрывание мерзлотными трещинами. Уже перечисленного достаточно, а если подумать – можно вспомнить еще десяток

причин, по которым кость без всякого участия человеческой деятельности может развалиться на части.

Не удивительно и массовое преобладание костей одного вида: такие костища тоже известны в настоящее время, и далеко не все они созданы деятельностью людей. Более того, большая их часть образовалась естественным путём. Иное дело, что многие из таких «кладбищ» животных, конечно же, с разными целями посещались палеолитическими людьми, и потому находки единичных артефактов, вселяющих напрасные надежды в археологов, воз-

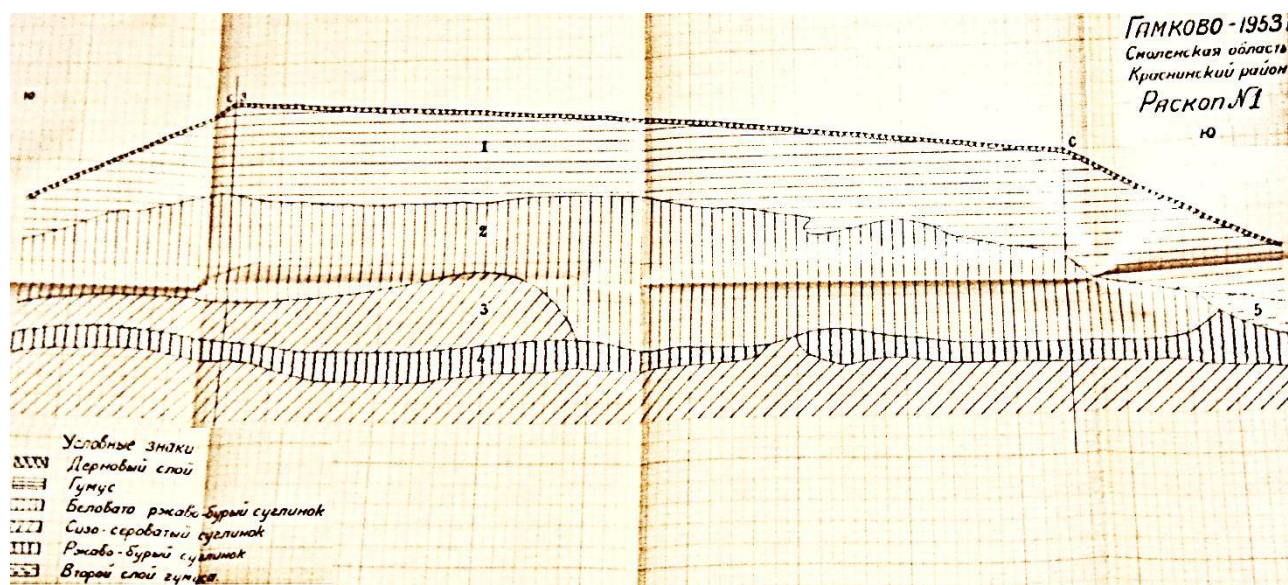

Рис. 21. Чертеж профилей стенок раскопа 1 в Гамково, 1953 г. (Архив К.М. Поликарповича)

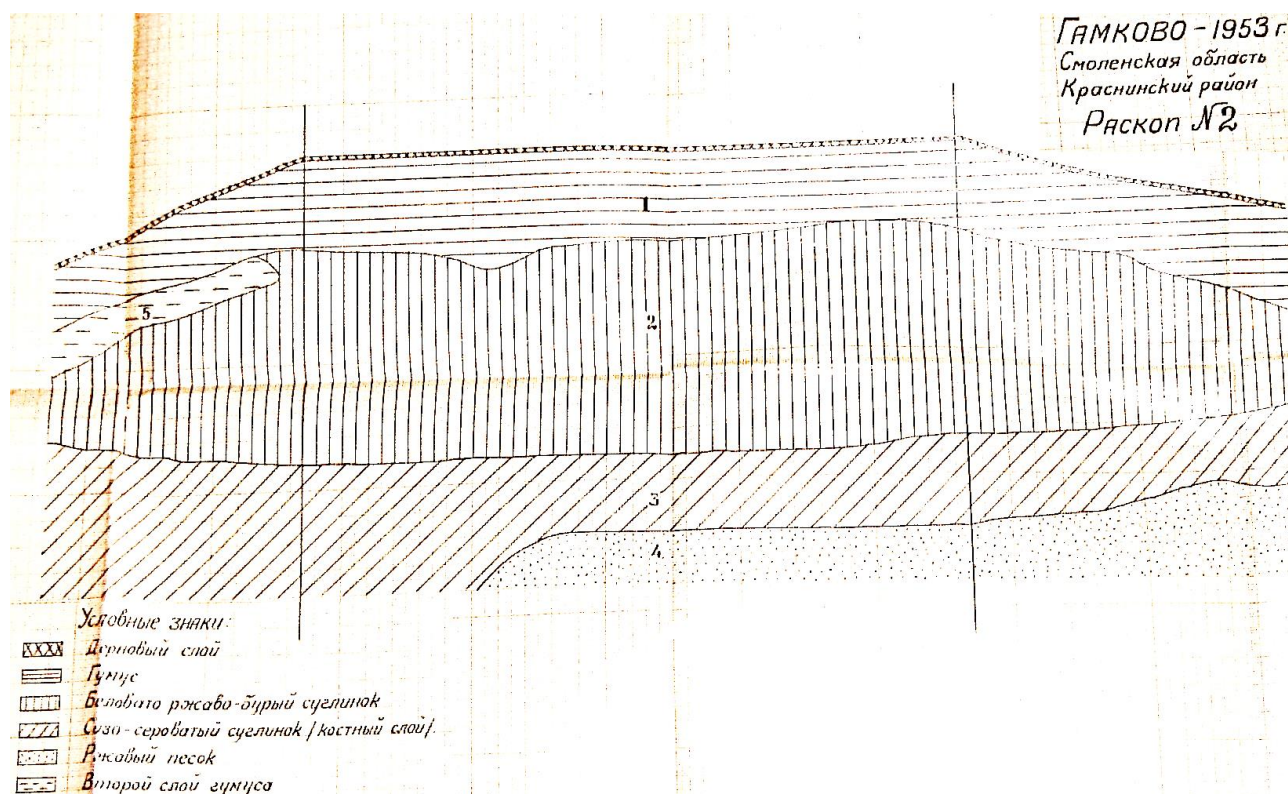

Рис. 22. Чертеж профилей стенок раскопа 2 в Гамково, 1953 г. (Архив К.М. Поликарповича)

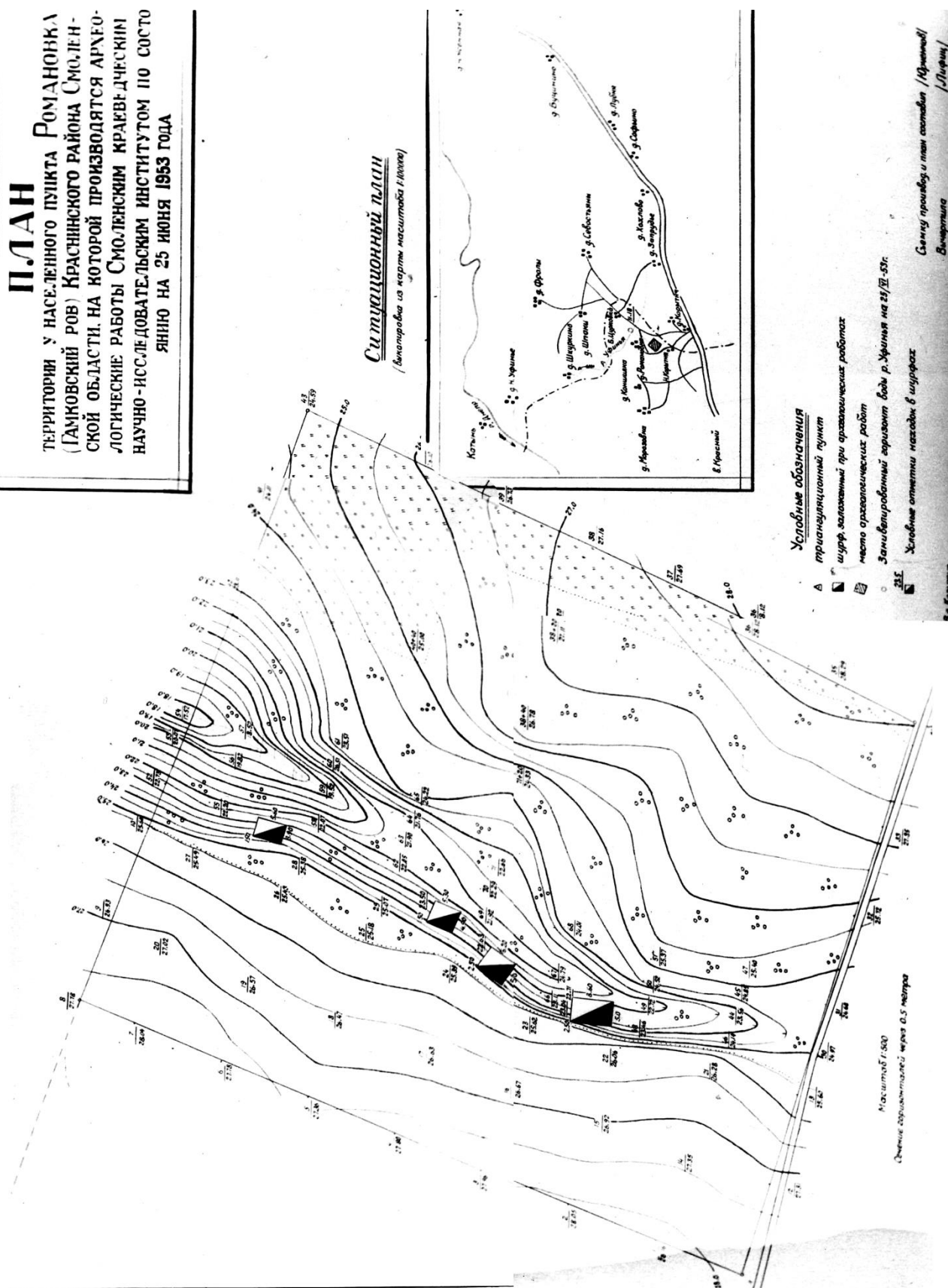

Рис.23. Топографический план Гамковского оврага с нанесенными раскопами 1953 г.

Рис.24. Чертеж профилей стенок раскопа 3 в Гамково, 1953 г. Оригинал. (Архив К.М. Поликарповича)

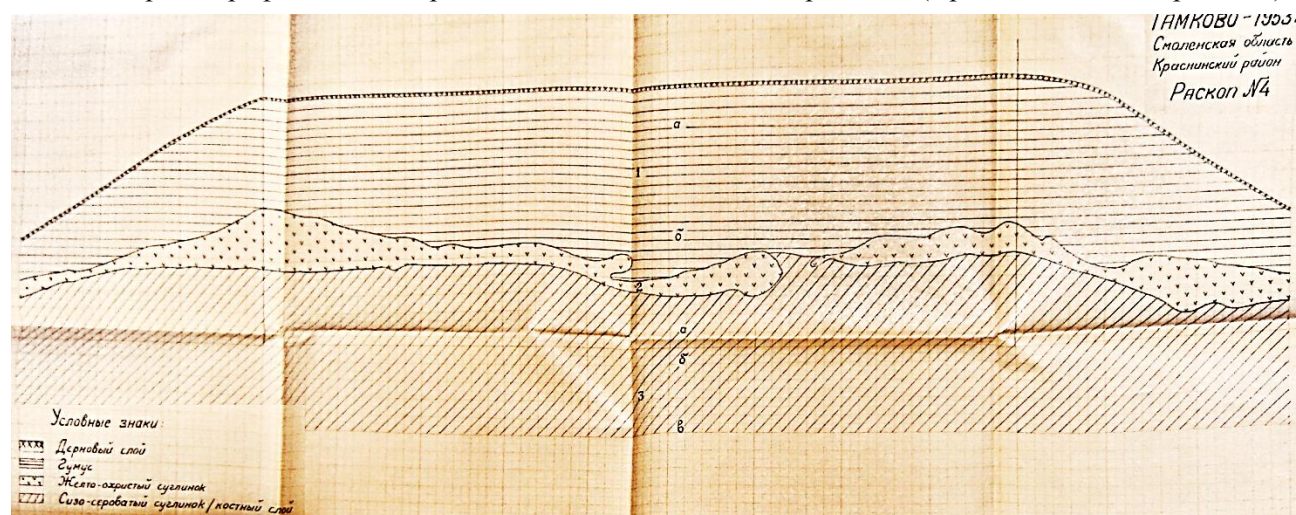

Рис.25. Чертеж профилей стенок раскопа 4 в Гамково, 1953 г. Оригинал. (Архив К.М. Поликарповича)

можны. Таковы были в начале 1990-х гг. несколько кремневых отщепов, нашедшихся среди костей тридцати мамонтов на реке Сев у города Севска, к этой же категории, вероятно, относятся пара осколков кремня, посеянных потом дома местными крестьянами и многократно упоминавшийся дисковидный нуклеоподобный кремь от А.Н. Лявданского, образца 1932 г.

В свете современных представлений, можно предположить, что в Гамково мы имеем дело с типичным природным «кладбищем» плейстоценовой мегафауны, вероятно связанным с минеральным солонцом [17]. На таких выходах «съедобных» глин, позволявших животным восстанавливать минеральный баланс организма, нередко возникали топкие места, становившиеся ловушками для крупных зверей. Такие «кладбища» нередко посещали люди, однако палеолитическими стоянками и поселениями их считать невозможно. Проблема состояла в том, что выходы таких глин часто бывали переувлажнены, а местами и вовсе заболочены (вспомним тут о раковинах пресноводных моллюсков, встреченных в нескольких раскопах на уровне костеносного горизонта). Именно это губило привлеченных «глиняными пирожками» животных, которые увязали в целебной грязи, вдруг становившейся смертельной ловушкой. Подобная картина наблюдается, например, на территории местонахождения Синяя

Балка (Богатыри), где погибли многие десятки носорогообразных эласмотериев. Не исключено, что овражек с выходами флювиогляциальных отложений в районе Гамково точно так же привлекал шерстистых носорогов. Да и волки могли приходить поживиться носорожьим мясом, и сами вязли в коварной глине.

Ну и в заключение снова о людях. Эта статья стала хорошим поводом вспомнить многие имена, которые несправедливо стали забываться. Раскопки в Гамково, право, не единственный повод вспоминать чаще этих людей. Ведь фундамент, на котором прочно стоят многие современные исследователи, если присмотреться – это плечи подзабытых академических и региональных исследователей полувековой, вековой, полуторавековой давности. И еще: обратите внимание, сколько биографий, которых мы коснулись, оказались трагически поломанными и навсегда прерванными даже без мировых войн – просто волей воцарившегося в стране режима и теми, кто, поддерживая его, строчили миллионы доносов и сами попадали в адские жернова. Самое глупое было бы попытаться забыть об этом времени и том непоправимом вреде, которое оно принесло науке, познанию и просто человечности.

Библиографический список

1. *Беляев И.Н.* Подвижки земли Смоленской. – Смоленск : Смядынь, 2003. – 452 с.
2. *Бибилов С.Н.* Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский // Советская археология. 1990. № 1. С. 277-283
3. *Васильев С.А.* Г.А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // Российская археология. 1994. №2. С. 202-207.
4. *Власов В.А.* Народный университет имени Шанявского // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 527-532.
5. *Гербова В.Г.* Четвертичная геология в трудах Г.Ф. Мирчинка. М.: Наука, 1973. 122 с. (Труды ГИН АН СССР; Вып. 239).
6. *Громов В.И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР : (Млекопитающие, палеолит). – М.: АН СССР, 1948. – 524 с.
7. Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. № 1-4, 1909.
8. *Дубинский А.Ю.* Вифанская духовная семинария : Алфавитный список выпускников 1881–1900 годов : (краткий генеалогический справочник). М., 2002.
9. *И. Ф.* Памяти П.А. Спиридонова//Рабочий путь [Смоленск], 1925, 9 июля.
10. *Иванов М.В.* Общество изучения Смоленской губернии // Смоленская область : энцикл. – Смоленск, 2003. – Т. 2 : А-Я. – С. 289.
11. *Иванов М.В.* Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII- первая треть XX вв.). Смоленск, 2005. [Общество изучения Смоленской губернии] С. 67-73.
12. *Иванов М.В.* Г.В. Парфенов: археолог, педагог, музейный деятель // Край Смоленский. 2016. № 1. С.39–44.
13. *Козлов В.Б., Кремень А.С., Ревина О.А., Фесюнова О.Д.* Салов Иван Николаевич – знаменитый ученый смоленской физико-географической школы // Природа и общество: в поисках гармонии. 2018 № 4. С. 88-98
14. *Костюкевич-Тизенгаузен А.В.* Исследование фосфоритовых отложений в Сещинском районе Рославльского уезда Смоленской губернии в 1925 году. Смоленск, 1926.
15. *Лейфер А.* «На добрый вспомин». К портрету А.Ф. Палашенкова // Сибирские огни. 2006 №№ 3, 4. URL: <http://www.sibogni.ru/content/na-dobryy-vspomin> и <http://www.sibogni.ru/content/na-dobryy-vspomin-0> (дата обращения 12.06.2021).
16. *Лебянов Н.И.* Палеолитический человек на территории Западной области (краткий очерк) // Геология и полезные ископаемые Западной области. № 2. Смоленск, 1935, С. 153-164.

17. *Лецинский С.В.* Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчья Грива // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. С.244-251.
18. Личное дело Лявданского А.Н. № 13173-с. Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
19. Любимов П.П., сост. Исторический очерк Смоленской Мариинской женской гимназии. 1861-1911 гг. – Смоленск, 1913. – 189 с.
20. Ляўданскі А.Н. Да пытання аб палеалітычнай стаянцы каля в. Гамкова, Смаленскай акругі // Працы Археалёгічнай Камісіі. Т.ІІ. Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Беларус. акад. навук. – Мн., 1930. – С. 495-498.
21. *Махотин Б.А.* Ваш Д. Погуляев. – Смоленск: Смядынь, 2005. – 224 с.
22. *Метельский А., Илькевич Н.* Исследователь древностей Смоленщины: Александр Лявданский // Край Смоленский, 1997, № 1-2, с. 15-21;
23. *Мирчинк Г.Ф.* О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейне р. Десны и Сожа // БМОИП. Нов. серия, 1929, т. 37. Отд. геол., т. 7, вып. 1-2, М., С. 3-19.
24. *Мирчинк М.Е.* Дело смоленских церковников / Пред. Л.И. Турбиной // Вестник Русского Христианского движения. Нью-Йорк–Париж–Москва, 1997. № 1 (175). С.211-233.
25. *Морозова А.І.* Бонч-Асмалоўскі Глеб Анатолевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі У 6 т. Т.2. Беліцк – Гімн / Беларус. Энцыкл. – Мн.: БелЭн, 1994. С.58.
26. *Морозова А.І.* Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах / 1 том А-К. – Мн: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. 2009. – С. 110-111.
27. *Наливкин Д.В.* Наши первые женщины-геологи. – Л. : Наука, 1979. – 215 с.
28. *Платонова Н.И.* Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: этапы творческой биографии / Н.И. Платонова // Санкт-Петербург и отечественная археология: историографические очерки. – СПб.: СПбГУ, 1995. С.121-144.
29. *Погуляев Д.И.* Участие местных краеведческих организаций в изучении природы Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. – Смоленск, 1959. – С. 42-56.
30. *Поликарпович К.М.* Работы по исследованию палеолита и эппалеолита в БССР и Западной области в 1933-1935 гг. // Советская археология. 1940. Вып. 5.
31. *Поликарпович К.М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.
32. Протоиерей А.А. Спиридонов : [некролог] // Смоленские епархиальные ведомости. 1910. № 14, отд. неофиц. С. 493–496.
33. *Салов И.Н.* Находки ископаемой четвертичной фауны в Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып.2. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. С.311-333.
34. *Сергеев Е.М.* Взгляд сквозь годы. Воспоминания / Ред. В.И. Осипов. – М.: ГЕОС, 2014. - 480 с.
35. Федор Васильевич Дробышев. Воспоминания / Авторы-сост.: Б.В. Краснопевцев, Н.Н. Володина. – М.: МИИГАиК, 2014. – 180 с.
36. *Хохлова Н.Н.* Иван Николаевич Салов // Музейный вестник. Вып. 3. – Смоленск: Смоленский государственный музей-заповедник, 2008. С. 17-21.
37. *Чубур А.А.* К.М. Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. – Минск: Белорусская наука, 2009. – 244 с. («Люди белорусской науки»).
38. *Чубур А.А., Гурьянов В.Н.* Судьбы археологов Западной области в годы Второй мировой войны // Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». – Брянск: РИО БГУ, 2015. С.280-295
39. *Шмидт Е.А.* Александр Николаевич Лявданский. К 60-летию со дня смерти (1893-1937) // Знай и люби свой край: Библиографический указатель. – Смоленск, 1997. С. 35-36.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

УДК 329.12

Ю.Н. Устинова

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ (1871 г.)

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать работы исследователей, занимающихся историей национал-либеральной партии Германской империи, образованной в 1871 г. Выделены основные направления и научные школы в изучении политической деятельности партийной структуры.

Ключевые слова: германский империализм, бисмаркизм, национал-либеральная партия, либеральное движение, неолиберализм, социально-критическая школа

Ustinova Yu.N. German historiography of the National Liberal Party of Germany (1871)

Abstract: The article attempts to analyze the work of history researchers of National Liberal Party of German Empire, formed in 1871. The main directions and the scientific schools in the study of the political activities of the party structure are highlighted.

Keywords: German imperialism, bismarkism, national-liberal party, liberal movement, neoliberalism, social and critical school.

Национал-либеральная партия, успешно прочувствовав существующую политическую ситуацию в стране, уже в первом германском рейхстаге стала ведущей политической силой, получив большинство голосов избирателей на первых общегерманских выборах. Такие результаты предоставили ей полный карт-бланш на осуществление предвыборных обещаний, которые, нужно отметить, исходили из интересов различных социальных слоев, что и обеспечило высокую популярность предвыборных лозунгов. Главной преградой в достижении поставленных целей большой политики стала фигура «национального героя» всех немцев рейхсканцлера Отто фон Бисмарка, который в осуществлении своих стремлений исходил из идей консерватизма и авторитаризма.

До того времени пока ситуация в стране допускала активное проведение в жизнь либеральных идей в политике, экономике, социальной сфере и культуре, национал-либералы были «на коне». Спад эффективности их идей, или точнее сказать, недалекость продвигаемых решений шла в разрез с реалиями времени: после экономического кризиса 1873 г. и принятия военного бюджета 1874 г. отношения власти к национал-либералам изменились. У Бисмарка стали возникать сомнения относительно правильности избранного политического партнера для проведения своих решений. Культ личности рейхсканцлера бы неоспорим. И в сложившихся обстоятельствах партии пришлось избрать тактику лавирования. Однако такое течение дел устраивало далеко не всех национал-либералов и стало причиной появления принципиальных разногласий. Со временем сохранить единство партии и ведущие позиции в рейхстаге становилось все сложнее, пока в 1879 г. из рядов партии окончательно не выделились два течения. Это событие, получившее название «сецессия», следует рассматривать как завершение «национал-либеральной эры в парламенте».

В этой связи интересен взгляд самих немцев на ситуацию в стране и расстановку политических сил. Чтобы понять насколько в действительности у национал-либералов была возможность сохранить популярность и политическую власть в стране, проведем анализ научной литературы по данной проблеме.

В рамках изучения истории национал-либеральной партии в первые годы Второй империи, можно выделить несколько периодов.

Первый период включает в себя конец XIX – начало XX вв. Для немецкого историзма того времени были свойственны преобладание внешней политики над внутренней и тенденция к возвеличиванию исторической личности. Этот сюжет получил дополнительный им-

пульс в связи с подготовкой к франко-прусской войне. Новым кумиром немцев стал рейхсканцлер Отто фон Бисмарк, личность и деятельность которого стала предметом большого количества исторических исследований, заслонив собой изучение партийно-политической системы Второй империи.

Среди трудов, написанных «по горячим следам» событий 70-х гг. XIX в., следует упомянуть монографию Г. Блума [4], где содержится богатый и хорошо систематизированный фактический материал. В работе Бисмарку отведена центральная роль, а национал-либералы выделены автором лишь как активные участники законодательного процесса.

Особого внимания заслуживает двухтомная работа Г. Онкена о лидере национал-либералов Рудольфе фон Беннигсене, вышедшая в 1910 г. [27]. Исследование написано живым языком на основе личных бумаг и архивных данных. Первые семь лет после основания империи автор назвал национал-либеральной эрой в парламенте. Отметив разнонаправленность политической программы национал-либералов, Онкен сделал вывод, что во многом это обстоятельство позволило им занять господствующее положение в рейхстаге и ландтаге, что в свою очередь способствовало достижению новых побед.

Согласно Онкену, Беннигсен предстает перед читателем талантливым организатором, авторитетным политиком, который, однако, не смог предотвратить внутреннего раскола партии в 1878-1879 гг. Исследователь показывает не только конфликт либералов-фритредеров и сторонников протекционизма, приверженцев сильной или свободной Германии, но возникавшие в партии споры он связывает с личными отношениями лидеров формирующихся течений [27, S. 251.]. Беннигсен, будучи политиком-прагматиком, пытаясь сохранить уважение политических противников, избрал тактику лавирования. Ласкер, фанатично отстаивавший соблюдение партийных принципов, являлся, по Онкену, сторонником прогрессистской линии внутри национал-либерализма.

Новый период в изучении истории партии начался в германской историографии с установлением Веймарской республики. В 1920-х гг. сторонники консерватизма желали возврата к понятному им авторитаризму, либералы принимали государственный строй, сменивший Империю.

В 1924 г. была опубликована много раз переиздававшаяся книга выдающегося историка-либерала Ф. Майнеке «Идея государственного разума в новой истории» [23]. Желая сохранить равновесие морали и силы, исследователь не принял слепое преклонение перед государством силы. Майнеке заинтересовали личность и взгляды одного из самых известных национал-либералов – знаменитого историка Г. фон Трейчке. По мнению исследователя, партийная позиция Трейчке «обновила» учение макиавеллизма: высшая нравственная обязанность государства состоит в заботе о своей мощи, силе, чтобы однажды привести его к боевой славе. В понимании национал-либералов эпохи Второй империи неизбежность войны должна обосновываться ее нравственной необходимостью, война должна быть признана справедливой. По мнению Трейчке войны не должны быть длительными и легкомысленными.

В 20-30-е гг. XX в. увидели свет две содержательные работы о лидерах партии Р. Беннигсене и Й. Микеле. Автор монографии «Беннигсен как кандидат в министры» Д. Зандбергер [35] детально рассматривает события 1877-1878 гг., которые оказались драматическими для партии. Семилетнюю национал-либеральную эру в целом исследователь расценил как время политического компромисса с властью [35, S. 2], а отношения Бисмарка и Беннигсена характеризовал как партнерские. Анализируя обстоятельства, сопутствующие приглашению Беннигсена в министерство, Зандбергер считал неизбежным поражение политика, что для партии становилось катастрофой [35, S. 179.]. Основная ошибка национал-либералов, на

взгляд автора, заключалась в несовместимости с определенного момента либеральных идеалов с реальной политикой.

Историк Г. Херцфельд [17] - биограф Й. Микеля – квалифицировал национал-либералов как партию политически-идеалистического мировоззрения, считая своего героя выразителем компромиссных решений [17, S. 261]. Профессиональная деятельность Й. Микеля была связана с финансовой сферой и поэтому уже с 1873 г. он постоянно выступал с критикой экономической политики либералов, указывая на ее не соответствие реальным вызовам времени. Со временем расхождения между ним и партией углублялись и с 1876 г. он перестал участвовать в делах партии. По мнению Г. Херцфельда, реальное внутривнутрипартийное единство длилось до 1873 г. Принятие септенната 1874 г. стало первым критическим пунктом в отношениях партии и рейхсканцлера [17, S. 272].

Публикация биографий данных политиков, позиции которых были близки консерваторам и сторону которых они впоследствии приняли, свидетельствует об уверенности историков в правильности избранного Бисмарком внутривнутриполитического курса – авторитаризма. Исследователи утверждают, что умные, здраво рассуждающие люди, каким бы взглядам они не симпатизировали, в конечном итоге осознают недалекость, непрактичность либерализма.

В некоторых изданиях периода Веймарской республики промахи и неудачи национал-либеральной партии трактовались как случайность и стечение обстоятельств, которые с 1876 г. ускорили её закат на политической арене [8]. Интересно мнение исследователя И. Холфелса [18], который в работе «История Германской империи. 1871-1926» подчеркивал значимую роль партии в строительстве империи и, как и Г. Онкен, называл 70-е гг. XIX в. национал-либеральной эрой в парламенте. Он не принимал доктринерскую позицию Ласкера [18, S.92].

После второй мировой войны немецкая историография ряд десятилетий двигалась разными путями в рамках двух отдельных немецких государств. Историческая наука в ГДР следовала марксистско-ленинской методологии. Одной из главных её задач было «разоблачение» реакционной внутренней и внешней политики германского империализма. И всё же удалось внести определённый вклад в изучение немецкого либерализма. Этому содействовал двухтомный коллективный труд «Буржуазные партии в Германии: 1830-1945» [11]. В нём характеризовался социальный состав либеральных организаций, выявились позиции соответствующих партий по важнейшим политическим вопросам. Значимой представляется и работа Э. Энгельберга по истории Германии с 1871 по 1897 гг. [10]. Национал-либералы квалифицируются здесь как отличавшиеся нерешительностью и политическим непостоянством, как партия, нацеленная на компромисс с властью, и прежде всего, на взаимовыгодное сотрудничество с Бисмарком.

Со своей стороны, творчески мыслящие учёные ФРГ всё больше убеждались в узости германского историзма. Среди них выделялся Г. Ротфельс, не только отвергавший примат внешней политики над внутренней, но и осознававший важность долгое время игнорировавшихся социальных и экономических факторов в истории. Сам он был сторонником вмешательства государства в социальные отношения, настаивал на реформаторстве в этой сфере, внедрении неолиберальной модели. Ротфельс стал главной фигурой сложившегося к концу 50-х годов неолиберального направления.

В одной из своих работ [34] он подчёркивал, что образование империи есть движение к реальной политике, к принятию решений, исходя из практических соображений, а не идеологических или моральных. Именно так, согласно Ротфельсу, действовал Бисмарк, политические шаги которого подчинялись глубокому смыслу. Политика фритреда была для канцлера только необходимой ступенью исторического развития, а не догмой, как у национал-

либералов. Когда свобода торговли себя изжила, Бисмарк, в отличие от последних, отказался от неё. В целом, по мнению исследователя, либерализм доставил империи больше поражений, чем успехов. Триумф национал-либералов на выборах явился лишь результатом благоприятного стечения обстоятельств [34, S. 54.]. И даже для единства Германии, чему была подчинена деятельность партии, они мало что сделали. Ротфельс сделал вывод, что само основание партии и её требования направлялись «против идеи времени» [34, S. 61.].

Во многом противоположных позиций придерживается Ф. Селл, рассматривающий в книге «Трагедия немецкого либерализма» [38] политическое поведение либеральных партий. Сотрудничество власти и национал-либералов исследователь объясняет взаимовыгодой. Историк положительно отзывается о процессе либерализации в целом, выделяя, однако, два крупных промаха в партийной тактике последних, заключающихся в активной поддержке «культуркампа» и преследовании социалистов [38, S. 242.]. Либеральная эра, по мнению Селла, завершилась принятием закона против социалистов и поворотом к протекционизму. Возвращение либерального правления стало возможным только со сменой трона.

Широкую дискуссию в Западной Германии после войны вызвал опубликованный ещё в её разгар в Швейцарии фундаментальный трёхтомный труд немецкого эмигранта Э. Эйка [12]. В середине 1950-х гг. вышла его книга «Бисмарк и Германская империя» [11], также написанная с либерально-демократических позиций и содержащая критику рейхсканцлера и его авторитаризма. О роли национал-либералов он отзывается высоко, пишет о «качестве» депутатов от партии – людей больших знаний, понимавших политику. Особо отмечает Ласкера, поддерживавшего общепартийную линию только в первые годы империи. Автор поднимает вопрос: можно ли назвать национал-либералов правительственной партией? Сам он даёт на него отрицательный ответ [11, S. 251.].

Национал-либералов касаются в двух любопытных работах конца 1950-х гг. Р. Морзей пишет об успехах партии в административном строительстве [24], В. Гагель убедительно критикует её за игнорирование социального вопроса – требований рабочих [14].

Начало нового десятилетия ознаменовалось появлением основанной на архивных материалах и опубликованных источниках серьёзной монографии тогда молодого Т. Ниппердея «Организационная структура немецких партий до 1918 года» [26]. Наибольшее внимание автор уделяет именно либеральным силам. Характеризуя национал-либералов, ученый указывает на рыхлость партийной структуры и на то, что управление сосредоточилось во фракции рейхстага [26, S. 119]. Историк отмечает слабую активность и волю партии в достижении своих политических требований.

Конец 60-х-70-е гг. XX в. характеризовались ростом интереса к внутреннему устройству империи, к партиям вообще, и к либералам в частности [2, 6, 16, 33, 37]. При этом повествование в духе традиционного историзма, с упором на «героев» и политическую историю сменяется серьёзным вниманием к экономическим и социальным процессам. Прослеживается стремление к системному осмыслению германского общества рассматриваемой эпохи, включающему экономический, социальный, политический и культурный факторы. Характерный признак этих исследований – выраженная критика бисмарковского авторитаризма.

В капитальном труде ученика известного радикального историка Ф. Фишера Г. Бёме «Путь Германии к великой державе» [5] главное внимание уделяется экономике и хозяйственным отношениям. Объединение страны и дальнейшие политические процессы рассматриваются сквозь призму развития экономики. На внутреннюю политику Бисмарка сильное воздействие оказали союзы, созданные деловыми кругами. Автор признает неопределимые заслуги национал-либералов в реформировании экономической системы, особенно выделяя Бамбергера и Микеля [5, S. 313-316]. Кризис 1873 г. способствовал переходу канцлера от

фритредера на позиции протекционизма. Позднее это привело к разрыву с либералами и сближению с юнкерско-аристократическими кругами и католической партией Центр. Результатом стало утверждение консервативно-авторитарной политической модели. Что же касается национал-либералов, то партия раскололась на три части: проправительственную, умеренную и радикальную, представленные Трейчке, Беннигсеном и Ласкером соответственно [5, S. 552-553].

С трудом Бёме переключается исследование эмигранта времён войны, осевшего в США Г. Розенберга «Великая депрессия и эпоха Бисмарка», опубликованное в 1976 г. [32]. Автор также уделяет значительное место экономическим явлениям. И всё же возникшие в рассматриваемое время проблемы охватывают, по его мнению, и экономику, и социальные отношения; объясняются психологией и собственно политическими моментами. Всё это в совокупности влияло на внутреннее положение империи. Кризис 1873 г. обозначил начало упадка либерального движения [32, S. 62]. Ослабла экономическая, идеологическая и политическая привлекательность платформы национал-либералов, снизилась их народная поддержка. Неоднородность социального состава партии и различия экономических интересов повлекли за собой споры между «интеллектуалами» и «практиками» [32, S. 134.]. С 1878 г. «гибких» (правых) национал-либералов исследователь квалифицирует как левое крыло консервативной партии.

С конца 1970-х гг. появляется ряд работ одного из наиболее плодотворных немецких историков Г.-У. Велера, посвящённых Второй империи, в том числе, бисмарковскому периоду [48, 49, 50]. Исследователь был учеником Г. Розенберга и воспринял его синтезирующую трактовку истории. В это время под главенством Велера начинает складываться в Билефельдском университете «социально-критическая школа» в историографии. Среди трудов учёного в 1970-е гг. особенно выделяется много раз переиздававшаяся «Германская империя. 1871-1918» [46]. Историк наглядно показывает силу авторитарных начал в системе управления, проявившихся в культурной, религиозной, экономической и политической сферах. Всё больше распространение в германских верхах получает идея борьбы с внутренними врагами. Одновременно учёный обращается к немецкому либерализму 60-х-70-х гг. XX в. Снижение поддержки партии на выборах в 1877 и 1878 гг. он объясняет здоровой оценкой населения нараставших социально-экономических проблем. Последний аспект Велер относит к наименее разработанным материалам партии.

Ряд работ посвятил эпохе Бисмарка М. Штюмер [41, 42]. Для рассматриваемой темы наибольший интерес представляет его монография «Правительство и рейхстаг в государстве Бисмарка 1871-1880: цезаризм или парламентаризм» [43]. Штюмер анализирует здесь механизм управления, оценивает роль народного представительства в начале существования империи. Он утверждает, что в рассматриваемое десятилетие идея господства парламента не имела под собой реальной почвы. Но рейхстаг, по мысли исследователя, являлся источником формирования основных течений эпохи: социальной интервенции, национализма и массовой демократии [43, S. 112]. Созданная рейхсканцлером система управления – бисмаркизм – предопределила сосуществование либерализма и абсолютизма. Штюмер отмечает нерешительность национал-либералов в конституционно-политических вопросах, рисует убедительную картину капитуляции партии перед властью. По его мнению, до 1874 г. начавшаяся в 1866 г. либерализация имела позитивную направленность, но события 1878 г. и закон против социалистов символизировали консервативный переход. Партия стала на путь компромисса со старым государством, а итог выборов 1878 г. вынуждал её плыть «против течения». Поскольку не все хотели принять такой итог, она раскололась на бисмаркианцев и антибисмаркианцев [43, S. 52]. И всё же историк призывает не смотреть на партию как неполноценную.

Хотя национал-либералы не управляли страной прямо, они и не чувствовали себя подавленными или ущемлёнными.

В научной литературе конца 70-80-х гг. XX в. либеральное движение рассматривалось не только и не столько сквозь призму бисмарковского правления, сколько с позиций изучения партийной системы и собственно национал-либералов. Мюнхенский историк Герхард Август Риттер, известный знаток рабочего движения в кайзеровской Германии, стал также автором ряда работ о политических партиях и парламент [29, 30, 31]. Учёный приводит убедительные аргументы в пользу тезиса о невозможности утверждения в Германии 70-х гг. XIX в. подлинного парламентаризма. Во многом это объясняется слабостью и неуверенностью самой буржуазии. Автор настаивает на том, что в конституционно-политических вопросах национал-либералы придерживались умеренных взглядов, не заявляя всерьёз о необходимости коренной ломки механизма управления. Главные проблемы партии Риттер видит в неоднородности её социального состава, неверном выборе тактики, построенной на принципе соглашения и приоритетных направлений стратегии [30, S. 66-67]. Большое внимание он уделяет внутрипартийным разногласиям.

Непосредственно изучением немецкого либерализма занимается Дж. Шеан [39, 40]. Он обращает внимание на широкий спектр групп либерального лагеря и неодинаковое восприятие либерального движения в регионах. Историк характеризует национал-либералов как партию знати, как организацию, зависимую от личной инициативы и знакомств. Он считает, что разногласия середины 1870-х годов в партии и либеральном движении носили больше личный, а не доктринальный характер [39, S. 153]. Сама программа партии являлась двусмысленной, противоречивой. Именно это и вызвало ряд политических и культурных конфликтов.

Представитель социально-критической школы и один из руководителей её печатного органа «Наука и общество» Д. Лангевитше также характеризует национал-либералов в монографии «Либерализм в Германии», вышедшей в 1988 г. [22]. По его мнению, партия не смогла бы установить в стране новые порядки, ибо её мировоззрение апеллировало к прошлому, оставаясь неизменным со времени основания империи. Национал-либералы постоянно высказывали готовность к компромиссам и капитулировали перед Бисмарком. Главной их ошибкой явилось проведение церковной политики, выявившей слабость германского либерализма [22, S. 185-186].

В работах крупных современных исследователей Г. Винклера [51] и Ю. Кокки [19, 20], связанных с социально-критической школой, показана политическая эволюция главных сил либерального лагеря слева направо. Те оказались подвержены национализму. Именно последний, по Винклеру, привел к отпочковыванию национал-либералов от прогрессистов [51, S. 37]. Во второй половине 1870-х годов в связи с неудавшейся экономической политикой и внутренним разладом рассматриваемая партия прибегает к национализму, как к объединяющей силе.

Со своей стороны, Кокка отмечает, что не все национал-либералы хотели развития парламентаризма. В качестве примера он приводит Трейчке, называя его аутсайдером либерального лагеря [20, S. 44]. Членов партии исследователь делит на националов и либералов [20, S. 50]. Кокка и Винклер сходятся во мнении, что борьба против внутренних и внешних врагов стимулировала национализм, который в конце 70-х гг. XIX в. принимает форму антисемитизма. Их линию поддерживает К.Е. Борн, который считает партию активными проводниками курса германизации [7].

Хотя стремление к синтезу социальных, политических, экономических и иных факторов было в Германии последней трети XX в. ведущей линией в историографии, в свет выхо-

дили и монографии другого плана, основанные на традиционном историзме, пусть и несколько видоизменённом. Таков капитальный труд Л. Галла «Бисмарк. Белый революционер» [15], появившийся в 1980 г. Во главу угла опять поставлена великая личность. Конечно, гениальность Бисмарка состояла в том, что его деятельность соответствовала передовым тенденциям времени, а поразительные успехи в объединении Германии способствовали рождению индустриального общества. Но он хотел законсервировать достигнутое, что было уже невозможно. Поэтому канцлер, по Галлу, революционер, но белый, то есть консервативный. Его партнёрство с национал-либералами было своеобразным компромиссом монархического государства и нового буржуазного общества. Оно прекратилось из-за сильного влияния в партии её левого крыла во главе с Ласкером – главным оппонентом рейхсканцлера. Что же касается идеологии национал-либералов, то, по Галлу, кризис либеральной мысли вызван недостаточным вниманием к экономическим и социальным проблемам [15, S. 576].

Для нашего исследования имеет значение обобщающая «Немецкая история» [25] уже упоминавшегося Т. Ниппердея¹, принимающего соединение традиционного германского историописания с социологическими построениями и экономическим анализом. Прекращение партнёрства учёный увязывает с тем, что левое крыло национал-либералов подталкивало партию к большему участию в управлении. Сам Ниппердей сочувствует либерализму, представляя национал-либералов жертвой времени и Бисмарка. Выигравшим оказался канцлер: обуздание либерализма открывало возможность для укрепления авторитарного государства. Историк называет конец либеральной эры эпохальной переменой, трагическим несчастьем для немцев [25, S. 402].

В начале 90-х годов в Германии появились две проблемные статьи, непосредственно посвящённые изучаемой партии. Одна из них – «Национал-либералы – неизвестная партия?» К. Поля [28]. По своим функциям национал-либералы могли играть роль правительственной партии. Но Поль подчёркивает, что они оказались неспособными принимать решения на имперском уровне, проявляли пассивность, не реагировали своевременно на социальные и экономические изменения. Статья Г. Шмидта «Национал-либералы – партия, способная образовать правительство?» [36] содержит вопрос уже в названии. Автор отвечает на него отрицательно [36, S. 218]. Сыграть роль первой скрипки национал-либералам было не суждено. Они могли быть лишь младшим партнёром или оппозицией.

Тема «Бисмарк и либерализм» затрагивается в двух синтетических работах Г.-П. Ульмана «Немецкий рейх: 1871-1918», «Политика в немецкой империи: 1871-1918» [44, 45], появившихся в конце прошлого столетия. Ситуация в политических верхах в 70-ые гг. XIX в. трактуется им в понятиях «сотрудничество как конфликт» [44, S. 51]. Взаимодействие правительства и национал-либералов означало для последних возможность либеральных реформ: с Бисмарком они могли достичь большего, чем без него. Сама партия была одновременно готова и к компромиссу, и к реформам. Левых национал-либералов Ульман представляет расчётливыми политиками, придерживающимися двойной стратегии: сотрудничества с канцлером и сближения с прогрессистами. Раскол партии оказался неизбежен. Он надолго ослабил либерализм, отодвинул реформаторские силы на обочину политической истории.

Нельзя не остановиться на грандиозном труде по немецкой истории выдающегося учёного Г.-У. Велера. В третьем томе, охватывающем 1849-1914 гг. [47], сквозь призму судеб Германии он размышляет о национал-либералах. Историк называет последних псевдоправительственной партией, старшим партнёром по неформальной коалиции с прогрессистами [47, S. 866]. Национал-либералы переоценивали свои силы, жили надеждами и иллюзиями. То

¹ Это посмертное издание несколько раз переиздававшегося труда. Первое вышло в 1980-е годы.

была, как замечает автор, «партия избирателей Бисмарка» («Bismarck-Wähler-Partei») [47, S. 869]. Авторитарный режим сдерживал инициативу. Но, по мнению учёного, без конфликтов с Бисмарком нельзя было добиться перераспределения сил в системе управления, поскольку парламентаризация – есть мирная конституционная революция. Национал-либералы сделали ответственными за неудачную политику фритреда, усугубившую экономический кризис. Их позиции подрывались также рабочим социалистическим движением. И наконец, внутриполитические противоречия истощали партию.

В исторической литературе первого десятилетия нового века внутренняя политика национал-либералов часто затрагивалась лишь вскользь. Это характерно, например, для исследования Г. Бирмана «Идеология и реальная политика. Младогерманские либералы и внешняя политика до объединения Германии» [3], появившегося в 2006 г.

Напрямую избранной темы касаются статьи Р. Форсбаха [13] и Д. Лангевитше [21]. Последний считает либеральную эру фазой крупных реформ [21, S. 89]. При этом политическое развитие Германии определял, в основном, Бисмарк, без участия которого не была бы возможной никакая либерализация. Но созданию действительного либерального государства канцлер противился. Сотрудничество национал-либералов с ним уже изначально омрачали разногласия. Но и сама партия по-настоящему не добивалась осуществления своих конституционных принципов и проявляла инертность в политической практике. Последовательно развивать либеральную идеологию пыталось только радикальное крыло партии [21, S. 78].

Форсбаха привлекает фигура национал-либерала Трейчке как политика и учёного. Автор с большим сомнением относит его к приверженцам либерализма. Ведь тот был крайним унитаристом, считавшим, что деспотизм – самый быстрый путь к национальному единству. Форсбах характеризует Трейчке как человека, чей идеал социального общественного устройства заключался в полной ассимиляции евреев [13, S. 135].

В Германии начала нового тысячелетия чувствуется некоторая «усталость» от истории власти и великих личностей. На передний план выходит история повседневности, «история снизу» [1]. В какой-то мере это сказывается на интересе к Бисмарку, а тем более к политическим партиям времён установления Империи.

В целом же, за прошедшие 130 лет о рейхсканцлере и властных институтах его эпохи написано много. А вот литература о собственно национал-либералах далеко не столь обширна. Ещё меньше затрагивается национал-либеральная теоретическая мысль. А тема совместности партийной доктрины с политической практикой почти не прослеживается.

Возвращаясь к мировой историографии, должно отметить, что национал-либералов обычно касаются косвенно. Историки практически не пишут об их организации, мало озадачиваются их доктриной. Партия лишь выглядит как коллективный пособник Бисмарка. В этом свете назрела необходимость специального систематического исследования национал-либералов.

Библиографический список

1. Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М., 2010.
2. Bergsträsser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. – Mannheim/Wien, 1965.
3. Biermann H. Ideologie statt Realpolitik. Kleindeutsche Liberale und auswärtige Politik vor der Reichsgründung. – Düsseldorf, 2006.
4. Blum H. Das deutsche Reich zur Zeit Bismarcks. Politische Geschichte von 1871 bis 1890. – Leipzig/Wien, 1893.
5. Böhme H. Deutschlands Weg zur Großmacht. Studie zum Verhältnis von Wirtschaft und Staat während der Reichsgründungszeit. 1848-1881. – Köln, 1972.
6. Böhme H. Probleme der Reichsgründungszeit 1848-1879. – Köln/B., 1968;

7. Born K.E. Von der Reichsgründung bis zum Ersten Weltkrieg. – München, 1975.
8. Bornhock C. Im neuen Reich. Deutsche Geschichte von 1871 bis 1890 auf Grund der Akten. – B., 1924.
9. Die bürgerlichen Parteien in Deutschland 1830-1945. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen von Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. II. – Leipzig, 1970.
10. Engelberg E. Deutschland von 1871 bis 1897 (Deutschland in der Übergangsperiode zum Imperialismus). – B., 1965.
11. Eyck E. Bismarck und das Deutsche Reich. – B., 1955.
12. Eyck E. Bismarck: Leben und Werk. – Zürich, 1941-1944.
13. Forsbach R. Heinrich von Treitschke // Fröhlich M. Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. – Darmstadt, 2001. S. 131-142.
14. Gagel W. Die Wahlrechtsfrage in der Geschichte der deutschen liberalen Parteien. 1848-1918. – Düsseldorf, 1958.
15. Gall L. Der weise Revolutionär. – Frankfurt-am-Main/B./Wien, 1980.
16. Gall L. Liberalismus. – Gütersloh, 1976.
17. Herzfeld H. Johannes von Miquel und die Bismarckische Reichsschöpfung von 1866 bis 1884. Bd. I. – Detmold, 1938.
18. Hohlfels J. Geschichte des Deutschen Reiches. 1871-1926. – Leipzig, 1926.
19. Kocka J. Geschichte und Aufklärung. Probleme der Nation in der deutschen Geschichte 1870-1945. – Göttingen, 1989.
20. Kocka J. Wendepunkte deutscher Geschichte // H.A. Winkler 1866 und 1878: Der Machtverzicht des Bürgertums. – Frankfurt-am-Main, 1989. S. 37-63.
21. Langewiesche D. Bismarck und die Nationalliberalen // Gall L. Otto von Bismarck und die Parteien. – Paderborn/München/Wien/Zürich, 2001. S. 73-91.
22. Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. – Frankfurt-am-Main, 1988.
23. Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neuen Geschichte. – B., 1924.
24. Morsey R. Die oberste Reichsverwaltung unter Bismarck 1867 bis 1890. – Köln/Graz, 1957.
25. Nipperdey T. Deutsche Geschichte in 2 Bde. Bd. II. Machtstaat vor der Demokratie. 1866-1918. – München, 1998. – 948 s.
26. Nipperdey T. Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918. – Düsseldorf, 1961.
27. Oncken H. Rudolf von Bennigsen. Ein deutscher liberaler Politiker. Nach seinen Briefen und hinterlassen Papieren. Bd. II. 1867-1902. – Stuttgart/Leipzig, 1910.
28. Pohl K.H. Die Nationalliberalen – eine unbekannte Partei? // Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. – 3. Jahrgang. – Baden-Baden, 1991.
29. Ritter G. Arbeiterbewegung, Parteien und Parlamentarismus: Aufsätze für deutsche Sozial- und Verfassungsgeschichte des XIX. und XX. Jahrhunderts. – Göttingen, 1976.
30. Ritter G. Die deutschen Parteien 1830-1914: Parteien und Gesellschaft im konstitutionellen Regierungssystem. – Göttingen, 1985.
31. Ritter G. Regierung, Bürokratie und Parlament in Preußen und Deutschland von 1848 bis zur Gegenwart. – Düsseldorf, 1983.
32. Rosenberg H. Große Depression und Bismarckzeit. Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa. – Frankfurt-am-Main, 1976.
33. Rostock M. Liberale Parteien // Schlangen W. Die deutschen Parteien im Überblick: von den Anfängen bis heute. – Düsseldorf, 1879. S. 63-70.
34. Rothfels H. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Vorträge und Aufsätze. – Göttingen, 1959.
35. Sandberger D. Die Ministerkandidatur Bennigsens. – B., 1929.
36. Schmidt G. Die Nationalliberale Partei – eine regierungsfähige Partei? Zur Problematik der inneren Reichsgründung 1870-1878 // Die deutschen Parteien vor 1918. – Göttingen, 1993. S. 208-223.
37. Schoeps H.-J. Bismarck über Zeitgenossen. Zeitgenossen über Bismarck. – Frankfurt-am-Main/B., 1972.
38. Sell F. G. Die Tragödie des deutschen Liberalismus. – Stuttgart, 1953.
39. Sheehan J. J. Der deutsche Liberalismus: von den Anfängen im XVIII. Jahrhundert bis zum I. Weltkrieg. 1770-1914. – München, 1983.

40. Sheehan J. J. Wie bürgerlich war der deutsche Liberalismus // Langewiesche D. Liberalismus im XIX. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich. – Göttingen, 1988. S. 28-44.
41. Stürmer M. Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft. – Düsseldorf, 1970.
42. Stürmer M. Das ruhelose Reich: Deutschland 1866-1918. – B., 1983.
43. Stürmer M. Regierung und Reichstag im Bismarckstaat 1871-1880. – Düsseldorf, 1974.
44. Ullman H.-P. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1918. – Frankfurt-am-Main, 1995.
45. Ullmann H.-P. Politik im deutschen Kaiserreich 1871-1918. – München, 1999.
46. Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich. 1871-1918. – Göttingen, 1979.
47. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte in 4 Bände. Bd. III. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges: 1849-1914. – München, 1995.
48. Wehler H.-U. Deutsche Historiker. – Göttingen, 1973.
49. Wehler H.-U. Geschichte als historische Sozialwissenschaft. – Frankfurt-am-Main, 1973.
50. Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreich: 1871-1918. Studie zur deutsche Sozial- und Verfassungsgeschichte. – Göttingen, 1979.
51. Winkler H.A. Liberalismus und Antiliberalismus. Studien zur politischen Sozialgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. – Göttingen, 1979.

Сведения об авторе:

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия); E-mail: julia0404@rambler.ru

Первые шаги в науку

УДК 94(470.333)03

С. В. Леонов

СВЯТЫЕ ВОИНЫ БРЯНСКОЙ ЗЕМЛИ: КНЯЗЬ РОМАН МИХАЙЛОВИЧ

Аннотация: Статья посвящена Святому благоверному князю Роману Михайловичу Брянскому как воину, защитнику Брянской земли, проводившему политику объединения юга Руси. Статья повествует о нём, прежде всего как о христианине – святом угоднике. Роман Михайлович Брянский основатель Свято-Успенского Свенского монастыря на реке Свинь (Свень). Материал был озвучен на конференции преподавателей и студентов Брянского государственного университета, посвященной 800-летию Св. Александра Невского.

Ключевые слова: Роман, Рюриковичи, Кафедральный Собор, Ипатьевская летопись, Литва, Миндовг, Довмонт, татары, Богоматерь, Тохта.

Leonov S. V.. Holy Warriors of Bryansk Lands: Prince Roman Mikhailovich

The article is devoted to the prince of Roman Mikhailovich Bryansky as a warrior, defender of the Bryansk Land, who conducted the policy of the uniform of the south of Russia. The article tells about him, primarily as a Christian - Holy Hardwife. Roman Mikhailovich is a founder of the Holy Assumption Sven` Monastery on the Svin` river (Sven`).

Keywords: Roman, Rurik, spelled the word Cathedral, Ipatiev Chronicle, Lithuania, Mindovg, Dovmont, Tatars, The virgin, Khan Tokhta.

Князь Роман Михайлович, прозванный историками «Старым», издавна именуется святым и благоверным в агиографической литературе. На Брянской земле он местно почитается как Небесный покровитель нашего региона. Оно по рождению принадлежал к одной из старших ветвей Черниговских Ольговичей правящего на Руси княжеского рода Рюриковичей. Время и место его рождения в источниках не прослеживается. О нём упоминают русские летописи, родословные книги исследователей о взаимоотношениях летописных сводов XV-XVI вв. и родословных книг М.Е. Бычкова, княжеский помянник Любецкого синодика, «Сказание... о Свенском монастыре», «История монголов» Джiovани де Плано Карпини. Деятельность князя Романа привлекала внимание отечественных историков: архиепископа Черниговского Филарета (Гумилёвского), Д.Н. Багалея, П.В. Голубовского, Р.В. Зотова, М.К. Любавского, В.Б. Антоновича, М.С. Грушевского, А.Е. Преснякова, А.Н. Насонова, В.В. Мавродина, В.А. Кучкина, А.Ю. Дворниченко, Б.Н. Флоря, С.А. Беляевой, Ф.М. Шабульдо, Д.Н. Александрова, А.А. Горского, С.С. Дозорцева, К.В. Сычева, Г.П. Полякова, А.В. Аистова, А.В. Валерова и многих других [2; 4; 5; 8; 12; 13; 14; 15 и др.].

Данная публикация – наш вариант реконструкции его жизни и, возможно, новой редакции его жития.

Роман был вторым сыном Михаила Святого – Михаила Всеволодовича, великого князя Черниговского и Киевского и внуком Всеволода Святославича, также великого князя Черниговского и Киевского. Его матерью стала дочь знаменитого Романа Мстиславича Галицкого и сестра Даниила Галицкого – «Короля Руси», а бабушкой княгиня Анна – дочь Рюрика Ростиславича, великого князя Киевского. Роман родился не ранее 1228 г.

Во время правления Романа Михайловича первенство Брянска среди остальных городов Чернигово-Северской земли было подтверждено переносом сюда епископской кафедры. Епископская кафедра в Брянске – весомое доказательство его лидирующего положения [3. С.9-10]. Брянский Кафедральный Собор, выстроенный, по всей видимости, князем Романом на месте современного Спасо-Гробовского храма (или Спаса на гробах Брянских епископов) в северо-западной части окольного города древнего Брянска, сохранил Черниговскую традицию и был

посвящён Спасу, культ которого, наряду с культом Богородицы, был важнейшим княжеским культом на Руси. Стремительное возвышение Брянска, произошедшее после монголо-татарского нашествия, было не только следствием объективных причин, но и в немалой степени – результатом активной политической и военной деятельности Романа Михайловича Брянского. В период его княжения Брянская земля достигла внутренней стабильности и внешнеполитической значимости [2].

Конфликт с Литвой во главе с объединившим её Великим князем Миндовгом, победившим крестоносцев и поляков, хитрым беспрецедентным политиком, начался ещё в 50-е гг. XIII века. Как свидетельствует Ипатьевская летопись, «люди Миндовги... велико убийство творяше земле Черниговской».

Владимир Волков. «Князь Роман у стен Брянской крепости»

Начало 60-х гг. XIII в. было отмечено новым обострением отношений между Литовским княжеством и Чернигово-Брянской землёй. По сообщению Ипатьевской летописи, в 1263г. «послал бешеть Миндовгъ всю свою силу за Днепр на Романа на Брянского князя». [10, стб. 873]. В это время в Брянске праздновали свадьбу младшей дочери Романа Михайловича Ольги с сыном Волынского князя Владимиром Васильковичем. Роман Михайлович со свадебного стола отправился навстречу литовскому войску [10, Стб. 861-862]. Ослабленное уходом князя Довмонта (будущего князя Псковского) литовское войско было наголову разгромлено князем Романом, по-видимому, в конце августа - начале сентября 1263 г. Раненый великий князь вернулся с победой в Брянск, где продолжились свадебные торжества: «и отдал дочь свою беахуть бо у него иные три, а се четвертая, сия же башеть ему всех милее» [7, с.43]. Таким образом Роман Михайлович своей выдающейся победой, остановившей на десятилетия агрессию Литвы на свою землю, смог разгадать и замысел элиты ВКЛ и его нейтрализовать. Союз Брянско-Черниговской и Волынской земель оказался действенным. В 1274 г. мощная коалиция князей, в которую вошёл Лев Данилович Галицкий, Мстислав Данилович Луцкий, Владимир Василь-

кович Волынский, а также Роман Михайлович Брянский, его сын Олег, Глеб Ростиславович Смоленский и «и инии князи мнози», при поддержке монгольской конницы, выступила против Литвы [10, Стб. 873]. Несмотря на то, что поход большого успеха не принёс, и русско-татарскому авангарду удалось взять только г. Новогрудок, в то время столицу Литвы, действия Романа Михайловича вызвали расположение к брянскому князю со стороны ордынского хана [14]. Это было важным фактором во внешнеполитической сфере, как и равноправный союз, между Брянским и Волынским князьями.

Очевидный рост могущества Брянско-Черниговского государства, выразившийся, в частности, в успешной борьбе с Литвой, видимо, вызывал опасения ряда соседних земель за целостность своих территорий. Наиболее враждебную позицию по отношению к Брянску, занял Смоленск. Противостояние двух земель привело к военному столкновению между ними в середине 80-х гг. XIII в. Вероятно его причиной стали «недоразумение по поводу границ». По сообщению Лаврентьевской летописи от 1285 г. «Роман, князь Брянский, приходил ратью к Смоленску, и позже пригород и отыде во своя си» [9, л.170 об.]. Смоленская летопись добавляет, что Роман Михайлович «бился у города». Словом, военные действия носили широкомасштабный характер. По Никоновской летописи Роман не только «**ко граду пристгупал**», но и «**власти и села повоева**». Очевидно, территория Смоленской земли подверглась серьёзному разорению.

В 1288 г. Роман Михайлович, по примеру Андрея Боголюбского (перенос чудотворной иконы Богоматери Владимирской из Киева во Владимир) осуществил доставку не менее знаменитой иконы Богоматери Печерской, ставшей Свенской, из Киево-Печерского монастыря в Брянск. В 5 поприщах южнее Брянска, в устье р. Свинь, на месте древнего городища, где происходит чудесное исцеление Романа Михайловича от слепоты, он основывает новый мужской монастырь, где в дальнейшем и хранилась эта святыня РПЦ [4, с.9]. Роман жертвует этой иконе драгоценный оклад 26 сентября 1288 г. о чём свидетельствует надпись на ней: «в лето 6796. Окладована бы ся икона благоверным великим князем Романом Михайловичем Черниговскими благоверною великою княгиней Анастасиею, месяца сентемврия в 26 день на память Иоанна Богослова» [6, С.9]. По всей видимости, имя Иоанн князь получил при крещении.

Последнее датированное упоминание Романа Михайловича в летописи относится к 1293 г. Тогда 65-летний великий князь Черниговский стал союзником великого князя Владимирского Андрея Александровича, сына Александра Невского. Эти князья вместе с Фёдором Смоленским и Ярославским ходили «с воями» в поход на немцев [11, С. 202].

Продолжающееся усиление Брянско-Черниговского государства, рост его внешнеполитической активности, успешная борьба с Литвой, союз с могущественными Галицко-Волынскими князьями, наконец незаурядные личные качества Романа Михайловича Брянского – всё это в совокупности вызывало растущие опасения и тревогу со стороны Золотой Орды. Поэтому судьба князя Романа была предreshена. По сведениям родословных книг «убил его царь в Орде» [1, С.68]. Можно предположить, что убийство брянского князя произошло после 1293 г. по приказу хана Золотой Орды Тохты. Талантливый полководец и незаурядный политический деятель Южной Руси представлял угрозу для политики Золотой Орды и стал, как и его отец Михаил Святой, её жертвой [8, с.5]. РПЦ канонизировала Романа Михайловича (как и его отца, тётю и сына) и включила в состав Собора Брянских Святых.

Возможно его останки, с разрешения хана, как и останки его отца Михаила Всеволодовича, которые захоронили в Черниговском Спасо-Преображенском Соборе, привезли в Брянск и погребли в Кафедральном Соборе, либо в Соборном храме Свенского Успенского монастыря, им основанного.

В.В. Волков. Роспись «Князь Роман Брянский»

(Зал ожидания вокзала станции Брянск-Орловский. Холодная энкаустика. 1997).

Дата основания Брянска 985 г. не связана с князем Романом Михайловичем и по сути является условной, не приведенной в письменных источниках, а установленной административно.

Библиографический список

1. Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1851. Книга X.
2. Горский А.А. Брянская альтернатива // Родина. 2003. № 11.
3. Дозорцев С., Дозорцев М. Брянск. Тула. 1986
4. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
5. Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. – СПб., 1787.
6. Иерофей, архимандрит. Брянский Свенский Успенский. Орёл. 1895
7. Липец Р., Рабинович М. К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей) // Советская этнография. 1960. № 4.
8. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М—Л, 1940
9. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
10. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
11. Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.
12. Поляков Г.П. Князь Роман Михайлович Брянский // Святейший князь Михайло Чернігівський та його доба. - Чернігів, 1996.
13. Поляков Г.П., Чубур А.А. История Брянского края: с древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений, под ред. В.Ф. Блохина. – Брянск: Курсив, 2012. – 288 с.,
14. Сычев К.В. История становления Брянского княжества, родословная и деяния князя Романа Михайловича в свете традиционных источников // Деснинские древности. Вып.5. - Брянск, 2008.
15. Чубур А.А., Чернышов С.В. Летопись Брянщины. Т.1 / Научно-популярная монография. – Смоленск-Брянск: Эверест, 2011. – 120 с.

Сведения об авторе:

Леонов Сергей Владимирович, магистрант БГУ им. Петровского, клирик храма Вознесения Господня г. Брянска. E-mail: Leonowa.Leonova2015@yandex.ru Научный руководитель проф. Е.А. Шинаков

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ 1242 Г.: ОБРАЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: «Ледовое побоище» одно из знаменательных событий XIII в., считается, что оно во многом определило ход истории Руси. Не удивительно, что эта тема всегда привлекала внимание многих исследователей. В работе выясняются ход и особенности освещения «Ледового побоища» в отечественной науке, показываются основные тенденции в изучении этого события. Доклад озвучен на конференции преподавателей и студентов Брянского государственного университета, посвященной 800-летию Св. Александра Невского.

Ключевые слова: Ледовое побоище, Александр Невский, Отечественная историография.

Drozhzhin R.A. Battle on the Ice 1242: image and interpretation in modern domestic historiography

Abstract: The Battle on the Ice is one of the significant events of XIII century, it is believed that it largely determined the course of the history of Rus. Therefore, it is not surprising that at all times this topic attracted the attention of many researchers. The work also turns out the course and features of the Battle on the Ice traveling in Russian science, showing major trends in the study of this event. The material is voiced at the conference of teachers and students of the Bryansk State University dedicated to the 800th anniversary of St. Alexander Nevsky.

Key words: Battle on the Ice, Alexander Nevsky, Patriotic historiography.

Битва на Чудском озере, состоявшаяся 5 апреля 1242 г., позднее вошедшая в историю как Ледовое побоище занимает одно из важных мест в истории России. Данное событие привлекало внимание многих исследователей. Одним из первых источников по данной теме стала «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», написанная митрополитом Кириллом в конце XIII в. Данное событие было описано весьма скудно, указано, что собралось множество воинов и состоялась «кровавая битва», где многие погибли. Примечательно, что Невской битве, состоявшейся за несколько лет до сражения на Чудском озере в 1240 г., уделено значительно больше внимания: дается краткое описание битвы, перечисляются шесть наиболее храбрых воинов [7]. Упоминание Ледового побоища есть и в древнейших летописях той поры Новгородской 1-й летописи старшего извода, Псковской 1-й летописи (по Тихановскому списку), Софийской 1-й летописи, Суздальской 1-й летописи. Во многом благодаря этим письменным русским источникам и строилась историками картина сражения [3].

В дореволюционной отечественной исторической науке Ледовому побоищу не уделялось, несмотря на то, что образ князя Александра был сакрализован Русской Православной церковью, сделавшей князя святым Александром Невским [1, с. 7]. Даже такие известные историки, как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, основное внимание в своих трудах и исследованиях также уделяли Невской битве, а не битве на Чудском озере [4, с. 21].

Пришедшие к власти большевики в силу своей идеологии начали борьбу с образом святого князя. В мае 1922 г. Петроградский совет потребовал вскрыть ларец с мощами Александра в Троицком соборе и представил в прессе эту акцию как разоблачение «векового обмана рабочего класса». В дальнейшем о Ледовом побоище писалось немного работ, но и в них интерпретация события лежала в контексте марксистско-ленинского просвещения. Рубежом, который изменил восприятие истории в целом, в том числе и битвы на Чудском озере, стал XVII съезд ВКП(б) в 1934 г., где Сталин заявил, что нужно отказаться от безликой интерпретации событий и уделять внимание наиболее важным национальным героям, то есть вернуть историю в русло государственной официальной идеологии. В результате Ледовое побоище 1242 г. стало не рядовым сражением, а важным событием, которое решило судьбу страны. В 1937 г. вышла книга А.В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», где важность сражения на Чудском озере обоснована цитатами из К. Маркса [1, с.9], а в 1938 г. Сергей Эйзенштейн

снял фильм «Александр Невский», где сражению на Чудском озере был придан эпический судьбоносный характер, определивший ход истории государства. В послевоенные советские годы Ледовому побоищу продолжало уделяться серьезное внимание. В этот период вышло значительное количество работ, был проведен ряд экспедиций. Опубликованы серьезные исследования М.Н. Тихомирова, Э.К. Паклара, Г.Н. Караева, Ю.В. Кривошеева [6, с. 3-7].

В 1990-2000-х гг. в исторической науке и во всех школьных, университетских учебных пособиях, книгах Ледовое побоище освещено достаточно хорошо. Современные отечественные исследователи в своих работах также не обходят стороной данную тему. В российской электронной библиотеке НЭБ только в период с 2010 по 2021 год размещено более 1800 работ, которые освещали разные аспекты данной темы. Касаясь современной историографии следует отметить, что для отечественных исследователей характерно сопоставление источников, исследовательской литературы, стремление к авторской интерпретации Ледового побоища. Основное внимание уделяется ходу битвы, составу войск, потерям, значимости сражения.

В статье А.П. Бахтина внимание уделено предыстории конфликта, объединению Тевтонского ордена с орденом меченосцев, и событиям, предшествовавшим сражению на Чудском озере. Сопоставляя различные письменные источники, автор приходит к выводу, что бой произошел 5 апреля 1242 г. в субботу на Чудском озере у Вороньего камня. Первая атака немцев была отбита, их повторное нападение прорвало боевое построение русской рати. В завязавшемся кровопролитном бою чужд бежала с поля боя, а немцы были перебиты. Орденовских рыцарей пало 20 человек, 6 попали в плен, и никто из них не проваливался под лед. А.П. Бахтин утверждает, что рыцари в ходе Ледового побоища использовали построение «свиныйей», а не «острой колонной», поскольку изначально в первоисточниках упомянуто построение свиныйей, а в трудах исследователей, возможно, из-за искажения переводов появляется «острая колонна». Сравнение данных построений показывает, что использование «острой колонны» было нерационально в условиях данного сражения [2].

В работе Е.А. Колоскова предпринята попытка осмысления причин, хода и последствий знаменитого сражения. Автор старается ответить на вопросы: из-за чего Ледовое побоище приобрело известность, и почему Александр Ярославич стал сакральной фигурой и одной из самых известных персон средневековой Руси, а сражение на льду Чудского озера превратилось в «крупнейшую битву раннего средневековья»? Он начинает с того, что описывает положение дел среди княжеств Северо-Запада Руси и их западных соседей на рубеже 1230-1240-х гг. Е.А. Колосков касается биографии Александра Ярославича с момента, когда он стал княжить и впервые столкнулся с рыцарями Ордена, плавно переходя к эпизоду битвы на Чудском озере. Повествуя о «Ледовом побоище», он подробно останавливается на соотношении сил, командующих, составе войск, ходе битвы. Автор считает, что рост авторитета Александра Ярославича обусловлен тем, что после падения Константинополя в 1204 г. и особенно после заключения Лионской унии 1274 г. усилились противоречия между католическим и православным духовенством, в связи с чем на фоне других князей, которые заигрывали с католическими иерархами, личность князя Александра, как «защитника веры православной», стала знаковой для РПЦ. Уже с конца XIII в. начали появляться тексты, которые освещают жизнь князя. В связи с этим Ледовое побоище превращается в знаковую битву, благодаря которой православие дало достойный отпор католицизму и сохранилось на русской земле [5].

Библиографический список:

1. Аникин Д.А. Образ Ледового побоища: медиапрезентация и политика памяти // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. Материалы V международной научно-практической конференции памяти В.Л. Гинзбурга и Э.П. Круглякова, 4-5 июля 2017 г. С. 5-12.

2. Бахтин А.П. Ледовое побоище: о построении «Свиньей», или «Острой колонной». // Слово.ру : Балтийский акцент, 2015. С. 63–86.
3. Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П. «Письменные источники о Ледовом побоище» // Русские источники / Ливония [Электронный ресурс] URL: http://www.livonia.narod.ru/research/ice_battle/rus_source.htm (дата обращения 21.04.2021.)
4. Карамзин М.Н. История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т.4. 480 с.
5. Колосков Е.А. Ледовое побоище в контексте мифологизации истории. // Исторический журнал: научные исследования. 2012 № 3. С.46–55.
6. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Ледовое побоище 1242 года: исследователи и исследования // Борьба за Юго-Восточную Прибалтику между Россией и Речью Посполитой в раннее новое время. Вып. 1. Январь – июнь 2014. С. 3-10.
7. «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра» [Электронный ресурс] URL: // <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zhitie-aleksandra-nevskogo/zhitie-aleksandra-nevskogo-original.ht>. (дата обращения: 21.04.2021).

Сведения об авторе:

Дрозжжин Роман Александрович, студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, e-mail: drozhzhin.roma@bk.ru. Научный руководитель проф. Е.А. Шинаков

Рецензии

УДК 355.4/94(47)072

С.В. Артамошин

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ГЕРМАНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ: ЛАННИК Л.В. ПОБЕДОНОСНЫЕ ПРОИГРАВШИЕ: ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА В 1914-1921 ГГ. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. – 528 с.)

Аннотация: В статье осуществляется критическое осмысление монографии Л.В. Ланника, посвященной истории германской военной элиты в годы Великой войны 1914-1918 гг. Рассматривается проблема роли военной элиты в планировании и принятии стратегических решений в годы войны.

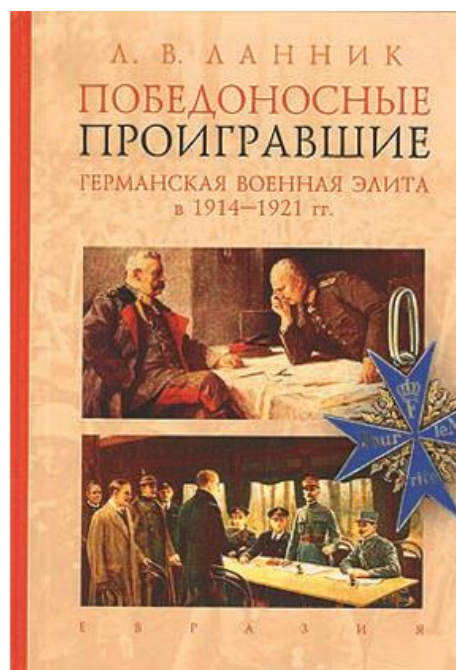
Ключевые слова: военная элита, Великая война 1914-1918 гг., германский Генеральный штаб, рейхсвер.

Artamoshin S.V. The Great War of German generals (Reflections on the book: Lannik L.V. Victorious losers: the German military elite in 1914-1921 - SPb.: Eurasia, 2016. - 528 p.)

Abstract: The article provides a critical understanding of the monograph by L.V. Lannik dedicated to the history of the German military elite during the Great War of 1914-1918. The article considers the problem of the role of the military elite in planning and making strategic decisions during the war years.

Key words: military elite, Great War of 1914-1918, German General Staff, Reichswehr.

История Великой войны в интеллектуальном контексте современной России занимает особое место в силу того, что прошло столетие ее начала и завершения, которое вызвало вполне закономерный интерес книгоиздателей к публикации исследований, как прошлой, так и современной историографии. Нельзя сказать, что рынок наводнился исторической литературой по истории войны, но появились ряд новых исследований, позволивших увидеть в ней новые аспекты. К такой категории книг мы отнесем глубокое, содержательное исследование кандидата исторических наук Л.В. Ланника, раскрывающее развитие германской военной элиты в годы Великой войны. Следует оговориться, что хронологические рамки исследования обосновано расширены и затрагивают первые годы Веймарской республики, что вызвано инертным процессом воздействия германской военной элиты на политические процессы поствоенного германского государства. В истории Великой войны осмысление места военной элиты является ответом на ключевой вопрос, почему Германская империя потерпела поражение в крупнейшем военном сражении. Автор акцентирует на этом внимание: «Рок Германской империи в Великой войне проявился «в миниатюре» еще в ходе реализации плана Шлиффена в августе-сентябре 1914 г.: выиграв едва ли не все тактические схватки, Германия потерпела стратегическое поражение, в то время как автор плана кампании подразумевал строго обратное, то есть допустимость локальных неудач ради итоговой победы. Тот же

результат постиг Германию и после 52 месяцев войны – масса блестящих побед и неумолимое поражение в финале»[1. С.10-11].

Обреченность Германской империи в войне стала стержнем историографических дискуссий германской исторической науки и мемуаристики. В введении к работе Ланник Л.В. приводит обстоятельный анализ историографических позиций, показывая как историческую, так и политическую обусловленность оценок. Концептуальный анализ германской историографии сочетается с оценкой советской историографии войны. Автор справедлив в том, что критический пыл советской историографии определялся не столько слабостью исторических концепций германских историков, сколько слепой идеологической неприязнью всего буржуазно-капиталистического. «То есть любая немарксистская работа была «виновата» главным образом в том, что она - немарксистская»[1. С.25]. Найденный на рубеже XX – XXI в. компромисс подходов в виде интерпретации двух мировых войн и межвоенного периода как второй Тридцатилетней войны позволил сфокусировать внимание на комплексе проблем.

Первую главу Л.В. Ланник посвятил анализу состояния и степени военно-стратегической готовности германской военной элиты к ведению масштабных военных действий. Используя понятие элита, автор выделяет структурные компоненты, характерные для германской военной элиты конкретного исторического времени, что позволяет прояснить ее место в системе политической власти Кайзеррейха. Исходя из монархической модели политической власти в Германии она была связана с носителем самой власти. Характеристика императора Великой войны Вильгельма II позволяет обратить внимание на личностные аспекты, которые влияли не только на направленность внешней политики, но и на ключевые кадровые назначения, определяющие в рамках войны практически все [1. С.51-59]. Волонтаризм германского кайзера, склонного назначать на должности по благорасположению и по знакомству приводил к складыванию системы власти, обладающей внутренней нестабильностью. Эксцентричность самого императора, его воинственность были не лучшими помощниками в условиях европейского кризиса.

Созданный автором коллективный портрет германского офицерства накануне войны позволяет увидеть в германской армии отражение динамики социальных изменений, происшедших в самой империи. Несмотря на падение роли аристократии в обществе численность дворянства в армии возрастала. Это способствовала не только традиционная приверженность германского дворянства военной службе, но и введение «нового дворянства» в состав германской военной элиты[1. С. 66]. Следует согласиться с мнением автора о том, что слияние дворянства и буржуазии было характерной чертой кайзеровской монархии, отразившейся не только на структуре военной касты, но и на системе власти[1. С. 65-66, 69]. Вместе с тем, в высших эшелонах власти доля дворянства была значительной, а местами и определяющей. Цифры, приводимые исследователем, указывают на то, что среди низшего офицерства доля дворян составляла 30 %, в то время как среди полковников и генералов – 52%, среди генералитета – 71%, достигая в высших кругах 94%[1. С. 72].

Справедливо утверждение автора об отсутствии монолитности кайзеровской армии, определяемой не только нюансировкой образования германской империи как союза монархий, но и сохранившейся после образования региональной взаимосвязи вооруженных сил. В этой связи патронируемый кайзеровский военно-морской флот представляет собой пример монолитного единства перед лицом монархических армий. Автор анализируется кадровая политика в германской армии с упором на формирование германских частей и вывод в данном вопросе позволяет утверждать, что несмотря на увеличение численности воинского контингента пропорционального увеличение кадрового офицерского корпуса не происходило [1. С. 87]. Конечно, отличительная черта германской армии, состоящая в сильном унтер-офицерском со-

ставе, создавала возможность пополнения офицерских кадров, но не была в состоянии решить проблему кадрового офицерства. Вместе с тем, Германская империя вошла в войну в состоянии расколота военной элиты, несколько смягченной численным увеличением армии и неоформленностью контрэлиты, но все более обострявшей конфликт между военным министерством и Генеральным штабом, разрешение которого во многом напоминало откладывание решения проблемы, чем его рассмотрение. Не последнюю роль играло и то, что накануне войны происходила смена поколений, когда имевшие боевой опыт офицеры уходили в отставку, заменяемые офицерами, имевшими в своей биографии только выучку. Л.В. Ланник утверждает, что «единая военная элита Кайзеррейха начал формироваться только в 1870-1871 гг., то выход поколения Седана в отставку не мог не сопровождаться значительным обострением вопроса об адаптивности сложившейся системы взаимоотношений армии и государства» [1. С. 98].

Автор обстоятельно анализирует состояние военного управления, выделяя роль Большого Генерального штаба, отмечая структурную зависимость его от военного министерства, которое может рассматриваться как препятствие в эффективном функционировании военной машины в условиях войны. Элементы жесткости армии выражались в столкновении исполнительности и самостоятельности офицеров. Сама военная стратегия в виде «плана Шлиффена» предполагала большую исполнительность и как следствие этого деперсонализацию военного командования, что по-своему было роковым. Однако следует подчеркнуть огромное значение Генерального штаба в военных успехах германской армии, высоту и качество военной мысли, и управляемость военными соединениями. «Каждый из начальников отделов Генерального штаба стоил целой армии, несмотря на свой скромный чин. Недаром главным ограничением германских вооруженных сил по Версальскому мирному договору следует считать не запрет на танки, авиацию или подводный флот, и даже не жесткий лимит армии в 100 тысяч человек, а запрет на содержание Генерального штаба, который был воссоздан Гитлером раньше, чем танковые войска» [1. С. 109-110]. Под воздействием политических трансформаций германского общества накануне войны военная элита была вынуждена приобретать не свойственные ей качества. Л.В. Ланник подчеркивает, что традиционная аполитичность офицерского корпуса начинает стираться под воздействием партийно-политической жизни империи, втягивающей в обсуждение социальных и политических вопросов, хотя говорить о политической ангажированности офицерского корпуса вряд ли приходится [1. С. 130]. Однако в перспективе, которая стала реальностью в годы Великой войны и персонально выраженной в дуумвирате Гинденбург-Людендорф, германская военная элита была вынуждена вмешиваться в решение политических проблем и брать на себя руководящую роль в политических компонентах войны. Впоследствии, это стало важной составляющей рейхсвера в годы Веймарской республики. В конечном счете сам военный конфликт, об июньско-июльских событиях которого дискуссия ведется до сих пор, был в меньшей степени виной военных, чем беспечностью и стечением обстоятельств. Как отмечает автор, «анализ действий охраны Франца-Фердинанда, хроники покушения и обстановки убийства, реакции на него в венгерской части двуединой монархии, где с трудом скрывали злорадство, наводят на мысли о халатности австрийских спецслужб такой степени, что это можно объяснить только версией намеренной провокации, почти «приглашением к конфликту» террористов и сербских националистов в целом. На принятие роковых неверных решений сказались многие факторы, в том числе то, что канцлер, не имевший должного внешнеполитического опыта, не советовался с ведущими дипломатами, а военные подключились к разработке плана действий, только когда война стала необратимой, когда логика событий уже была сильнее намерений отдельных лиц, даже в императорских коронах» [1. С. 166].

Вторая глава книги рассматривает боевые действия германской армии на полях сражений 1914-1917 гг. Именно начавшиеся боевые действия продемонстрировали, что степень готовности великих стран к войне была иллюзорной в том смысле, что возникшие масштабы столкновения не представлялись участниками до начала боевых действий, а ресурсы, задействованные в них, были настолько масштабными, что страны оказались не готовы к войне незапланированных масштабов. Автор не погружается в детализацию боевых действий, а старается вычленировать механизм войны с тем, чтобы ярче продемонстрировать роль личностей и факторов, приведших к ее известному протеканию. Такой подход оправдан, так как не распыляет внимание читателя, постоянно держа его в фокусе действий военной элиты, причем германский офицерский корпус погружен не только в исторический контекст, но и в сравнительную плоскость действий союзных и вражеских элит, что позволяет не только обеспечить сравнение, но и оценить качественность германского офицерского корпуса. Успешным представляется анализ персонального состава офицерского корпуса и указание автора на достаточно распространенные исключения из правил формирования военной элиты, которые стали в войну реальностью [1. С. 188, 194-196, 214-216]. Содержательным представляется рассмотрение повседневности военной элиты, контраста окопного и штабного офицера. Столкновение ценностных позиций и переживаний компенсировалось для офицеров штаба устанавливаемыми связями и знакомствами, сыгравшими в дальнейшем роль катализаторов военной карьеры, как отношения Бломберга и Кейтеля. Вместе с тем борьба за власть в военных инстанциях вылилась в столкновение Фалькенгайна и Людендорфа [1. С. 260-261]. Следует отметить, что Л.В. Ланник демонстрирует комплекс личностных, политических, военных, стратегических противоречий внутри высших генералов. Им убедительно показано изменение ситуации в войне в период руководства Фалькенгайна и Людендорфа, чувствуется авторская симпатия к первому из них. Изменение характера и содержания войны, наступление времени «материальных сражений» затрагивало и состав военной элиты. Л.В. Ланник точно отметил, что на смену кадровым офицерам войны стали приходиться фронтовые офицеры, не имевшими за плечами военных училищ, а являвшимися рожденными самой войной [1. С. 335].

Третья глава затрагивает последний год войны – 1918 г. Автор обстоятельно прослеживает попытки германского командования, прежде всего Людендорфа, преодолеть кризис фронта и все-таки выиграть войну [1. С. 358-369]. Военный тупик при всей неоднозначности до осени 1918 г. военного поражения Германской империи препятствовал поиску выхода из тяжелой ситуации. Отставка Людендорфа, по мнению автора, служила снятию последнего препятствия перед поиском политического выхода в переговорах с Антантой [1. С. 380]. Политический кризис начала ноября 1918 г. продемонстрировал обреченность монархии перед наступающей германской революцией. Ожидание приказа о подавлении беспорядков так и не последовало, что стало ярким подтверждением того, что монархическая власть умерла.

В заключительной главе книги Л.В. Ланник рассматривает судьбу германской армии в условиях революции и судьбу германской военной элиты. Окончание войны и действия, направленные на демобилизацию солдат и вывод германских войск на родину. Справедливым выглядит утверждение автора о том, что в условиях трансформации кайзеровской армии в условиях Версальского мира необходимы были промежуточные образования, которые могли бы служить связкой между кайзеровской армией и рейхсвером. Такой выступали фрайкоры, которые не следует рассматривать исключительно с политической позиции [1. С. 411]. Их эволюция в бригады временного рейхсвера в 1919 г. заложили основы республиканской армии Веймарской республики. Автор убежден, что именно сдержанная, а местами жесткая позиция рейхсвера в политической гражданской войне в Германии в 1919-1923 гг. позволила устоять германской республике. «Жесткая позиция рейхсвера, не поддавшегося на провокации с лю-

бой стороны, стала основой для подавления сепаратистских мятежей как коммунистов, так и ультраправых в первые годы Веймарской республики» [1. С. 423].

За годы Великой войны германская военная элита претерпела существенные изменения, повлиявшие как на качественный и персональный состав, так и на роль армии в государстве. Сохраняя в годы республики важнейшие позиции, рейхсвер впитал в себя опыт Великой войны, вывел из тени начальников штабов командующих армиями и создал все для того, чтобы спустя двадцать лет, как сказал когда-то маршал Ф. Фош, попытаться вновь отыграть Великую войну в новой мировой схватке. обстоятельная монография Леонтий Владимировича Ланника показывает, какой была и как изменилась германская военная элита за годы Великой войны. Его исследование является большим вкладом в изучение Великой войны через ее немецких участников, позволяющим понять сущность такого явления как германская кайзеровская армия.

Библиографический список:

1. Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914-1921 гг. – СПб.: Евразия, 2016.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clilo-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЬИ

- Рукопись подается в электронной версии (по электронной почте или через мессенджер сети "ВКонтакте" на имя редактора или члена редколлегии) в формате или doc или docx. Все нестандартные обозначения в тексте должны быть разборчиво вписаны от руки и введены в текст в виде картинок.
- название статьи, ф.и.о. автора/авторов, резюме до 400 слов и список ключевых слов/словосочетаний (до 10 слов) на английском и русском языках,
- в начале статьи указывается УДК (при сложностях эту функцию берет на себя ответственный секретарь журнала).
- в конце приводятся подробные сведения об авторах (полные фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес).
- при наличии иллюстраций необходимо наличие электронных версий (разрешение не менее 200 dpi).
- Примечания даются внизу соответствующей страницы с постраничной нумерацией (1, 2, 3)
- Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках, где указывается номер в списке литературы и, через запятую при необходимости номер страницы/страниц или рисунка), например - [5, С.23-24], [21, Рис.2: 6, 12].
- Список литературы и источников дается общий, пронумерованный, в алфавитном порядке в конце рукописи, вначале работы на кириллице, затем на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года, к году проставляются литеры а, б, в, включая первое упоминание. Список сокращений прилагается. Источником библиографического описания является титульный лист издания либо сведения над аннотацией на контртитule. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания и, по возможности, издательства. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск:
монография: Петров П.П. Всё об Этом. – Брянск: РИО БГУ, 2003. - 323 с.
статья: Иванов И.И. Кое-что кое о чём // Археология Полесской Республики. 2023. №3. С.2-22.
источник: Псковские летописи. Т.1. - М.-Л., 1941.
архивный материал:
- Шинаков Е.А. Отчет о раскопках Погарского отряда Деснинской экспедиции ИА АН СССР в Брянской обл. (1985 г.) // Архив ИА РАН, Р-1, №11047.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271.

Просим Вас придерживаться при подготовке своих рукописей изложенных ниже правил оформления, это по-может редакции оперативно готовить Ваш материал к выходу в свет. Рекомендуем в качестве образца оформления ознакомиться с одним из последних номеров журнала. Это облегчит работу для Вас.